

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 11 2025 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

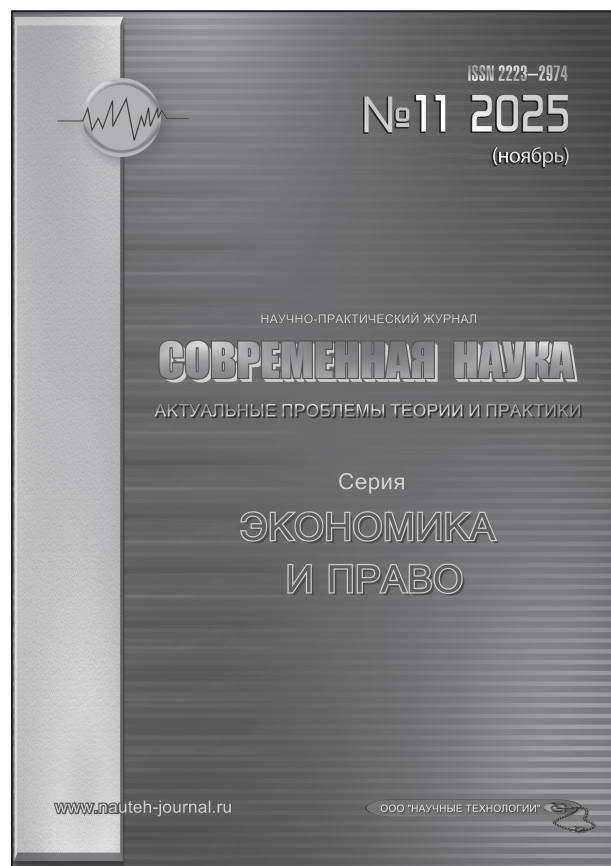
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK — 5.1x, 5.2x, 5.4x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.11.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Белянина И.В., Долганова Н.А. — Малое и среднее предпринимательство: тенденции, проблемы устойчивости и финансирования
Belyanina I., Dolganova N. — Small and medium-sized entrepreneurship: trends, sustainability, and financing issues 5

Газизуллин Р.И. — Понятие и правовая природа цифровой идентификации в экономических отношениях
Gazizullin R. — The concept and legal nature of digital identification in economic relations. 12

Заднепровская Е.Л., Ползикова Е.В. — Промышленный туризм как инструмент развития туристской территории на примере Краснодарского края
Zadneprovskaya E., Polzikova E. — Industrial tourism as a tool for developing tourist territories on the example of the Krasnodar region. 22

Заднепровская Е.Л., Ползикова Е.В., Шпырня О.В. — Аспекты развития научно-популярного туризма на примере отдельных российских регионов
Zadneprovskaya E., Polzikova E., Shpyrnya O. — Aspects of the development of popular science tourism on the example of individual Russian regions. 29

Кишкинова О.А., Яковлева О.А., Вerezубова Н.А. — Перспективы внедрения блокчейна в корпоративное управление
Kishkinova O., Yakovleva O., Verezubova N. — Prospects for the introduction of blockchain in corporate governance 36

Кукушин Н.Н. — Промежуточные решения энергетического перехода в концепции устойчивого развития России: эколого-экономические составляющие
Kukushin N. — Intermediate solutions of energy transition in the concept of sustainable development for Russia: ecological and economic components» 40

Лазарев Е.Н., Мальцева Ю.А., Климин В.Г. — Маркеры качества в медицинском туризме: интеграция российских и международных подходов

Lazarev E., Maltseva Yu., Klimin V. — Quality markers in medical tourism: integration of Russian and international approaches 46

Лю Цзынин, Чжао Цзелинь — История развития и современное состояние электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае
Liu Zining, Zhao Zelin — The history and current state of the development of electronic trade in agricultural products in China 53

Ню Яхуэй — Трансформация глобальных цепочек стоимости в условиях цифровизации и геоэкономической турбулентности: новые вызовы и возможности для стран с развивающимися рынками
Niu Yahui — Transformation of global value chains in the context of digitalization and geoeconomic turbulence: new challenges and opportunities for emerging markets 58

Олейник Н.М. — Платформенная экономика: условия, принципы и перспективы развития
Oleynik N. — Platform economy: conditions, principles and development prospects 62

Синельников М.Д., Бодунов П.А. — Современные методики управления бизнес-процессами в условиях инновационного развития нефтегазового сектора
Sinelnikov M., Bodunov P. — Modern methods of business process management in the context of innovative development of the oil and gas sector. . .68

Стерник С.Г. — Проблемы импортозамещения в отраслях связи и телекоммуникаций
Sternik S. — Problems of import substitution in the communications and telecommunication industries 72

Сычев Д.Р. — Экономическая безопасность евразийского экономического союза: инструменты интеграционной защиты
Sychev D. — Economic security of the Eurasian economic union: tools for integration protection . .77

У Куйкуй, Исупова Е.Н. — Особенности реализации инвестиционных проектов КНР на примере г. Хэфэй

Wu Kuikui, Isupova E. — Peculiarities of implementation of investment projects of China on the example of g. Hefei 81

Федотова Г.В., Хейчиева Б.И., Дахнович К.А. — Интеллектуальные инновации в управлении отраслевыми предприятиями
Fedotova G., Kheychieva B., Dakhnovich K. — Intellectual innovations in industry enterprise management. 86

Эшматов Ш.А. — Методологические основания оценки трансформаций рынка труда в условиях цифровой экономики
Eshmatov Sh. — Methodological foundations for the assessment of labor market transformations in the digital economy 90

Право

Григорьева О.Г., Никульшин А.А. — Пенсионная реформа Саудовской Аравии в контексте экономической программы «Saudi Arabia Vision 2030»
Grigorieva O., Nikulshin A. — Pension reform in Saudi Arabia in the context of the «Saudi Arabia Vision 2030» 99

Даниленкова Т.О. — Формы и способы объективации правосознания
Danilenkova T. — Forms and methods of objectification of legal consciousness 103

Жестков И.А. — Цифровой рубль в деятельности коммерческих организаций
Zhestkov I. — The digital ruble in the activities of commercial organizations 107

Кобзарь-Фролова М.Н. — О концептах административного права: историко-правовые аспекты
Kobzar-Frolova M. — On administrative law concepts: historical and legal aspects 109

Костылева Н.И. — Уголовно-правовая характеристика новых видов преступлений
Kostyleva N. — Criminal law characteristics new types of crimes 116

Лавшук М.А. — Соотношение свободы воли и смежных категорий
Lavshuk M. — The relationship between free will and related categories 121

Наумов В.В. — К вопросу об уголовно-правовом обеспечении экологической безопасности

в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

Naumov V. — On the question of criminal-legal support for environmental safety in the Russian Federation and the people's republic of China 124

Орехова Н.Л. — Цифровизация трудовых отношений: необходимость обновления правового регулирования

Orekhova N. — Digitalization of labor relations: the need for legal regulation update 131

Русяева М.М., Баршова О.А. — Сопоставление стадий совершения преступления в уголовном законодательстве России и Индии
Rusyaeva M., Barshova O. — Comparison of the stages of committing a crime in the criminal legislation of Russia and India 135

Уварова Н.В., Зорина О.Р. — Нормальное развитие несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны
Uvarova N., Zorina O. — Normal development of minors as an object of criminal law protection.... 139

Чжао Жуньфэн — МПИА как инструмент обеспечения стабильности международного торгового права в эпоху экономической неопределенности
Zhao Runfeng — MPiA as a tool to ensure the stability of international trade law in an era of economic uncertainty..... 142

Шабалина Е.И., Киреев Б.В. — Диалектика общественного контроля как публичного института
Shabalina E., Kireev B. — The dialectics of public control as a public institution 145

Социология

Скопа В.А., Серова Н.С., Пилипенко Д.С. — Социальная культура: теоретическое осмысление и структурные особенности
Skopa V., Serova N., Pilipenko D. — Social culture: theoretical understanding and structural features 148

Чжан Чжици — Цифровизация производства товаров и услуг и трансформация человеческого капитала: на примере России и Китая
Zhang Zhiqi — Digitalization of the production of goods and services and the transformation of human capital: the case of Russia and China 153

Наши авторы 159

МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ И ФИНАНСИРОВАНИЯ

SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP: TRENDS, SUSTAINABILITY, AND FINANCING ISSUES

I. Belyanina
N. Dolganova

Summary. This article examines current trends in the development of small and medium-sized businesses, identifies the causes of ongoing quantitative and qualitative transformations, and assesses them. It also explores the advantages and challenges of small business, its role, and its impact on the economy. Particular attention is paid to the sustainability of small businesses.

Keywords: small and medium-sized businesses, small and medium-sized businesses, sustainable development, risks of small business, characteristics of small business, trends in small business development.

Белянина Ирина Владимировна

к.э.н., доцент,

АНОВО «Московский Международный Университет»

89168861176@mail.ru

Долганова Нина Александровна

к.э.н., доцент,

АНОВО «Московский Международный Университет»

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные тенденции развития малого и среднего бизнеса, выявлены причины происходящих количественных и качественных трансформаций и дана их оценка. Рассмотрены преимущества и проблемы малого предпринимательства, его роль и влияние на экономику. При этом особое внимание уделено проблемам устойчивости малого бизнеса.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, субъекты малого и среднего бизнеса, устойчивое развитие, риски малого предпринимательства, особенно-сти малого бизнеса, тенденции развития малого бизнеса.

Устойчивое развитие (англ. *sustainable development*), как концепция социально-экономического изменений общества, сформулирована ООН еще в 1983 году, ее содержание дополнено и конкретизировано девятнадцатью направлениями, четкой формулировкой целей устойчивого развития (ЦУР), и принципов социально ориентированного бизнеса. Концепция устойчивого развития, основанная на экономической, социальной и экологической логике, выразившейся в определении соответствующих принципов (ESG — *Environmental, Social, Governance*), по сути рассматривается, как базовый ориентир для социально-экономических трансформаций современного общества в целом и бизнеса, в частности, вне зависимости от его страновых, отраслевых особенностей, размеров, организационно-правовых различий [12]. В этом контексте устойчивость для бизнес-структур предполагает такое развитие, которое отвечает потребностям и запросам настоящего времени без ущерба для благополучия будущих поколений. Признаки устойчивости субъектов бизнеса, как коммерческих единиц, характеризующиеся продолжительным развитием и эффективностью, сохраняют абсолютную актуальность в рамках концепции.

Для малого и среднего бизнеса (МСБ), со свойственной ему мобильностью и гибкостью, проблемы устойчивости приобретают особое значение, поскольку его отличает высокая степень динамичности и зависимости от изменений и турбулентности внешних условий,

а также внутренних факторов развития. Изучение особенностей и проблем устойчивости малого и среднего предпринимательства (МСП) было, есть и остается актуальным направлением в научных исследованиях и прикладной деятельности, а успешность развития этого сектора экономики все чаще рассматривается с позиций не только роста количественных показателей, но и качественных характеристик, что в полной мере соответствует концепции устойчивости и принципам ESG.

Однако сегодня развитие малого и среднего предпринимательства с позиций ESG исследуется гораздо реже и фрагментарнее по сравнению с крупным бизнесом, хотя некоторые подвижки по разным направлениям теории и практики происходят и в этом секторе экономики.

Следует отметить, что понимание значения МСБ для социально-экономического развития общества, его особенностей и потребностей в современных реалиях есть на всех уровнях управления, осознается властью, научным и бизнес-сообществом, что в значительной мере проявляется в весьма оперативной их реакции на запросы МСБ и общества. Например, даже в весьма консервативной сфере, каковой является отчетность, появились такие новые статистические показатели для МСБ, как предприятия, имеющие признак «вновь созданные», «социальные предприятия», ряд нефинансовых показателей. Это не только углубляет возможности для анализа

и оценки состояния малого и среднего бизнеса, но и позволяет изучить их деятельность с позиций ESG, а самому бизнесу может обеспечить определенные преференции.[15]

Расчеты показывают, что на 10.09.2025 г. порядка 12 % или 816911 предприятий МСБ из их общего числа имели признак «вновь созданные» и 1,6 % отнесены к числу социальных. Влияние МСБ на экономику и социально-экономические процессы объективно усиливаются, что четко прослеживается, как общая тенденция и в нашей стране, и в мире. По данным Всемирного банка на долю малого бизнеса приходится около 90 % предприятий, и число их растет, как и численность, занятых на малых предприятиях, так и вклад в экономику. [9, 15]

Следует отметить, что критерии отнесения субъектов хозяйственной деятельности в разных странах тоже различаются, но сравнительный анализ организационных различий такого рода в целом можно считать корректными. Однако они не являются объектом данного исследования, но при проведении ряда аналитических исследований различия все же следует учитывать.

По данным Российской газеты со ссылкой на исследование Института комплексных стратегических исследований и данным Еврокомиссии в структуре ВВП на долю МСБ приходится: во Франции — 42,1 %, в Германии — 46,6 %, в Испании — 59,5 %, в Италии — около 70 % (данные на 2023 год), в КНР и США в этот показатель превышает 60 %. В разных верифицированных источниках данные различаются, но в пределах допустимой статистической погрешности и в связи с различиями как в методиках определения самого понятия — малый бизнес, так и в расчетах ряда показателей. [18]

В нашей стране показатели развития МСБ существенно ниже, чем в ряде стран. Вместе с тем в течение нескольких последних лет сектор малого и среднего предпринимательства, даже несмотря на макроэкономические проблемы, показывал достаточно стабильную динамику важнейших экономических индикаторов, что в определенной мере позволяет сделать вывод о его устойчивости, жизнеспособности, адаптационных возможностях и качественном росте.

В Российской Федерации в субъектах МСБ трудоустроено более 40 % от общей численности рабочей силы или более 31 млн чел.; ими создается более 21,7 % ВВП страны и производится более 10 тысяч наименований продукции. По данным правительства РФ, в частности, Департамента развития малого и среднего предпринимательства и налогового стимулирования Минэкономразвития РФ, основными отраслями, ставшими драйверами роста в экономике, являются предприятия таких отраслей, как обрабатывающая промышленность, профессиональ-

ная, научная и техническая деятельность. По данным Минэкономразвития в настоящее время МСБ активно участвует не только в традиционных сферах экономики, но и активно реализует ресурсо- и наукоемкие проекты, в том числе в разработке космических программ, производстве беспилотных летательных аппаратов, выпуске импортозамещающей продукции. Общий вклад МСП в экономику страны превысил 34,5 трлн руб. [13]

По итогам первого квартала 2025 г. число малых и средних предприятий в России превысило 6,7 млн. Это самый высокий показатель с начала ведения Единого реестра субъектов МСП, т.е. с 2016 года. По мнению министра экономического развития М. Решетникова «необходимо обеспечить реальный рост дохода на одного работника малого и среднего бизнеса в 1,2 раза выше, чем рост ВВП». [14]

Чтобы выявить тенденции и проблемы МСБ, по нашему мнению, следует дать оценку его самым современным тенденциям и показателям. Как известно, в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» четко закреплены виды хозяйственных субъектов, относящихся к малому и среднему бизнесу, а именно: индивидуальные предприниматели (ИП), крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, потребительские кооперативы, производственные кооперативы [1] Однако, чтобы избежать неточности, по нашему мнению, следует указать, что в новых регионах есть отличия при включении предприятий в перечень МСБ. [2]

Критерии отнесения предприятий к малому бизнесу устанавливает государство, и они отличаются весьма серьезным диапазоном количественных метрик в зависимости от вида субъекта МСБ. Эти критерии закреплены в ФЗ N 209-ФЗ и периодически пересматриваются, как правило, весьма оперативно с учетом динамики изменений внешней среды и иных значимых факторов и в соответствии с запросами МСБ и состоянием экономики.

В зависимости от форм регистрации субъекты малого и среднего предпринимательства выступают либо в качестве физического лица (индивидуальный предприниматель, плательщик налога на профессиональный доход без регистрации ИП), либо юридического лица (хозяйственные товарищества, хозяйственные общества и другие).

Многие негативные моменты и нарушения в деятельности субъектов малого предпринимательства, часто приводящие к его разрушению, связаны с тем, что, открывая бизнес, предприниматели не вникают в суть различий для разных типов бизнес-единиц. Даже при весьма конкурентоспособной бизнес-идее ее реализация требует организационно-правового обоснования при

выборе сферы деятельности по ОКВЭД, рационального способа налогообложения и многих других организационных решений. Так, например, ряд видов деятельности требует обязательного лицензирования, у части форм субъектов малого бизнеса есть ограничения по видам деятельности, выбору альтернативных форм налогообложения.

Отсутствие знаний и опыта часто являются причиной не только штрафов для начинающих предпринимателей, но и в последствие причиной сворачивания бизнеса и разорения. Как известно, процесс регистрации предприятий МСБ, индивидуальных предпринимателей сейчас довольно прост и не является затратным. Однако, сразу после регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя в порядке, установленном ФЗ 129 [3], у субъекта хозяйственной деятельности появляется не только право на осуществление предпринимательской деятельности, но и возникают обязательства перед государством и партнерами. Эти обязательства в самом общем виде можно подразделить на материальные и обязанности по предоставлению отчетности. [10] Их довольно много, и действующими нормами права определены особенности нормативно-правового регулирования развития малого и среднего бизнеса, четко зафиксированы сроки ряда обязательств, определены стейкхолдеры и прочие субъекты для коммунцирования, предложены формы способов взаимодействия. Нарушение регламента организационных отношений и норма влечет определенные последствия, в том числе и штрафные санкции.

Несмотря на то, что и на государственном уровне, и на уровне регионов и муниципальных образований делается очень много для обучения молодых предпринимателей, зачастую даже бесплатно, непрофессионализм, правовой нигилизм, отсутствие управленческих компетенций, навыков организационной работы, остаются по-прежнему серьезной, но, бесспорно, не единственной проблемой для малых форм предпринимательства в первую очередь. Именно в этом таксоне чаще всего создаются и прекращают деятельность хозяйственные субъекты, а сроки их существования меньше, чем в среднем бизнесе.

Из расчетов, проведенных на основе данных, представленных Единым реестром малого и среднего предпринимательства, самых актуальных на момент написания данной статьи, можно четко увидеть изменения в ряде показателей МСБ. Нами исследованы данные за период с 2019 по 2025 г., точнее на 10.09.10.2019 и 10.09.23,10.09.25 гг., в течение которого были серьезные социально-экономические потрясения в стране и в мире. [15]

За анализируемый период прослеживается четкая тенденция роста числа предприятий малого и среднего бизнеса. Прирост их числа составил около 13 % за шестилетний период (с 5813278 до 6567005), а вот численность работающих сократилась на 1,5 % — с 15428476 до 15206739 чел. Причем число предприятий — юридических лиц сократилось на 12,4 %, следовательно, численный рост произошел за счет индивидуального пред-

Таблица 1.

Динамика показателей малого и среднего бизнеса в Российской Федерации

Показатели	Всего			Юридических лиц			Индивидуальных предпринимателей		
	10.09.19	10.09.23	10.09.25	10.09.19	10.09.23	10.09.25	10.09.19	10.09.23	10.09.25
ПРЕДПРИЯТИЯ-всего, ед.	5813 278	6100 689	6567005	2464187	2216262	2156820	3349091	3884427	4410185
Сумма среднесписочной численности работников, чел.	15428476	15131313	15206739	12921563	12373924	12360497	2506913	2757389	2846242
Микропредприятия, ед.	5570745	5866439	6309671	2248768	2012168	1934613	3321977	3854271	4375058
Сумма среднесписочной численности работников, чел.	7537443	7294195	7150049	5807818	5280588	5048560	1729625	2013607	2101489
Малые предприятия, ед.	225 556	215570	235122	19853	185822	200628	26803	29748	34494
Сумма среднесписочной численности работников, чел.	6212 073	5900317	5968415	5464370	5197666	5284194	747703	702651	684221
Средние предприятия, ед.	16 977	18 680	22212	16666	18 272	21579	311	408	633
Сумма среднесписочной численности работников, чел.	1678 960	1936 801	2088275	1649375	1895670	2027743	29 585	41131	60532

Источник: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.09.2025&level=2&fo=&ssrf=&t=1758397612964&t=1758397612964>

принимательства. Отсюда следует, что в структуре МСБ становится все больше индивидуальных предпринимателей/микробизнеса, но меньше классических юридических лиц.

Доля предприятий — юридических лиц в малом и среднем предпринимательстве заметно сократилась (с 42,4 % в 2019 г. до 32,8 % в 2025 г.), а доля индивидуальных предпринимателей соответственно возросла с 57,6 % до 67,2 %. Однако удельный вес численности работников предприятий — юридических лиц сократился с 83,8 % в 2019 до 81,2 % в 2025 г., т.е. на 2,6 %, что позволяет косвенно сделать вывод о некотором укрупнении численности работающих в компаниях — юридических лицах. Соответственно возросла доля численности индивидуальных предпринимателей с 16,3 % до 18,7 %.

Следует отметить, что по разным категориям предприятий динамика различна и по многим показателям разноректорна.

Изучив динамику предприятий различных таксонов, можно сделать следующие выводы.

1. В категории «микропредприятия» сложилась положительная динамика числа предприятий (+13,3 %), а численность работающих сократилась более чем на 5 %.
2. Остается высокой и даже возрастает доля микропредприятий в общей численности предприятий: 95,8 % в 2019 году до 96,1 % в 2025 г. При этом в структуре микропредприятий удельный вес юридических лиц, составлявший в 2019 г. 40,4 %, сократился до 30,7 % в 2025 г. Соответственно на долю индивидуальных предприятий приходится почти 70 % всех микропредприятий.

Логика бизнеса очевидна: работать как ИП или по самозанятости организационно проще и экономически выгоднее особенно в условиях, роста управленческих расходов, высокой стоимости заемных ресурсов и изменений в налоговом администрировании. Таким образом, можно заметить, что формируется тенденция развития гибридной экономики, для которой характерны следующие черты: активно увеличение контрактной занятости, рост число индивидуальных микрофирм вместо традиционных предприятий с присущими им штатными структурами и ряд других изменений.

Проведенные расчеты показывают, что среднесписочная численность работников микропредприятий — юридических лиц сократилась с 77,1 % до 70,6 % от общей численности. Это также опосредованно подтверждает численный рост персонала на средних предприятиях — юридических лицах, наращивание и укрепление ими своего кадрового потенциала. Средняя

численность работающих на одном индивидуальном микропредприятии менее 0,5 чел (0,48) в 2025 году, тогда как в 2019г — 0,52 чел. Можно сказать, что это бизнес одного человек и одного компьютера (ноутбука) плюс редкие наемные работники. По сути, это очень маленькие хозяйственные единицы с высокими рисками прекращения деятельности.

Приведенными данными подтверждается вывод о том, что с одной стороны мобильность бизнеса в этой категории очень высокая (такая своего рода сверхволатильность), но и его уязвимость много выше, чем в других таксонах МСБ, а их жизненный цикл очень короткий. Это подтверждается и финансовыми результатами их деятельности. И все же не следует делать вывод о бесперспективности данной категории бизнеса из-за его высоких рисков и уязвимости. Попытки создать и приобрести опыт в малом предпринимательстве, причем как положительный, так и отрицательный, имеют место во всех странах мира и большинством специалистов и ученых в области изучения малого бизнеса рассматриваются это, как явление объективное. Средняя численность работающих на одном микропредприятии в статусе юридического лица составила 2,6 чел в 2025г. и практически не изменилась с 2019 года.

3. Прирост числа малых предприятий за исследуемый период составил 4,2 % при сокращении численности работающих на 4 %.
4. Более чем на 30 % возросло число предприятий, относящихся к средним, а численность работающих на них увеличилась на 24,4 %. Число средних предприятий — юридических лиц выросло на 23 %, численность сотрудников также возросла на 23 %. Доля предприятий — юридических лиц в общей структуре средних предприятий составляет 97,2 %. Средняя численность работающих на одном таком предприятии в 2019 г. составила 99 чел., а в 2025 г. снизилась до 94 чел.

Субъекты малого и среднего бизнеса все более активно участвуют в решении весьма сложных научно-технологических и производственных задач, что в значительной мере является фактором их устойчивости и развития.

Положительным фактом можно считать и двукратный рост числа средних предприятий, относящихся к категории индивидуальных (с 311 до 633 ед.), но их удельный вес остается незначительным и составляет 3,7 % в 2025 г. против 1,8 % в 2019 году. К сожалению, отсутствуют значимые верифицированные массивы данных по большинству финансовых показателей предприятий МСБ по разным таксонам, что затрудняет проведение детализированного анализа. Вместе с тем это не является «камнем в огороде» статистического ведомства, поскольку особенности отчетности предприятий МСБ и ИП

таковы, что не всегда возможно получить релевантную отчетность по причинам, о которых уже говорилось выше, в частности, из-за низкой устойчивости индивидуального предпринимательства, недостаточного уровня дисциплины и компетенций как в части бизнеса, так и в части представления отчетности, других причин.

Как известно, малый бизнес за последние годы подвергался серьезным испытаниям, пережив ряд сложных лет: это и последствия пандемии, и турбулентность от изменений экономики в результате санкций и нарушения логистики и прочее. Отложенные ранее проекты активно реализовывались в 2023–2024 гг., что и было зафиксировано статистикой в виде показателей роста числа предприятий и их финансовых показателей, но уже с середины 2024 г. — рост замедлился, что в принципе можно рассматривать, как объективность, характеризующую цикличность бизнес-процессов. Однако, все четче стали проявляться и негативные тренды в развитии субъектов малого предпринимательства. За период с 10.01.2025 г. до 10.09 2025 г., т.е. за 8 месяцев текущего года, сложился отрицательный прирост в системе МСБ: произошло сокращение субъектов малого и среднего бизнеса с 6588535 до 6567005 ед., т.е. на 21530 предприятий. Впервые после 2022 г. «смертность» субъектов МСБ превысила их «рождаемость» на 32,7 % (21530/6588535). Причем отрицательный рост складывается за счет свертывания субъектов МСБ в крупных городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, где число прекративших существование предприятия было выше числа созданных на треть и более. [15,7]

Малый бизнес «пошел» в регионы. Эти изменения можно характеризовать и как количественные, и как качественные. Причин для такой, если не бифуркации, то уже статистически подтвержденной тенденции, довольно много. К ним относятся: высокая стоимость входных «барьеров» на столичные рынки (рынки крупных городов) и их насыщенность, значительная конкуренция, сокращение спроса, рост арендных затрат и других расходов, возможность минимизировать расходы за счет ценовых «ножниц» в регионах, широкое освоение малым бизнесом преимуществ, даваемых современными информационно-коммуникационными технологиями и цифровизацией, а также многие другие. И это помимо причин, которые испытывает весь бизнес вне зависимости от размеров и места регистрации, прежде всего, конечно, высокая стоимость заемных ресурсов, сокращение помощи субъектам МСБ со стороны государства, ряд управленческих решений, например, в части налогообложения предприятий МСБ. Однако и по показателям числа предприятий МСБ, занятых на них и по результатам экономического вклада лидерами малого предпринимательства по-прежнему остаются Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург.

Для более глубокого исследования тенденций и проблем устойчивости малого и среднего бизнеса, необходим анализ актуальных данных по его кредитованию. По данным бюллетеня Банка России отрицательные темпы годового прироста кредитования субъектов МСБ начались с середины 2024 г. [5] За январь — июль 2025 г. произошло значительное снижение кредитов, выданных малому и среднему бизнесу: их было выдано на 21,2 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года.

За этот же период было отмечено некоторое снижение объема задолженности по предоставленным кредитам (более, чем на 6 %), но весьма существенно возрос объем просроченной задолженности (на 17 %), а ее доля в портфеле задолженности кредитов МСБ превысила 5 %. По оперативным данным Росстата удельный вес просроченной задолженности по банковским кредитам и займам в целом по России по всему кругу организаций на июнь 2025 г., составил также более 5 % от общей суммы задолженности их кредитного портфеля. [8] Бесспорно, это грустная тенденция для бизнеса страны в целом, к тому же кредиторская задолженность, как в целом, так и просроченная, тоже растет, усугубляется проблема неплатежей. Для субъектов МСБ с их высокой чувствительностью эти процессы крайне негативно влияют на результаты хозяйственной деятельности и финансовую устойчивость.

В некоторых аналитических исследованиях ряд специалистов связывают сокращение объемов кредитования с изменениями, вытекающими из пункта 5 статьи 4.1. ФЗ № 209. [1]. Снижение объемов кредитования рассматривается ими, как результат сокращения числа предприятий МСБ, т.е. увязывается с массовым «переучетом» хозяйственных единиц, произошедших 10.08.2025 г. Но снижение объемов кредитования, рост объемов просроченной задолженности по кредитам субъектов МСБ начался с лета — сентября 2024 г., т.е. практически за год до исключения этих предприятий из Единого реестра субъектов МСП, и продолжается уже больше года. По нашему мнению, также следует отметить, что лишение статуса в реестре предприятий МСБ носит в основном технический характер. Восстановление предприятий в статусе субъектов МСБ можно осуществить достаточно просто, что четко оговорено в законодательстве. [2]

Из данных регулятора следует, что происходит устойчивое снижение и среднего размера кредитов, выдаваемых МСБ. [8] Субъекты малого и среднего бизнеса меньше идут за заемными ресурсами в условиях дорогого кредита, охлаждения внутреннего спроса и растущих рисков.

К сожалению, эта устойчивость отражает негативные процессы и подтверждает выводы об ухудшении условий финансирования и финансового положения пред-

приятный малого и среднего бизнеса в целом. По разным субъектам Российской Федерации могут иметь место некоторые различия, но практически во всех регионах отмечаются серьезные проблемы, с которыми сталкивается малый бизнес, поскольку он чутко реагирует на изменения макроэкономического характера и усложнением ситуации внутри бизнеса. Общая численность предприятий, имеющих ссудную задолженность, превышает 650 тыс. единиц. Уже четко прослеживается тенденция, при которой рост ссудной задолженности происходит при снижении объемов кредитования.

Следует отметить и снижение объемов государственной поддержки в части льготного кредитования объектов МСБ. На 01.08.2025 г. объем льготного кредитования МСБ достиг своего исторического минимума с 2022 г. и составил 52147 млн руб., снизился и удельный вес льготных кредитов. [5.20]

Все составляющие хозяйственного механизма взаимодействуют друг с другом. Взаимное влияние всех элементов хозяйственно-финансовой системы — объективное свойство системности, а не односторонний процесс, тем более в экономических отношениях. Сокращение кредитования не просто следствие результата снижения числа предприятий и деловой активности МСБ, как следует из отчета регулятора, а гораздо более сложная конструкция причинно-следственных связей. Очевидно, что и одной из значимых причин ухудшения ситуации на предприятиях МСБ является, в частности, жесткая денежно-кредитная политика в целом.

В последние месяцы просматриваются признаки и решения по некоторому смягчению денежно-кредитной политики, но назвать их значимыми не представляется возможным. А в хозяйственной практике точно нет прецедентов роста инвестиционной и прочей деловой активности предпринимательства при сохранении таких размеров ключевой ставки и ставок ссудного процента, которые сложились ныне на рынке кредитования.

Сохраняются высокие ставки по заемным средствам как краткосрочным, включая «до востребования», так и свыше одного года. Средневзвешенная ставка по рублевым краткосрочным кредитам составляет 22,85 %, а по долгосрочным — 18,00 %. Очевидно, что ни инвестиционной активности, ни стабильному росту экономики малого бизнеса такие условия не располагают, особенно с учетом того, что МСБ имеет ограниченные реальные возможности доступа к источникам финансовых ресурсов. [5]

Следует также отметить и такой факт, как рост запросов на реструктуризацию задолженности, при том, что количество процедур банкротств находится на историческом минимуме. Бизнес-сообщество не стремится

к самоуничтожению, а ориентировано на развитие при формировании более благоприятных внешних условий и роста внутрифирменной эффективности, он ищет легальные возможности для смягчения сложившегося положения и сохранения устойчивости.

В структуре выданных кредитов наибольший удельный вес приходится на субъекты, занимающиеся по классификации ОКВЭД оптовой и розничной торговлей (29,6 %), строительством (17,2 %). На долю предприятий — «Обрабатывающие производства» приходится 10,1 % объемов кредитования.

В результате изучения нормативно-правовой, фактологического материала, статистической информационной базы Росстата, Банка России и других источников, можно сделать ряд следующих выводов:

- происходит замедление темпов развития экономики, что подтверждается динамикой важнейших макроэкономических показателей, выпукло прослеживаемое со второй половины 2024г. и сохранившееся в 2025 году;
- четко наметились негативные тенденции в состоянии малого и среднего бизнеса, поскольку он крайне чувствителен к изменениям экономической ситуации, динамике спроса, конкуренции, изменениям правил и законов ведения бизнеса, цен, алгоритмов логистики и поставок;
- происходит накопление инфляции, а инфляционные ожидания и прогнозы не являются оптимистичными;
- сохраняются проблемы финансирования МСБ: отсутствуют доступные источники финансирования, высокая цена на заемные ресурсы, высокие финансовые риски не способствуют росту деловой активности, а тем более инвестиционной деятельности;
- кадровый дефицит становится все более острым;
- растет число предприятий, имеющих просроченную ссудную задолженность и ее объемы;
- замедляются темпы роста оборотов предприятий малого и среднего бизнеса;
- сохраняется высокий уровень взаимных неплатежей, растет и кредиторская задолженность компаний.[19]

По опросам, производимых на разных серьезных площадках, об ухудшении ситуации в бизнесе заявили почти 35 % компаний МСБ [18].

Вместе с тем вызовы, рост сложностей и негативных трендов в развитии малого и среднего бизнеса дают толчок к актуализации существующих и развитию новых форм его поддержки, улучшению условий его устойчивого функционирования.

К ним можно отнести следующее:

- некоторое смягчение денежно-кредитной политики в целом, что закономерно активизирует бизнес, ЦБ начал снижать ключевую ставку, впервые признал «перегрев» экономики;
- развитие нормативно-правовой базы. Например, как драйвер развития МСБ можно рассматривать ряд положений ФЗ-223, а также возможности, появляющиеся в связи со вступлением с 01.10.2025 г. в силу закона о кредитных каникулах. Ряд положений 248-ФЗ в части соглашения «инвестиции вместо штрафов», по нашему мнению, может

быть адаптирован и для нормативных положений по МСБ.

- обеспечение стабилизации в системе ВЭД-расчетов и снижение стоимости агентских вознаграждений и снижающиеся, в связи с этим риски;
- развитие цифровизации и внедрение цифрового рубля.

Итак, устойчивый рост экономики в целом, малого и среднего бизнеса в целом остается важнейшей целью управления социально-экономическим развитием во всех его звеньях и на всех уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 23.05.2025) https://www.consultant.ru/law/podborki/209-fz_o_razvitii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rf/
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 4.2 и 27 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 29.05.2024 N 115-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477334/
3. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ (последняя редакция) <https://www.consultant.ru/>
4. Федеральный закон от 14 июня 1995 г. N 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»
5. Банк России. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Июль 2025 года. Бюллетень. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57261/stat_bulletin_lending_25-07_62.pdf
6. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: Стат.сб./ М 19 Росстат. — М., 2024 — 97 с.
7. Малый бизнес в России теряет оптимизм. <https://dzen.ru/a/Z-L3SwoNDw3BNsHD?ysclid=mh3ksmd9b5238581452>
8. Социально-экономическое положение России. Январь-август 2025 года. Федеральная служба государственной статистики. Москва <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-08-2025.pdf>
9. Окончательный список статистики малого бизнеса на 2025 год. <https://findstack.ru/resources/small-business-statistics>
10. Управление малым бизнесом. Учебно-практическое пособие. /Под ред. Мишуриной И.В. Ростов н/Д: Рост. гос. экон. ун-т (РИНХ), 2019. — 346 стр. ISBN
11. Экономика. Национальные проекты России. <https://amsp.permkrai.ru/novosti/?id=357438>
12. <https://unido.ru/overview/mdg/>
13. https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html?ysclid=mgo819bxeg162987414
14. <https://digital.gov.ru/news-feed>
15. <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.09.2025&level=2&fo=&ssrf=&t=1758397612964&t=1758397612964>
16. BA https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57261/stat_bulletin_lending_25-07_62.pdf
17. <https://m.business-gazeta.ru/news/679400?ysclid=mgznjvov2i786219888>
18. <https://rg.ru/2024/02/07/eksperty-obiasnili-pochemu-v-rossii-dolia-biznesa-ustupaet-ekonomikam-evropy-i-azii.html>
19. <https://findstack.ru/resources/small-business-statistics>
20. [Crb.ru inf_material_msp_2024.pdf](https://cbr.ru/inf_material_msp_2024.pdf)

© Белянина Ирина Владимировна (89168861176@mail.ru); Долганова Нина Александровна
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF DIGITAL IDENTIFICATION IN ECONOMIC RELATIONS

R. Gazizullin

Summary. The article examines the legal nature of digital identification in economic relations. The author considers digital identification as a complex legal institution, analyzes its conceptual definitions, functional aspects, and structural elements. The paper reveals the relationship between the concepts of digital identification, digital identity, digital footprint, and digital profile, and also explores the role of digital identification in ensuring the digital sovereignty of the state. Special attention is paid to the legal status of subjects of digital identification and the significance of this institution for civil law regulation in the digital environment.

Keywords: digital identification, digital identity, digital footprint, digital profile, legal regulation, economic relations, digital sovereignty, digital economy, personal data, information security.

Газизуллин Ришат Ильнурович

доктор юридических наук,
кандидат экономических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Rishat.Gazizullin@kpfu.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая природа цифровой идентификации в экономических отношениях. Автор рассматривает цифровую идентификацию как комплексный правовой институт, анализирует ее концептуальные определения, функциональные аспекты и структурные элементы. В работе раскрывается взаимосвязь понятий цифровой идентификации, цифровой личности, цифрового следа и цифрового профиля, а также исследуется роль цифровой идентификации в обеспечении цифрового суверенитета государства. Особое внимание уделяется правовому статусу субъектов цифровой идентификации и значению данного института для гражданско-правового регулирования в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая идентификация, цифровая личность, цифровой след, цифровой профиль, правовое регулирование, экономические отношения, цифровой суверенитет, цифровая экономика, персональные данные, информационная безопасность.

Введение

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни высокую значимость приобретает научное осмысление правовой природы цифровой идентификации в экономических отношениях. Данная проблематика находится на пересечении технологических инноваций, экономических трансформаций и правового регулирования, что обуславливает ее комплексный характер и требует междисциплинарного подхода к исследованию.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к формированию новых моделей цифровой идентификации, основанных на применении биометрических параметров, технологии распределенного реестра, искусственного интеллекта и иных инновационных решений. Указанные технологические новации, с одной стороны, способствуют оптимизации экономических процессов, с другой — порождают значительные правовые коллизии, требующие своевременного разрешения. Существующий правовой инструментарий зачастую демонстрирует недостаточную эффективность при регулировании отношений, связанных с использованием цифровых идентификаторов,

что актуализирует необходимость научного анализа их правовой природы.

Экономический контекст исследуемой проблематики определяется возрастающей ролью цифровой идентификации как базового элемента современных хозяйственных отношений. Цифровые идентификаторы выступают необходимым условием осуществления электронной коммерции, предоставления финансовых услуг, функционирования цифровых платформ и реализации иных форм экономического взаимодействия в цифровой среде. При этом наблюдается тенденция к интеграции данных цифровой идентификации в рыночную систему — они начинают функционировать по законам товарного обращения, что требует разработки адекватных правовых механизмов регулирования их оборота.

Между тем в нормативном регулировании статуса цифровых идентификаторов есть существенные пробелы. Неопределенность юридической силы различных форм электронной идентификации, отсутствие единого подхода к регулированию трансграничной цифровой идентификации, несовершенство механизмов защиты прав субъектов персональных данных — все эти факторы свидетельствуют о необходимости специального юридического анализа исследуемой проблематики.

Особую актуальность в процессах цифровой идентификации получают вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. Возрастающие риски несанкционированного доступа к идентификационным данным, их неправомерного использования и модификации требуют разработки комплексных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между удобством идентификационных процедур и надлежащим уровнем защиты персональных данных субъектов экономических отношений.

Социальное измерение обозначенной проблематики связано с влиянием систем цифровой идентификации на общественные отношения, включая вопросы цифрового неравенства, доступности идентификационных сервисов для различных категорий населения, этические аспекты использования биометрических данных. Правовое регулирование цифровой идентификации должно учитывать социальные последствия внедрения соответствующих технологий и минимизировать возможные негативные эффекты.

Конкуренция различных моделей цифровой идентификации, разработанных государственными и корпоративными субъектами, актуализирует проблематику цифрового суверенитета и определения юрисдикционных границ в цифровой среде. Данные вопросы также требуют научного осмысления.

Институциональная трансформация систем идентификации, выражающаяся в изменении роли традиционных институтов и формировании новых организационно-правовых моделей управления цифровой идентичностью, также обуславливает актуальность исследования. Разработка эффективных механизмов институционального обеспечения процессов цифровой идентификации представляет собой важную научно-практическую задачу.

Таким образом, комплексное исследование правовой природы цифровой идентификации в экономических отношениях имеет существенное теоретическое и практическое значение для формирования сбалансированного правового регулирования, способствующего защите прав субъектов экономических отношений и устойчивому развитию цифровой экономики. На это обстоятельство неоднократно указывали различные авторы, имея в виду приоритет разработки правовых, экономических, технологических и социально-философских основ формирования эффективной системы идентификации, обеспечивающей доверие участников экономических отношений в цифровой среде¹.

¹ Демьянец, М.В. Правовое регулирование идентификации в условиях развития информационно-коммуникационных технологий / М.В. Демьянец // Образование и право. — 2018. — № 1. — С. 104–114; Дудко, М.О. Цифровая идентичность личности:

В рамках настоящей статьи предлагаем два рабочих определения цифровой идентификации в ее правовом аспекте:

- 1) цифровая идентификация — это комплекс правовых норм, технических средств и организационных мероприятий, направленных на однозначное установление связи между физическим или юридическим лицом и его цифровым представлением в информационных системах для целей правоотношений;
- 2) цифровая идентификация — это правовой институт, регулирующий отношения по установлению и подтверждению цифровой личности субъектов права, обеспечивающий правовую определенность, безопасность и доверие при совершении юридически значимых действий в цифровой среде.

Первое определение концептуализирует цифровую идентификацию через системный подход, интегрирующий три взаимосвязанных компонента: нормативно-правовой, технологический и организационно-процедурный. Нормативно-правовой компонент подразумевает наличие юридически закрепленных правил, регламентирующих процессы идентификации в цифровой среде, что обеспечивает легитимность и правовую определенность данных процессов. Технологический компонент указывает на необходимость использования специальных программно-аппаратных решений, обеспечивающих техническую реализацию идентификационных процедур, их надежность и безопасность. Организационно-процедурный компонент отражает потребность в структурированных алгоритмах действий, протоколах и регламентах, обеспечивающих практическую имплементацию идентификационных механизмов.

теоретико-правовой аспект // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серія 4. Правазнаўства. — 2019. — Т. 9, № 3. — С. 6–12; Кондаков, А.М., Костылева, А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 207–218. — DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218; Наумов, В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореферат дисс. ... доктора юрид. наук. ИГП РАН. Москва, 2020. 42 с.; Соловьева, Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. — 2023. — С. 1–12. — URL: <https://orcid.org/0000-0001-7490-7084>; Степанова, М.Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 44–49. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49; Химченко, А.И. Вопросы реализации доверия в условиях развития цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Чернавин, Ю.А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. — 2022. — № 12(168). — С. 74–78.

Определение акцентирует внимание на целевой направленности цифровой идентификации — однозначном установлении связи между реальным субъектом права и его цифровым представлением, что свидетельствует о приоритете верификационной функции данного феномена. Существенным признаком является также указание на двойственность субъектного состава — физические и юридические лица, что расширяет сферу применения данного определения на все категории участников правоотношений.

Детерминация цифрового представления через его локализацию в информационных системах подчеркивает технологическую обусловленность рассматриваемого феномена и его неразрывную связь с цифровой инфраструктурой.

Финальный элемент определения — указание на предназначение «для целей правоотношений» — устанавливает функциональные границы применения цифровой идентификации, локализуя ее в юридически значимом контексте и отграничивая от иных форм установления цифровой личности, не имеющих правового значения.

Ключевым концептуальным элементом второй дефиниции выступает квалификация цифровой идентификации как правового института, что предполагает наличие совокупности юридических норм, объединенных предметным единством и регулирующих определенную группу общественных отношений. Такой подход акцентирует внимание на системности и структурированности правового регулирования, отражая интеграцию цифровой идентификации в общую конструкцию правовой системы.

Определение фиксирует предметную область регулирования — отношения по установлению и подтверждению цифровой личности, что демонстрирует двойственный характер идентификационных процедур: первичное установление цифровой личности и последующее подтверждение ее аутентичности. Использование термина «цифровая личность» позволяет подчеркнуть формирование специфического правового статуса субъекта в цифровом пространстве, отличного от его статуса в физическом мире, но юридически с ним связанного. Дефиниция указывает на субъектный состав регулируемых отношений — «субъекты права», что охватывает весь спектр потенциальных участников правоотношений, включая физических и юридических лиц, а также иных субъектов, признаваемых правом.

Функциональная направленность института цифровой идентификации раскрывается через триаду обеспечиваемых им ценностей: правовую определенность, безопасность и доверие. Правовая определенность

предполагает ясность, недвусмысленность и предсказуемость правового регулирования и его последствий. Безопасность указывает на защищенность субъектов от неправомерного доступа к их цифровой личности и связанным с ней данным. Доверие отражает социально-психологический аспект, необходимый для эффективного функционирования цифровых взаимодействий.

Кроме того, определение локализует сферу применения института — «при совершении юридически значимых действий в цифровой среде», что устанавливает функциональные границы регулирования и подчеркивает юридическую значимость как квалифицирующий признак регулируемых действий. Указание на цифровую среду как пространство реализации данного института отражает его технологическую обусловленность и специфику применения в контексте информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, эти определения соотносятся друг с другом как абстрактная модель (1) и ее конкретизация (2). Если в первом определении задана абстрактная концептуальная рамка, охватывающая все потенциальные аспекты цифровой идентификации и намечающая общие контуры феномена, то второе определение фокусируется только на институциональном воплощении цифровой идентификации в правовой системе. В данном случае широкое понятийное поле детализируется на уровне целостного правового института с четко обозначенными функциями (обеспечение правовой определенности, безопасности и доверия) и сферой применения (юридически значимые действия в цифровой среде).

Такое соотношение между определениями можно рассматривать как движение от общего к частному, от абстрактной концептуализации к конкретному правовому механизму. Первое определение создает концептуальный фундамент, а второе — выстраивает на этом фундаменте конкретную правовую конструкцию, адаптированную к потребностям регулирования цифровых правоотношений.

В практическом аспекте под понятийное содержание второго определения подпадают основные виды цифровой идентификации, имеющие целый ряд общих элементов:

1. Биометрическая идентификация, основанная на уникальных физиологических или поведенческих характеристиках субъекта права. Этот вид полностью соответствует концепции правового института, поскольку требует нормативного регулирования процедур сбора, хранения и обработки биометрических данных, а также обеспечивает высокий уровень правовой определенности и безопасности при совершении юридически значимых действий. К данному виду относятся:

- идентификация по отпечаткам пальцев;
 - распознавание лица;
 - сканирование сетчатки или радужной оболочки глаза;
 - голосовая биометрия;
 - идентификация по рисунку вен.
2. Электронная цифровая подпись (ЭЦП) и усиленная квалифицированная электронная подпись как правовой механизм подтверждения цифровой личности при совершении юридически значимых действий. Данный вид идентификации непосредственно интегрирован в правовую систему, имеет детальное нормативное регулирование и направлен на обеспечение доверия в цифровой среде.
 3. Многофакторная аутентификация, комбинирующая различные методы подтверждения цифровой личности для повышения уровня безопасности. Этот вид соответствует требованию обеспечения безопасности и доверия, заложенному во втором определении цифровой идентификации, и требует правового регулирования процедур комбинирования различных факторов.
 4. Идентификация через государственные цифровые платформы и системы, а именно:
 - Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА);
 - национальные цифровые ID-карты и электронные паспорта;
 - системы цифровой идентификации для доступа к государственным услугам.
 5. Банковская (финансовая) идентификация, включая удаленную идентификацию клиентов финансовых организаций; системы идентификации для противодействия отмыванию доходов, биометрические системы идентификации клиентов банков.
 6. Корпоративные системы цифровой идентификации, используемые юридическими лицами для подтверждения полномочий сотрудников и контрагентов при совершении юридически значимых действий.
 7. Системы цифровой идентификации на основе распределенных реестров (блокчейн), обеспечивающие децентрализованное подтверждение цифровой личности при сохранении высокого уровня доверия и безопасности.

Все перечисленные виды цифровой идентификации удовлетворяют признакам, сформулированным во втором определении, поскольку:

- требуют системного правового регулирования (правовой институт);
- направлены на установление и подтверждение цифровой личности субъектов права;
- обеспечивают правовую определенность, безопасность и доверие;
- применяются при совершении юридически значимых действий в цифровой среде.

При этом каждый из видов имеет свою специфику правового регулирования, обусловленную техническими особенностями и сферой применения, что подтверждает институциональный характер цифровой идентификации как комплексного правового явления.

Далее покажем концептуальную иерархию и функциональное соотношение понятий цифровой идентификации, цифровой личности, цифрового следа и цифрового профиля, в которых отражены различные аспекты цифрового существования субъекта в информационном пространстве.

«Цифровой след» представляет собой наиболее фундаментальное и широкое понятие из рассматриваемой группы. Он охватывает совокупность всех данных, которые субъект оставляет в цифровой среде в результате своей активности. Цифровой след формируется как осознанно (активный след), так и неосознанно (пассивный след), включая историю посещений веб-сайтов, поисковые запросы, геолокационные данные, метаданные создаваемых файлов, информацию о подключениях к сетям и многое другое. Принципиально важно, что цифровой след образуется независимо от наличия процедур идентификации и не всегда может быть однозначно связан с конкретным субъектом. Он существует объективно как информационный отпечаток активности в цифровой среде и является своего рода сырьем, из которого при определенных условиях может формироваться цифровая личность.

«Цифровая личность» — более структурированный и целенаправленно формируемый концепт: это совокупность цифровых данных и атрибутов, которые идентифицируют конкретного субъекта в информационном пространстве. В отличие от цифрового следа, цифровая личность предполагает наличие устойчивой связи между информационными элементами и реальным субъектом. Она может включать как официальные идентификаторы (имя пользователя, номер паспорта, ИНН, СНИЛС в их цифровом представлении), так и неофициальные атрибуты (аватары, псевдонимы, репутационные показатели на различных платформах). Цифровая личность обладает определенной целостностью и преемственностью, что позволяет субъекту выступать в качестве стабильного участника цифровых взаимодействий. Важно отметить, что один физический субъект может иметь несколько цифровых личностей в различных системах или для различных целей, а формирование цифровой личности может происходить как по инициативе самого субъекта, так и третьих лиц (например, государства или корпораций).

«Цифровой профиль» можно рассматривать как структурированную, формализованную и институционализированную форму цифровой личности. Это си-

стематизированный набор верифицированных данных о субъекте, организованный в соответствии с определенными стандартами и хранящийся в специализированных информационных системах. Цифровой профиль обычно создается и поддерживается в рамках конкретной платформы, сервиса или государственной системы и содержит данные, необходимые для реализации функционала этой системы. Ключевыми характеристиками цифрового профиля являются его структурированность (данные организованы по определенным категориям), верифицируемость (данные проходят процедуру проверки) и целевое назначение (профиль создается для конкретных задач). В отличие от более аморфной цифровой личности, цифровой профиль имеет четкие границы и состав данных, определяемые требованиями соответствующей информационной системы. Примерами могут служить Единый цифровой профиль гражданина в государственных информационных системах, клиентский профиль в банке или профиль пользователя в социальной сети.

«Цифровая идентификация» выступает как процессуальное понятие по отношению к обозначенным субстантивным концептам. Это динамический процесс установления и подтверждения связи между реальным субъектом и его цифровым представлением (цифровой личностью или цифровым профилем). Как уже было отмечено выше, цифровая идентификация включает комплекс технических, организационных и правовых механизмов, обеспечивающих достоверное соотнесение цифровых данных с конкретным субъектом. Она опирается на цифровой профиль как на структурированный набор верифицированных данных и использует элементы цифрового следа для дополнительной верификации. В процессе цифровой идентификации происходит проверка соответствия предъявляемых субъектом идентификаторов (паролей, биометрических данных, электронных подписей и других) тем данным, которые хранятся в его цифровом профиле, что позволяет установить аутентичность цифровой личности.

Таким образом, выстраивается следующая функциональная взаимосвязь рассматриваемых понятий:

- цифровой след формируется в результате любой активности субъекта в цифровой среде и существует объективно, независимо от процедур идентификации;
- на основе элементов цифрового следа и других данных формируется цифровая личность как комплексное представление субъекта в информационном пространстве;
- цифровой профиль представляет собой структурированную и верифицированную форму цифровой личности, созданную в рамках конкретной информационной системы;
- цифровая идентификация выступает как процесс установления и подтверждения связи между ре-

альным субъектом и его цифровым представлением, опираясь на данные цифрового профиля и элементы цифрового следа.

В контексте правового регулирования цифровой экономики, и особенно ее платформенного сегмента, понимание этих взаимосвязей необходимо для разработки эффективных механизмов защиты прав субъектов, обеспечения безопасности цифровых транзакций и формирования доверительной среды для цифровых взаимодействий.

В качестве иллюстративной аналогии представьте цифровое пространство как огромный город с множеством районов, зданий и улиц.

Цифровой след — это все следы, которые вы оставляете, перемещаясь по городу. Это отпечатки обуви на свежем снегу, случайно оброненные чеки из магазинов, записи камер видеонаблюдения, фиксирующие ваше прохождение, тепловые следы от прикосновений к предметам. Вы создаете эти следы непрерывно и часто неосознанно; они разбросаны по всему городу, и хотя каждый след сам по себе может мало что сказать о вас, собранные вместе они формируют карту вашей активности; при том эти следы существуют независимо от того, представились ли вы кому-то в городе или нет.

Цифровая личность — ваш образ в глазах жителей города. Это совокупность всего, что о вас знают или думают другие: ваша внешность, манера речи, репутация в различных кругах. У вас может быть разная «личность» в разных контекстах: вы можете быть известны как строгий профессор в университете, весельчак в кругу друзей и заботливый родитель в семье. Цифровая личность формируется частично из ваших собственных действий и самопрезентации, частично из того, как вас воспринимают другие, и частично из следов, которые вы оставляете.

Цифровой профиль — это ваше официальное досье в различных учреждениях города. Это структурированная информация о вас в городской администрации, банке, поликлинике, библиотеке, фитнес-клубе. В каждом таком профиле содержатся только те данные, которые нужны конкретному учреждению: в банке — ваша кредитная история, в поликлинике — медицинская карта, в библиотеке — список взятых книг. Эти профили созданы целенаправленно, содержат проверенную информацию и используются для конкретных целей. В отличие от размытой цифровой личности, цифровой профиль имеет четкую структуру и границы.

Цифровая идентификация — это процесс, когда охранник у входа в здание проверяет, действительно ли вы тот, за кого себя выдаете. Он может попросить ваш паспорт (официальный документ), сверить фотографию

с вашим лицом (биометрия), позвонить человеку, который может подтвердить вашу личность (доверенная третья сторона), или задать контрольные вопросы, ответы на которые должны совпасть с информацией в вашем профиле. Цифровая идентификация — это мост между физическим вами и вашим представлением в городских системах.

Теперь представьте, что вы хотите войти в здание банка, чтобы получить кредит. Охранник на входе проверяет ваш паспорт и сканирует отпечаток пальца (цифровая идентификация). После подтверждения вашей личности сотрудник банка обращается к вашему банковскому досье (цифровой профиль), где хранится информация о ваших счетах и кредитной истории. Для принятия решения о выдаче кредита банк может также учесть вашу репутацию в городе и отзывы других учреждений (цифровая личность). В процессе рассмотрения заявки банк может проанализировать данные о ваших перемещениях по городу и покупках (цифровой след), чтобы оценить ваши финансовые привычки и платежеспособность.

Таким образом, цифровой след — это все информационные отпечатки вашего существования в городе, цифровая личность — ваш общественный образ, цифровой профиль — ваше формализованное досье в конкретных учреждениях, а цифровая идентификация — процесс подтверждения, что вы действительно являетесь собой при взаимодействии с городскими системами.

Аналогия с городским пространством помогает также понять истоки распространенных предубеждений относительно цифрового существования субъекта в информационном пространстве. Так, многие проявляют технофобию, то есть опасаются цифровых технологий вообще и биометрии в частности, ссылаясь на страх перед тотальным наблюдением и использованием данных для целей, отличных от изначально заявленных, а также на ощущение беспомощности перед «непонятными» технологическими новшествами. Не менее устойчивыми являются неадекватные представления о том, что цифровой суверенитет неизбежно ведет к изоляции и «цифровому концлагерю».

Между тем в современном государстве, а также в мировых масштабах именно взаимосвязь цифровой идентификации и цифрового суверенитета определяет развитие цифровой экономики, которая трансформирует традиционные отрасли, создает новые рынки и меняет структуру экономических отношений, делая их более горизонтальными, прозрачными и динамичными, где ценность формируется через взаимодействие различных групп пользователей и эффективное использование данных.

В юрисдикционном контексте системы цифровой идентификации устанавливают границы цифрового

суверенитета государства посредством определения юрисдикционной принадлежности субъектов в цифровом пространстве. Национальная система цифровой идентификации обеспечивает распространение государственной юрисдикции на идентифицированных субъектов, определение их правового статуса и установление пределов применения национального права. Отсутствие собственной суверенной системы идентификации неизбежно приводит к размыванию юрисдикционных границ и фактической передаче элементов суверенитета внешним акторам.

Технологическая независимость систем цифровой идентификации представляет собой критически важный компонент цифрового суверенитета, включающий контроль над инфраструктурой хранения и обработки идентификационных данных, независимость криптографических алгоритмов и протоколов, собственные технологии биометрической верификации, а также национальные стандарты обмена идентификационной информацией. Использование иностранных технологических решений для критически важных компонентов системы цифровой идентификации создает технологическую зависимость и уязвимость цифрового суверенитета государства.

В информационно-аналитическом аспекте системы цифровой идентификации генерируют значительные массивы данных, анализ которых позволяет формировать стратегически важные сведения о социально-экономических процессах. Суверенный контроль над этими данными обеспечивает независимость в принятии государственных решений, защиту от внешнего информационно-аналитического влияния и возможность проактивного государственного управления на основе предиктивной аналитики. Утрата контроля над данными цифровой идентификации ограничивает аналитический суверенитет государства и создает информационную асимметрию в пользу внешних акторов.

Экономический аспект взаимосвязи проявляется в том, что системы цифровой идентификации становятся фундаментальной инфраструктурой цифровой экономики, определяя возможности экономического суверенитета через контроль над транзакционной инфраструктурой и платежными системами, реализацию национальной экономической политики через идентификационные механизмы, защиту национальных экономических интересов при трансграничном движении данных и формирование условий для развития национальных цифровых платформ и сервисов.

Правовое регулирование цифровой идентификации отражает нормативное измерение цифрового суверенитета, включая законодательное закрепление

национальных стандартов и процедур идентификации, определение правового статуса цифровой личности, установление режима трансграничной передачи идентификационных данных и регулирование вопросов признания иностранных систем идентификации. Отсутствие суверенного правового регулирования приводит к фактическому применению иностранных правовых норм на национальной территории.

Социокультурный аспект взаимосвязи проявляется в том, что системы цифровой идентификации воплощают культурные и ценностные особенности общества, отражая национальные этические нормы в принципах функционирования, учитывая культурные особенности при определении допустимых методов идентификации, соответствуя общественному консенсусу о балансе безопасности и приватности, а также сохраняя культурную идентичность в цифровом пространстве.

Геополитический аспект связи цифровой идентификации и цифрового суверенитета заключается в том, что контроль над системами идентификации становится элементом геополитического влияния и определяет позицию государства в глобальной цифровой экосистеме. Это включает возможность участия в формировании международных стандартов, способность защищать идентификационные данные граждан от иностранного доступа, независимость от геополитически мотивированных ограничений доступа к технологиям и формирование региональных альянсов по вопросам цифровой идентификации.

В контексте национальной безопасности системы цифровой идентификации являются критической инфраструктурой в цифровую эпоху, обеспечивая защиту от цифровых угроз, предотвращение несанкционированного доступа к критическим ресурсам, противодействие цифровой преступности и обеспечение непрерывности функционирования государственных систем в кризисных ситуациях. Зависимость от внешних систем идентификации создает критические уязвимости в системе национальной безопасности.

В аспекте цифровых прав и свобод баланс между государственным контролем и цифровыми правами граждан в системах идентификации определяет модель цифрового суверенитета, включая формирование национальной модели защиты персональных данных, определение границ государственного доступа к идентификационной информации, обеспечение права на «цифровое забвение» и защиту от дискриминации на основе цифрового профиля. Таким образом, цифровая идентификация становится фундаментальным элементом цифрового суверенитета, определяющим способность государства сохранять независимость, защищать национальные ин-

тересы и реализовывать стратегические приоритеты в цифровую эпоху².

Итак, цифровая идентификация — это сложная многоуровневая система правоотношений, которая характеризуется разнообразием субъектного состава и спецификой соответствующих правовых статусов. Анализ данной сферы позволяет выделить четыре основные категории субъектов: физические лица, юридические лица, государственные органы и операторы систем цифровой идентификации.

Правовое положение физических лиц в системе цифровой идентификации отличается дуализмом, поскольку они одновременно выступают и как субъекты, и как источники идентификационных данных. Их правосубъектность в цифровом пространстве включает право на цифровую идентичность, доступ к системам идентификации, защиту своих данных, информационное самоопределение и «цифровое забвение». При этом на физических лиц возлагаются обязанности по обеспечению достоверности предоставляемых данных, соблюдению правил безопасности, своевременной актуализации информации и уведомлению о компрометации идентификационных данных. Особого внимания заслуживает специфика правового статуса отдельных категорий физических лиц, таких как несовершеннолетние, недееспособные лица, иностранные граждане и публичные фигуры.

Юридические лица в системе цифровой идентификации функционируют в трех основных качествах: как субъекты идентификации, пользователи идентификационных данных и участники инфраструктуры идентификации. В качестве субъектов идентификации они используют цифровые сертификаты, электронные подписи и корпоративные механизмы управления цифровой идентичностью. Как пользователи данных они обязаны обеспечивать безопасность и конфиденциальность полученной информации, соблюдать правовой режим использования идентификационных данных в коммерческих целях. В роли участников инфраструктуры идентификации выступают частные провайдеры услуг, удостоверяющие центры, организации, разрабатывающие технологии и обеспечивающие техническую инфраструктуру.

Государственные органы в системе цифровой идентификации выступают одновременно как регуляторы,

² Цифровая диктатура vs цифровой суверенитет: проблемы, риски, возможности. Форум СПб, 24 апреля 2025, <https://forumspb.com/news/news/tsifrovaja-diktatura-vs-tsifrovoj-suverenitet-problemy-riski-vozmozhnosti-/>; Бухарин, В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО. 2016. №6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-tsifrovogo-suvereniteta-rossiyskoy-federatsii-kak-tehnicheskaya-osnova-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 26.07.2025).

операторы и пользователи систем идентификации. В качестве регуляторов они осуществляют нормативно-правовое регулирование, лицензирование и аккредитацию участников инфраструктуры, надзор и контроль за функционированием систем. Как операторы они создают и эксплуатируют государственные системы идентификации, обеспечивают их интероперабельность, доступность и надежность. В роли пользователей идентификационных данных государственные органы действуют на основании специальных правовых оснований, с соблюдением установленных ограничений и процедур.

Особую категорию субъектов правоотношений в сфере цифровой идентификации представляют операторы соответствующих систем, обеспечивающие функционирование инфраструктуры идентификации и выполняющие ключевые функции по обработке идентификационных данных. Их правовой статус характеризуется наличием специальных требований, включая лицензирование, аккредитацию и сертификацию. Функционал операторов охватывает сбор и верификацию данных, их хранение и актуализацию, обеспечение доступа уполномоченных субъектов, безопасности и конфиденциальности информации.

В российской экономике сформировалась сложная экосистема субъектов правоотношений в сфере цифровой идентификации, где взаимодействуют государственные и частные структуры. Физические лица взаимодействуют с системами цифровой идентификации через ЕСИА, ЕБС и систему электронной подписи. Юридические лица представлены банками, операторами связи, удостоверяющими центрами, маркетплейсами. Ключевыми государственными органами выступают Минцифры, Роскомнадзор, ФНС, Банк России и ФСБ. Среди операторов систем цифровой идентификации выделяются Ростелеком, НСПК, Гознак и аккредитованные удостоверяющие центры. Защита персональных данных при цифровой идентификации сопряжена с комплексом проблем технологического, организационно-правового, социально-этического характера, а также вопросами согласия субъектов, системными проблемами и трудностями международного взаимодействия. Эффективное функционирование системы правоотношений в сфере цифровой идентификации требует баланса интересов всех категорий субъектов, четкого разграничения их прав и обязанностей, а также установления адекватных механизмов ответственности за нарушения в данной сфере.

Цифровая идентификация представляет собой фундаментальный элемент современного гражданско-правового регулирования, значение которого выходит далеко за рамки публичных отношений контроля и надзора.

В контексте гражданского права данный феномен обеспечивает достоверную связь между субъектом права и его волеизъявлением в цифровой среде, что критически важно для действительности электронных сделок. Без надежной цифровой идентификации невозможно гарантировать, что электронную сделку заключило именно уполномоченное лицо, а не третье лицо, неправомерно использующее чужие данные.

Принцип автономии воли, лежащий в основе гражданского права, в цифровом пространстве реализуется именно через механизмы, позволяющие достоверно установить, что волеизъявление исходит от конкретного субъекта, обладающего соответствующими правами. Цифровая личность становится юридически значимым воплощением субъекта в виртуальном пространстве, через которое он осуществляет свою правосубъектность.

С появлением в Гражданском кодексе РФ понятия цифровых прав как особого вида имущественных прав возникла необходимость четкого определения их принадлежности конкретным субъектам, что обеспечивается именно механизмами цифровой идентификации. Цифровой профиль фактически становится вместилищем цифровых прав субъекта. Оборотоспособность современных цифровых активов, включая токены, криптовалюты и NFT, напрямую зависит от надежных механизмов идентификации владельцев и подтверждения перехода прав.

Отметим и то, что развитие договорного права в цифровой среде, включая смарт-контракты и иные формы автоматизированного исполнения обязательств, требует однозначной идентификации сторон и определения носителей прав и обязанностей. В платформенной экономике защита прав потребителей невозможна без надежных механизмов идентификации всех участников правоотношений. Трансформация традиционных механизмов представительства с появлением цифровых агентов и виртуальных ассистентов также основывается на концепциях цифровой идентификации. Наследственное право сталкивается с вызовом определения судьбы цифровых активов после смерти субъекта, а личные неимущественные права получают новое измерение в цифровой среде, где цифровая личность становится проекцией нематериальных благ. Институт гражданско-правовой ответственности в цифровом пространстве требует четкого определения субъекта ответственности за действия, совершенные через цифровые интерфейсы.

Таким образом, концепции цифровой идентификации, цифровой личности и цифрового профиля формируют не инструменты контроля, а необходимую инфраструктуру для реализации базовых институтов гражданского права в цифровой среде, обеспечивая правовую определенность, защиту прав участников

гражданского оборота и создавая условия для воплощения фундаментальных принципов гражданского права в цифровом пространстве.

Заключение

Изложенное позволяет констатировать, что правовая природа цифровой идентификации в экономических отношениях — это комплексная юридическая характеристика института установления и подтверждения личности субъектов экономической деятельности с использованием цифровых технологий. Данный феномен обладает признаком дуализма, выступая одновременно как инструмент реализации прав субъектов в цифровой среде и как самостоятельный объект нормативного регулирования. Межотраслевой характер цифровой идентификации проявляется на стыке информационного, гражданского, финансового и административного права, что отражает многогранность данного института. В правовой природе цифровой идентификации гармонично сочетаются публично-правовые элементы, проявляющиеся в императивном регулировании вопросов безопасности и защиты персональных данных, и частноправовые элементы, выражающиеся в договорном регулировании отношений между субъектами экономической деятельности.

Функциональные аспекты правовой природы цифровой идентификации раскрываются через легитимационную, трансакционную и превентивно-защитную функции. Легитимационная функция устанавливает связь между цифровым представлением субъекта и его правовым статусом, определяет объем правоспособности в цифровой экономике. Трансакционная функция обеспечивает юридическую достоверность субъектного состава экономических отношений и создает правовые гарантии исполнения обязательств. Превентивно-защитная функция служит правовым инструментом предотвращения правонарушений и защиты экономических интересов добросовестных участников рынка.

Структурные элементы правовой природы цифровой идентификации включают субъектный, объектный и процедурный компоненты. Субъектный компонент предполагает дифференцированный подход к различным категориям участников — физическим и юридическим лицам, государственным органам и операторам систем идентификации. Объектный компонент охватывает идентификационные данные, средства и процедуры идентификации, а также результаты идентификации как юридические факты. Процедурный компонент регламентирует первичную идентификацию, аутентификацию, авторизацию и верификацию.

Правовую природу цифровой идентификации определяют принципы пропорциональности, технологической нейтральности и баланса интересов. Принцип пропорциональности предполагает соразмерность применяемых средств идентификации характеру экономических отношений. Принцип технологической нейтральности обеспечивает равное юридическое признание различных технологий идентификации при соблюдении установленных требований. Принцип баланса интересов отражает необходимость согласования интересов безопасности и удобства использования, публичных интересов государства и частных интересов субъектов экономической деятельности.

Понимание правовой природы цифровой идентификации имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет выстраивать эффективные модели правового регулирования, обеспечивающие баланс между безопасностью экономических отношений, защитой прав субъектов и стимулированием инновационного развития цифровой экономики. Правовая природа данного института требует комплексного регулирования, учитывающего технологические, экономические, социальные и этические аспекты цифровой трансформации экономических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин, В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО. — 2016. — №6 (51). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-tsifrovogo-suvereniteta-rossiyskoy-federatsii-kak-tehnicheskaya-osnova-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 26.07.2025).
2. Демьянец, М.В. Правовое регулирование идентификации в условиях развития информационно-коммуникационных технологий / М.В. Демьянец // Образование и право. — 2018. — № 1. — С. 104–114.
3. Дудко, М.О. Цифровая идентичность личности: теоретико-правовой аспект // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серия 4. Правазнаўства. — 2019. — Т. 9, № 3. — С. 6–12.
4. Кондаков, А.М., Костылева, А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 207–218. — DOI: 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218.
5. Наумов, В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Институт государства и права Российской академии наук. — Москва, 2020. — 42 с.
6. Соловьева, Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. — 2023. — С. 1–12. — URL: <https://orcid.org/0000-0001-7490-7084>.

7. Степанова, М.Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. — №1 (44). — С. 44–49. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-44-49.
8. Химченко, А.И. Вопросы реализации доверия в условиях развития цифровой экономики // Право и цифровая экономика. — 2024. — № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Цифровая диктатура vs цифровой суверенитет: проблемы, риски, возможности. Форум СПб, 24 апреля 2025, [https://forumspb.com/news/news/tsifrovaja-diktatura-vs-tsifrovoj-suverenitet-problemy-riski-vozmozhnosti-/](https://forumspb.com/news/news/tsifrovaja-diktatura-vs-tsifrovoj-suverenitet-problemy-riski-vozmozhnosti/) (дата обращения: 26.07.2025).
10. Чернавин, Ю.А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. — 2022. — № 12 (168). — С. 74–78.

© Газизуллин Ришат Ильнурович (Rishat.Gazizullin@kpfu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

INDUSTRIAL TOURISM AS A TOOL FOR DEVELOPING TOURIST TERRITORIES ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR REGION

*E. Zadneprovskaya
E. Polzikova*

Summary. The authors analyzed the state of industrial tourism in the Krasnodar Territory and noted that such a tool for developing a tourist territory contributes to its active branding. They studied the experience of developing industrial tourism based on local manufacturing enterprises that represent various industries. They noted the growing popularity of such excursions and tours among tourists, especially excursions to the wineries of the Kuban region, and identified the most popular regional wine routes. They also studied the government measures to support the systematic development of industrial tourism in the Krasnodar Territory. The authors have identified a number of problems that hinder the development of industrial tourism in the Krasnodar Territory: insufficient interest of industrial enterprises in accepting tourists, lack of experience in conducting excursions, lack of professional tour guides, poor promotion of industrial excursions and tours, etc.

Keywords: industrial tourism, industrial excursion, industrial tour, tourist flow, tourist interest, revenue.

Заднепровская Елена Леонидовна

к.э.н., доцент, Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма (Краснодар)
ele-zadnepr@yandex.ru

Ползикова Евгения Викторовна

к.п.н., доцент, Кубанский государственный
университет физической культуры,
спорта и туризма (Краснодар)
janepopernyak@yandex.ru

Аннотация. Авторами в работе проанализировано состояние промышленного туризма в Краснодарском крае, отмечено, что подобный инструмент развития туристской территории способствует её активному брендингованию. Изучен опыт развития промышленного туризма на базе местных производственных предприятий, являющихся представителями разных отраслей промышленности. Отмечен рост популярности подобных экскурсий и туров у туристов, особенно востребованы экскурсии на винодельческие предприятия Кубани, выделены наиболее популярные региональные винные маршруты. Изучены государственные меры поддержки системному развитию промышленного туризма в Краснодарском крае. Авторами отмечен ряд проблем, препятствующих развитию промышленного туризма в Краснодарском крае: недостаточная заинтересованность промышленных предприятий в принятии туристов, нехватка опыта предприятий в проведении экскурсионных мероприятий, отсутствие профессиональных экскурсоводов, слабое продвижение промышленных экскурсий и туров и др. Активизация взаимодействия промышленных предприятий и туристских компаний может привести к большему успеху продвижения промышленного туристского продукта, пользующегося популярностью у путешественников.

Ключевые слова: промышленный туризм, промышленная экскурсия, промышленный тур, туристский поток, туристский интерес, выручка.

Введение

Промышленный потенциал территории оказывает неоднозначное воздействие на туристическую отрасль. С одной стороны, техногенная нагрузка может снижать привлекательность региона для отдыха, а с другой — способствовать формированию специализированных туристических направлений, таких как промышленный туризм. Наибольшее распространение этот вид туризма получил в регионах с развитым промышленным сектором.

Согласно ГОСТ Р ИСО 13810-2016 «Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг»,

промышленный туризм определяется как организация посещений производственных объектов, позволяющих гостям познакомиться с технологическими процессами и особенностями производства в ретроспективе, настоящем и перспективах развития. На практике это предполагает экскурсионное обслуживание на предприятиях (заводах, фабриках, комбинатах) по специально разработанным маршрутам с участием квалифицированных гидов.

Для большинства промышленных компаний доход от туристической деятельности не является основным, однако её имиджевая значимость существенна. Участие в организации экскурсий позволяет предприятиям:

- формировать положительный репутационный капитал;
- повышать узнаваемость бренда среди широкой аудитории, включая не только туристов, но и представителей СМИ, потенциальных инвесторов и отраслевых специалистов;
- стимулировать сбыт продукции;
- привлекать инвестиционные ресурсы;
- получать дополнительный источник дохода.

Таким образом, промышленный туризм выступает эффективным инструментом коммуникации между предприятием и различными группами заинтересованных сторон, способствуя комплексному развитию как самого производства, так и территории его расположения.

Степень научной проработанности выбранной темы на примере южного региона на данный момент находится в процессе накопления теоретических и нормативно-правовых основ. Концептуальные и методологические аспекты развития промышленного туризма освещались в работах Костикова А.К., Лихачева Е.Н., Таскаевой С.В. [5, 9]. Организационные особенности и проблемы проведения экскурсий на промышленных предприятиях проанализированы в исследованиях Е.А. Блиновой, Ю.А. Киревой, М.В. Корешковой [3,4]. Развитие промышленного туризма в различных регионах, и целом, в Российской Федерации, в том числе, рассматривалось в трудах таких авторов, как Головач Е.П., Заднепровской Е.Л., Митрофанова О.Н., Шабалина Н.В. и др. [1, 2, 6, 10]. Правовые аспекты организации промышленного туризма изучались такими авторами как Набиев С.Р., Позднякова Е.А., Челябинца О.И. [7].

Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи авторами использовались методы теоретического обобщения и систематизации данных, полученных из открытых источников. Применены также логический и аналитический подходы. Информационной базой исследования послужили статистические данные консалтинговой компании «Strategy Partners», Росстат, Агентства стратегических инициатив, материалы исследовательских организаций и рейтинговых агентств, размещенных в открытом доступе.

Основные результаты

Создание российскими производителями глобально конкурентных продуктов и вывод их на мировые рынки требует большого количества разнообразных инструментов продвижения и промышленный туризм — один из таких инструментов. Важно в кратчайшие сроки решать вопросы дефицита кадров в промышленности, поскольку по данным Минпромторга, столь жесткого дефицита кадров в промышленности не было с 1996 года.

Необходимо формировать новые форматы знакомства школьников, студентов, молодежи с современными промышленными предприятиями, карьерными возможностями в промышленности. И, конечно, сегодня особенно важно предоставить каждому россиянину возможность познакомиться с достижениями современной российской промышленности и науки, с историей создания и развития российских производств, узнавать о технологиях, амбициозных будущих промышленных проектах страны. Значительный интерес к посещению российских производств проявляют партнеры и из других дружественных стран, что говорит о растущем потенциале международного сотрудничества в этой сфере. Данная тенденция будет способствовать не только развитию промышленного туризма, но и усилению технологической кооперации, открывая новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества в промышленной сфере.

В целях продвижения промышленного туризма АСУ (Агентство стратегических инициатив) при поддержке Минпромторга России была разработана программа «Открытая промышленность». Регионы-участники данной программы разрабатывают промышленные, в том числе, межрегиональные маршруты, детские просветительские проекты, программы стажировок для студентов, экопросветительские программы, музейные экспозиции. Кроме того, в рамках программы, участники, которые показали лучшие результаты, получают профессию «Специалист по развитию промышленного туризма».

По данным аналитиков консалтинговой компании «Strategy Partners» поток промышленных туристов в Российской Федерации в 2024 году вырос на 40 % по сравнению с 2023 годом и достиг 2,0 млн человек, что свидетельствует о росте интереса к посещению производственных объектов. В 2025 году специалистами прогнозируется увеличение числа посетителей промышленных объектов до 2,24 млн человек, что означает рост на 12 % относительно показателей 2024 года. Далее приведем статистические данные, также подтверждающие положительные тенденции развития промышленного туризма в стране: число предприятий с профориентационными экскурсиями в 2024 году увеличилось на 53 %; более 1 млн. школьников и студентов посетили производства, что на 219 % больше, чем в 2023 году; в Белгородской, Ивановской, Тамбовской, Томской областях и Республике Саха (Якутия) около 1,5 тыс. иностранных студентов и специалистов прошли стажировки на предприятиях.

Системному развитию промышленного туризма в нашей стране способствовали следующие меры поддержки:

- внедрение программы «Открытая промышленность», включающая стратегию развития про-

мышленного туризма, входящую в туристический нацпроект, в программе участвуют более 2000-х российских предприятий, представленных как холдингами, так и небольшими предприятиями;

- реализация акселерационной программы по активному развитию промышленного туризма. В рамках данной программы представители российских промышленных предприятий проходят обучение по развитию туристского направления в деятельности предприятий, а именно, получают консультации в разработке проектов экскурсий, использовании инструментов продвижения и сопровождения промышленных туров;
- использование предприятиями регионального инвестиционного налогового вычета, позволяющего вкладывать средства в модернизацию основных фондов, к примеру, в создание музеев истории предприятия, в оборудование туристских площадок на территории предприятия;
- размещение информации о маршрутах промышленного туризма на платформе Национального туристического портала и др.

Кроме того, активизации интереса к развитию промышленного туризма в регионах способствуют конкурсы среди лидеров данного направления. К примеру, в Краснодарском крае, данная номинация была представлена в рамках краевого конкурса лидеров туристкой индустрии «Курортный Олимп 2024»: первое место было отдано Абинскому электрометаллургическому заводу, второе место завоевал Губский кирпичный завод, а третье место досталось Армавирскому заводу стальных конструкций «Кубань».

Промышленные предприятия Краснодарского края активно развивают промышленный туризм. В основном, предприятия представлены в таких отраслях производства, как металлургия, транспортное и пищевое машиностроение, химическая, фармацевтическая и мебельная промышленность. В регионе функционируют около 103 тысяч предприятий, их распределение по видам экономической деятельности представлено в таблице 1.

Отметим, что наибольшее количество промышленных предприятий приходится на городские округа — 75627 организаций (73,5 % от общего числа предприятий). На муниципальные районы приходится 27300 предприятий (26,5 % от общего числа предприятий) (рисунок 1). По данным реестра Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края оказанием услуг экскурсионно-туристского назначения занимаются 131 предприятие, что, конечно же, является недостаточным количеством для того, чтобы утверждать о масштабности развития промышленного туризма в Краснодарском крае. При этом многие промышленные предприятия края могли бы стать объектами интереса туристов.

Таблица 1.

Распределение предприятий по видам экономической деятельности (данные Росстат)

Виды экономической деятельности	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3922	3703	3530	3442	3386
добыча полезных ископаемых	413	401	406	396	405
обрабатывающие производства	7695	7430	7163	7027	6844
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	528	604	595	608	584
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	794	792	772	750	723
строительство	14875	13791	13166	12769	12393
др. виды деятельности	...	...	...	...	...
Всего	115452	110824	107257	105233	102927

Отметим, что у горожан высоким спросом пользуются туры выходного дня, включающие любительскую охоту и рыбалку. Подобные услуги оказывают ФГУП «Племенной форелеводческий завод» «Адлер»; ФГБУ «Темрюкский осетровый рыбоводный завод». Традиционным спросом у туристов пользуются экскурсии на чайные плантации, пчеловодческие хозяйства, такие как: ОАО «Солохаульский чай», ЗАО «Хоста-чай», ОАО «Мацестинский чай» города-курорта Сочи. Экскурсанты имеют возможность изучить особенности технологии производства разнообразных чаев, увидеть фасовку чайной продукции, принять участие в кубанском чаепитии. Большим интересом у школьников пользуются экскурсии на предприятия пищевой отрасли: АО «Сочинский хлебокомбинат», ООО «Сыры Кубани» (Выселковский район), ООО «Пищтех» (Динской район), АО «Сахарный комбинат «Курганинский» и т.д. У старшеклассников наблюдается рост интереса к экскурсиям на предприятия машиностроения и металлургии: ООО «Завод стальных конструкций «Кубань»» (г.Армавир), ООО «Новоросцемент» (г. Новороссийск), ООО «Краснодарский компрессорный завод» (Динской район) и др. Интересен опыт развития промышленного туризма на базе ООО «Губский кирпичный завод», где имеется уникальный музей «Кирпичные промыслы», в котором экскурсанты имеют возможность изучить историю развития керамики от каменного века до современности. Кроме того, у экскур-

Рис. 1. Распределение промышленных предприятий по городским округам и муниципальным районам Краснодарского края (данные Росстат)

сантов имеется возможность увидеть производственный процесс от подготовки сырья до выхода готовой продукции в цехах предприятия.

В кубанской столице на не постоянной основе школьники и студенты имеют возможность посетить такие предприятия края, как: Краснодарская ТЭЦ; филиал №1 ЗАО МБПК «Очаково» (производство пиво-безалкогольной продукции); филиал ООО «Клаас» — производство сельскохозяйственной техники; гидротехнический комплекс Краснодарского водохранилища и др. При этом, посещение перечисленных предприятий группами школьников имеет основную цель — профориентационную работу, направленную на формирование усиленного интереса молодежи к определенному виду деятельности, а группами студентов — укрепление теоретических знаний практическими примерами на конкретных производственных предприятиях.

Летом 2024 года в Краснодарском крае был запущен проект «Индустриальный калейдоскоп Причерноморья», разработанный специалистами Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края. Туристический маршрут пока включает шесть промышленных объектов: Абинский электрометаллургический завод (г. Абинск), «РусДжам стеклотара холдинг» (г. Крымск), Семейная винодельня «Шато Андре» (х. Школьный Крымского района), ПКФ «Фитофарм» (г. Анапа), Музей цементной промышленности (г. Новороссийск), Русский винный дом «Абрау-Дюрсо» (г. Новороссийск). Маршрут занимает два дня, туристы могут присоединиться к нему на любом объекте и увидеть воочию в производственных условиях, что представляет собой импортозамещение в современных экономических условиях. Перечисленные предприятия относятся к разным отраслям промышленности и дают экскурсан-

там представление об особенностях функционирования различных производств:

- ООО «АЭМЗ» является крупным промышленным экспортером, занимающем первое место в России по экспорту бунтовой арматуры и катанки;
- ООО «Русджам стеклотара холдинг» является лидером по производству изделий из стекла в России, специализируется на производстве стеклотары для винной, шампанской, пивной, безалкогольной продукции и масел. Годовой выпуск стеклянных изделий составляет порядка 245 млн бутылок;
- ООО «Шато Андре» является семейной винодельней, в которой изготавливается моно-сортное вино высшего качества, которое получено из сортов винограда, выращенного на собственных полях. На территории имеется агротуристический комплекс, вмещающий виноградники, пасеку, мини-ферму и т.д.;
- ООО ПКФ «ФитоФарм» более 30-ти лет является лидером среди российских предприятий, занятых производством медикаментов из лекарственного сырья растительного происхождения, а также лекарственных чаев;
- Музей цементной промышленности города Новороссийска хранит более 50000 экспонатов, посвященных строительной отрасли Краснодарского края, её истории, имеется зал, посвященный выдающимся рабочим;
- ООО «Центр винного туризма «Абрау-Дюрсо»» самая посещаемая российская винодельня, имеющая на своей территории современную производственную и туристскую инфраструктуру. Туристам предлагаются не только экскурсии по производству и винным подвалам, но и туры для разных категорий туристов.

Краснодарский край — лидер по развитию направления винного туризма в России. Край является крупнейшим российским регионом по числу лицензированных фермерских винодельческих хозяйств (около 200 виноделен). Винодельческие производства в крае разного масштаба — от холдингов до небольших семейных виноделен, большинство из которых располагают собственной сырьевой базой.

Ассоциацией «Винодельческий союз» были озвучены некоторые факты развития винодельческой отрасли на Кубани:

- доля винодельческой продукции края в общем производстве вина и игристого вина составляет 43 %;
- производство вина и игристого вина в крае за 2023 год составило 220 млн литров;
- в 2023 году было произведено 4,5 млн саженцев винограда, что на 1,3 млн саженцев больше от произведенного количества в 2022 году (3,2 млн);
- в регионе 95 лицензированных виноделен (примерно половина предприятий — фермерские хозяйства) и др.

По данным администрации Краснодарского края, размеры туристских потоков на винодельни региона следующие: 2020 год — более 180 тыс. чел., 2021 г. — более 248 тыс. чел., 2022 г. — более 199 тыс. человек.

Качество регионального винного продукта было подтверждено на конкурсе «Кубок СБВР — 2021», который проходил в Абрау-Дюрсо, на котором российские эксперты дали высокие медальные оценки кубанским винам: в категории «Лучшее красное вино» золото досталось ОАО «АПФ «Фанагория», Краснодарский край; в категориях «Лучшее игристое классическое вино» и «Лучшее игристое резервуарное вино» золото досталось ЗАО «Абрау-Дюрсо». С 2023 года проводится «Кубок АВВР», который организуется Ассоциацией виноградарей и виноделов России, где также были выделены краснодарские винодельческие предприятия.

Значительная часть винодельческих предприятий в Краснодарском крае находится в Темрюкском, Крымском и Славянском районах, производством вина занято 12 из 44 районных муниципальных единиц.

В таблице 2 авторами представлен рейтинг виноделен Краснодарского края по выручке, составленный по данным ФНС за 2024 год.

ООО «Кубань-Вино» в последние годы стабильно держит позиции лидера.

Вокруг части кубанских виноделен формируется туристская инфраструктура, включающая гостиницы, рестораны, сыроварни, улиточные фермы, лавандовые

Таблица 2.

Рейтинг винодельческих организаций Краснодарского края по выручке (составлено авторами)

Место в рейтинге	Организация	Выручка, млн руб.
1	ООО «Кубань-Вино»	16540
2	ОАО «Агропромышленная фирма «Фанагория»	8629
3	ЗАО «Абрау-Дюрсо»	7467
4	ООО «Союз-Вино»	4904
5	ООО «Таманская винная компания — Кубань»	4394
6	ООО «Лоза»	1658
7	ООО «Долина»	1611
8	ООО «Мысхако»	1492
9	ООО Винодельня «Юбилейная»	1379
10	ООО «Поместье Голубицкое»	946

поля, пасеки и т.д. Некоторые винодельческие предприятия стали модными объектами туристского показа. К примеру, в ЗАО «Абрау-Дюрсо» имеется туристский центр, включающий демонстрационные галереи, отели, рестораны, кафе, велосипедные дорожки, конюшню, вертолетную площадку, обзорные площадки и др. В агрокомплексе «Chateau Pinot» имеется гравитационная винодельня, ресторан, музей ретроавтомобилей, улиточная ферма. Следует отметить, что главной проблемой развития винного туризма остается недостаточное количество отелей, кемпингов вокруг многих кубанских виноделен.

В Краснодарском крае пользуются популярностью ряд винных маршрутов:

- «Янтарная лоза», включает посещение семи объектов: центр винного туризма Абрау-Дюрсо, Усадьба Семигорье, Владимирская усадьба, винодельческий дом Каракезиди, Винное подворье старого грека, Кубань-Вино и Фанагория (2017 г. — год создания маршрута). Разработчиком маршрута выступает Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края;
- «Хвала Вину», в маршрут входит посещение девяти объектов, пять из которых — винодельни: Chateau Pinot, центр винного туризма Абрау-Дюрсо, поместье Голубицкое, Кубань-Вино, винодельня Нестеров (2019 г. — год создания маршрута). Разработчиком маршрута выступает Ассоциация агротуризма Краснодарского края;
- маршрут «Винные дороги Боспорского царства» является крупным межрегиональным маршрутом, включающем туристский центр Абрау-Дюрсо, Фа-

нагория, Chateau Pinot, Мысхако, Винное подворье старого грека, Кубань-Вино, Марьяна усадьба, поместье Голубицкое, долина Лефкадия, имение Сикоры, Шато де Талю, винодельня Нестеров, Мильстрим (2019 г. — год создания маршрута). Разработчиком маршрута выступают Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края и Русское географическое общество;

- в маршрут «Винные дороги Краснодарского края» включено посещение 20 виноделен: Винное подворье старого грека, семейная винодельня Литавщук, Скалистый берег, Шато де Талю, Шато Андре, Gunko Winery, Долина Лефкадия, Chateau Pinot, имение Сикоры, Мысхако, Трестория, Абрау-Дюрсо, Совер Баш, Фанагория и т.д. (2022 г. — год создания маршрута). Протяженность винного маршрута составляет 528 км. Разработчиком маршрута выступает Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края;
- маршрут «К виноградникам у моря» является железнодорожным пятидневным маршрутом, связывающий российскую столицу с приморскими районы Кубани (2023 г. — год создания маршрута), включает посещение Шато Тамань, Кубань-Вино, Фанагория, Мысхако, Chateau Pinot, центр винного туризма Абрау-Дюрсо. Разработчиком маршрута выступает ООО «РЖД Тур».

Отметим ряд факторов, влияющих на рост производства вина в Краснодарском крае:

- расширение сырьевой базы винодельческих предприятий. Площадь виноградников, за последние годы (2019–2024 гг.) выросла на 6,5 тыс. га. К концу 2025 г. планируется увеличение площади виноградников ещё на 1,8 %, при этом общая площадь составит 33,1 тыс. га.;
- увеличение количества питомников (посадочный материал). В 2015 г. посадочный материал предоставлял один производитель, в 2024 г. его предоставляют шесть предприятий. Общий объем производства саженцев винограда достиг 6 миллионов;
- государственная поддержка, выражающаяся через предоставление субсидий на возмещение части затрат на молодые виноградники, на виноградники в плодоносящем возрасте, на уходные работы. По данным администрации края, господдержка виноградарско-винодельческой отрасли Кубани за последние 10 лет увеличилась в 5 раз, в 2023–2024 гг. она превышала 1 млрд руб. в год.;
- активный экспорт винной продукции — в первом квартале 2025 г. винодельческие предприятия Кубани экспортировали более 23,5 тыс. дал продукции, что на 19 % выше показателя аналогичного квартала 2024 г. и др.

Высокий потенциал в сфере кубанского виноделия имеет хорошие шансы стать новой точкой развития туристической отрасли Краснодарского края. В 2025 г. специалистами края ожидается рост туристского потока до 30 % по сравнению с 2024 г., при этом стоимость винного тура увеличилась до 15 %, что связано с общим ростом цен и уровнем спроса. Популярность экскурсий и туров положительно влияет на объемы продаж винодельческих предприятий, до 90 % собственного производства винодельни реализуют в собственных фирменных магазинах.

Однако, общее развитие промышленного туризма в Краснодарском крае сталкивается с рядом проблем, которые препятствуют активизации направления:

- недостаточная заинтересованность промышленных предприятий в принятии туристов, что связано с предполагаемыми расходами по организации безопасности туристов, обустройстве туристских коридоров или музеев;
- недостаточный опыт предприятий в проведении экскурсионных мероприятий, отсутствие профессиональных экскурсоводов, которые должны быть сертифицированы;
- многие экскурсии проводятся по личным договоренностям, т.е. практически отсутствует маркетинговый инструментарий продвижения экскурсий и туров на предприятиях;
- недостаточный объем, в том числе, в виде господдержки, инвестиционных вложений в промышленный туризм для активного его развития в регионе;
- слабое продвижение промышленных экскурсий и туров через туристические выставки, порталы. Не разработан интерактивный путеводитель по промышленным предприятиям края, стимулирующий интерес туристов к посещению предприятий.

Заключение

Промышленный туризм может быть одним из катализаторов развития внутреннего регионального туризма. Кроме того, для многих предприятий Краснодарского края промышленный туризм является не только источником дополнительных доходов, но и важным инструментом брендинга. В результате взаимовыгодного сотрудничества туристские и промышленные предприятия могут формировать уникальный туристский продукт, который будет востребован у туристов. В сложных санкционных условиях необходимо продемонстрировать достижения региональной промышленности, которые могли бы быть высоко оценены не только специалистами, инвесторами, но и туристами, особенно школьниками, которые стоят перед жизненно важным для них выбором будущей профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головач Е.П. Тенденции развития промышленного туризма в мире /Е.П. Головач // Вестник Брестского государственного технического университета. 2018. — №3. — С.10–14.
2. Заднепровская Е.Л. Развитие промышленного туризма на винодельческих предприятиях Краснодарского края /Е.Л. Заднепровская// Промышленный туризм: тренды, методология, эффективные практики: материалы международной научно-практической конференции. — Омск: Омский государственный технический университет, 2024. — С.36–39.
3. Киреева Ю.А. Организация экскурсий на промышленных предприятиях / Ю.А. Киреева, Е.А. Блинова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. — № 2. — С. 44–52.
4. Корешков М.В. Промышленный туризм: знакомство с производством /М.В. Корешков, С.Е. Деревнина // Профессиональное образование и рынок труда. 2015. — №9-10. — С. 42–43.
5. Костиков А.К. Комплексная модель объектов промышленного туризма /А.К. Костиков, Е.Н. Лихачёв // Творчество и современность. 2020. — № 1(12). — С. 27–34.
6. Митрофанова О.Н. Перспективы развития промышленного туризма в регионе / О.Н. Митрофанова // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. — № 11. — С.128–137.
7. Набиев С.Р. Правовые вопросы определения промышленного туризма / С.Р. Набиев, Е.А. Позднякова, О.И. Челябинца // Сервис в России и за рубежом. 2022. — №3. — С.56–63.
8. Танкиева Т.А. Промышленный и научно-популярный туризм: актуальные практики /Т.А. Танкиева, Д.С. Смолина, А.В. Иванова // Прогрессивная экономика. 2024. — № 12. — С.26–37.
9. Таскаева С.В. Потенциал промышленного туризма на современном этапе / С.В. Таскаева // Вестник науки. 2023. — № 6. — С. 107–112.
10. Шабалина Н.В. Потенциал российских регионов для развития промышленного туризма / Н.В. Шабалина, Е.А. Азина, Е.С. Каширина// Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. — №2. — С. 58–67.

© Заднепровская Елена Леонидовна (ele-zadnepr@yandex.ru); Ползикова Евгения Викторовна (janepopernyak@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF POPULAR SCIENCE TOURISM ON THE EXAMPLE OF INDIVIDUAL RUSSIAN REGIONS

**E. Zadneprovskaya
E. Polzikova
O. Shpyrnya**

Summary. Our country has a huge scientific, educational and tourism potential, therefore, in addition to the already intensively implemented programs and projects, it is necessary to actively develop popular science tourism, whose services are especially in demand among the youth audience, as it allows them to decide on a future profession and join science as an important area of public life. Each route within the framework of popular science tourism should be worked out in detail and designed to become a real scientific adventure: tourists visit and explore unique scientific sites that have so far been closed to the public. Thanks to popular science tourism, some universities have opened their laboratories, museums, and research centers to tourists. The authors noted that popular science tourism is of great image importance for the regions of the country, it is necessary to strengthen work on the development of a documentation base and regulations at the level of individual subjects, to work out programs for the promotion of services in this area of tourism. The regional aspects of the development of popular science tourism in individual tourist destinations have not been sufficiently studied, while the achievements of Russian science are of interest to many Russians, especially school and youth audiences, so studying the aspects of the development of popular science tourism in the regions of our country is relevant.

Keywords: popular science tourism, travel, tourism object, tourist destination, sightseeing route, consumer sector, tourists.

Заднепровская Елена Леонидовна

к.э.н., доцент, Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма (Краснодар)
ele-zadnepr@yandex.ru

Ползикова Евгения Викторовна

к.п.н., доцент, Кубанский государственный
университет физической культуры,
спорта и туризма (Краснодар)
janepopernyak@yandex.ru

Шпырня Олег Валентинович

к.п.н., доцент, Кубанский государственный
университет физической культуры,
спорта и туризма (Краснодар)

Аннотация. Российская Федерация обладает разнообразными научно-образовательными и туристскими ресурсами. Активно внедряются туристские программы различной направленности, особым спросом пользуются экскурсии и туры научно-популярного характера, о чем свидетельствует интерес молодежи к подобным услугам, поскольку подобные туристские продукты помогают определиться с будущей профессией, приобщиться к научным исследованиям, получить первичные знания и навыки в какой-нибудь научной сфере. Любой маршрут научно-популярной направленности необходимо тщательно построить, он призван стать настоящим научным приключением: туристы посещают и изучают уникальные научные объекты, которых до сих пор были закрыты для массового посещения. Благодаря научно-популярному туризму часть вузов открыли для туристов свои лаборатории, музеи, исследовательские центры. Авторами отмечено, что научно-популярный туризм имеет огромное имиджевое значение для регионов страны, необходимо усилить работу по разработке документационной базы и регламентов на уровне отдельных субъектов, проработать программы продвижения услуг данного направления туризма. Отметим, что развитие научно-популярного туризма в российских регионах имеет свои особенности и находится на разных стадиях продвижения, что, часто связано с инфраструктурными и кадровыми возможностями территорий. Результаты научных исследований и достижений вызывают заслуженный отклик в молодежной среде, поэтому изучение особенностей развития научно-популярного туризма в отдельных регионах страны актуально.

Ключевые слова: научно-популярный туризм, путешествие, объект туризма, туристская дестинация, экскурсионный маршрут, потребительский сектор, туристы.

Введение

Научно-популярный туризм в нашей стране активно развивается и становится важнейшей частью внутреннего туризма. Особенно, научно-популярный туризм востребован у молодежной аудитории, поскольку позволяет определиться с будущей профессией,

приобщиться к науке как важной сфере общественной жизни, позволяющей реагировать на вызовы, возникающие в сложной современной реальности. Экономическая жизнь любой страны в современном мире зависит от научно-технических инструментов её развития, и конечно, определяется степенью развития науки.

2022–2031 годы в Российской Федерации объявлены десятилетием науки и технологий, главной задачей проекта является привлечение талантливой молодёжи в научную сферу, повышение доступности информации о достижениях и перспективах развития отечественной науки [6]. Была подписана Концепция развития научно-популярного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, основными направлениями которой являются: путешествия в формате научных экспедиций; увеличение практической и интерактивной составляющей в экскурсионных маршрутах; запуск научно-популярных маршрутов выходного дня; разработка длительных маршрутов с предоставлением возможности прохождения практической подготовки на базе объектов научно-популярного туризма; формирование межрегиональных маршрутов [9].

В соответствии с данной Концепцией, научно-популярный туризм — это временные выезды с постоянного места жительства в познавательных, профессионально-деловых и иных целях, осуществляющиеся по утвержденным маршрутам, с посещением объектов инфраструктуры организаций, сопряженных с научной, инновационной, образовательной, просветительской деятельностью, способствующие популяризации достижений российской науки и технологий. В современных международных турбулентных условиях функционирования сферы туризма, актуальным стал вопрос, какие направления российского внутреннего туризма, особенно для молодежной аудитории, может предложить туристский рынок. В нашей стране огромный научный, образовательный и туристический потенциал, поэтому, кроме уже интенсивно внедряемых программ и проектов (к примеру, «Новая Анапа», «Байкальская слобода», «Белокуриха Горная», «Казань марина» и др.), необходимо активно развивать и научно-популярный туризм, поскольку в нашей стране молодежная аудитория широко представлена, в первую очередь, таким потребительскими секторами как студенчество, молодые люди до 35 лет. Кроме того, отметим, что туризм относится к сфере услуг, и его активное развитие имеет огромное значение для нашей страны, особенно во время мирового падения цен на сырьевые ресурсы.

Как и любой туристский продукт, продукты научно-популярного характера формируются с учетом имеющегося потенциала, в первую очередь, научного и инфраструктурного. При изучении понятия «научно-популярный туризм», было выяснено, что имеются различные интерпретации определения понятия, отсутствует единый подход к трактовке термина, что можно увидеть в научных статьях А.Ю. Барановой [1, с. 237–238], А.А. Безгачевой [2, с.9–12], В.В. Верна [3, с.141–142], Е.А. Крыловой [11, с.9–12], Т.А. Танкиевой [13, с.26–27] и др.

До недавнего времени, многими российскими специалистами для описания особенностей туристского продукта научной специфики, построенного на соответствующем туристском спросе, формируемом на получении новых знаний научного характера, образовательных навыков часто использовались дефиниции «образовательный», «научный туризм». Изучению подобных дефиниций, особенностей развития перечисленных видов туризма, в том числе, в практических аспектах их развития, исследовались в научных работах Ж.А. Ермаковой [8, с.74–75], А.Ю. Косяковой [10, с.339–340], М.С. Оборина [12, с.86–90], П.П. Чуваткина [15, с.295–296] и др. Кроме того, часть ученых привязывают научные интересы молодежной аудитории к студенческому, школьному, молодежному видам туризма, что освещалось в статьях Воробьева Н.С. [4, с.121–122], Горбатова С.А. [5, с.78–80], Поддубной Т.Н. [7, с.64–66], Ханиной А.В. [14, с.18–20] и др. Региональные аспекты развития научно-популярного туризма в отдельных туристских дестинациях изучены недостаточно, при этом, достижения отечественной науки интересны многим россиянам, особенно школьной и молодежной аудитории, поэтому актуальность рассмотрения аспектов развития научно-популярного туризма в регионах нашей страны не вызывает сомнений.

Объекты и методы исследований

В рамках написания данной статьи и в процессе исследования региональных аспектов развития научно-популярного туризма в российских регионах авторами использовались следующие научные методы: систематизация и обобщение, классификация и абстрагирование, что позволило выделить последние тенденции, главные проблемы в функционировании научно-популярного туризма в отдельных российских регионах. Информационной базой для написания статьи послужили материалы, размещенные на следующих информационных ресурсах: сайт «Десятилетие науки и технологий», а также сайты «Студтуризм.рф», «Наука.РФ», «Science ID» и др.

Результаты и обсуждение

До недавнего времени в туризмологии вместо термина научно-популярный туризм использовались такие дефиниции как «образовательный туризм», «научный туризм», «научно-исследовательский туризм». К формам образовательного туризма относили участие туристов в различных образовательных программах; к научному туризму относили академическую мобильность, посещение научных конференций, к научно-исследовательскому туризму относили любую туристскую деятельность, которая направлена на обучение, исследование, приобретение знаний. Необходимо отметить, что научно-популярный туризм приобщает молодежную аудиторию к исследовательской среде, вовлекает в активное участие в научных и просветительских событиях, относится

к важной инициативе, отраженной в плане проведения в рамках Десятилетия науки и технологий. Благодаря подобным востребованным инициативам у молодежной аудитории, имеется отличная возможность для школьников и молодежи изучить научные инновации российских исследователей, посетить современные научные лаборатории, и конечно, подобный вид туризма способствует тому, чтобы молодежь была в курсе основных достижений отечественной науки. В Концепции развития научно-популярного туризма в Российской Федерации представлены следующие основные задачи:

- создание концептуальной основы для формирования маршрутов, мероприятий и реестра объектов научно-популярного туризма, объединяющей в единую систему научные объекты, доступные для посещения туристами;
- повышение доступности объектов научно-исследовательской, производственной и инновационной инфраструктуры посредством их включения в маршруты научно-популярного туризма;
- распространение информации об объектах научно-популярной туристической инфраструктуры, маршрутах научно-популярного туризма, достижениях и перспективах российской науки для повышения уровня межрегиональной интеграции.
- публикация информации о маршрутах и объектах научно-популярного туризма на существующих информационных туристских порталах (Russia. Travel, Russ Pass, Студтуризм.рф, наука.РФ, Science ID, morethantrip.ru и других).

В соответствии с ГОСТом Р 71846-2024 «Туризм и сопутствующие услуги. Научно-популярный туризм. Общие требования» научно-популярный туризм имеет следующие разновидности:

- познавательный (просветительский) научно-популярный туризм: ознакомление с научными достижениями, исследованиями, инфраструктурой, технологиями, перспективными направлениями деятельности объектов научно-популярного туризма, а также взаимодействие с ведущими учеными и исследователями;
- образовательный (профориентационный; исследовательский): получение новых знаний, умений, навыков, формирование компетенций в рамках образовательных программ отдельных модулей при использовании объектов научно-популярного туризма, их инфраструктуры, участия в проведении образовательных мероприятий ведущих ученых;
- профессионально-деловой научно-популярный туризм: приобретение и обмен научным опытом, установление научных контактов посредством участия в конгрессных и иных деловых мероприятиях в составе образовательных и научных организаций и (или) с участием объектов научно-популярного туризма.

Кроме представленного разнообразия научно-популярного туризма, он одновременно активно прогрессирует в трех направлениях: региональный туризм, туризм на курортных территориях, детский и молодежный туризм.

Отметим, что в соответствии с перечисленными направлениями был разработан ряд востребованных научно-популярных туров:

- туризм в регионах России: «Звездный пилигрим» — посещение Байкальской астрофизической обсерватории, Саянской солнечной обсерватории и т.д.; «Станкостроение нового формата» — посещение АО «Промис», мультимедиа-арт-пространство «Цех», (г. Нижний Новгород), изучение робототехники; «Наука Сибири» — посещение научно-образовательного центра НГУ «Эволюция Земли», центра атомной энергии с интерактивным занятием «Где рождается электро-энергия?» и другие научные туры;
- туризм на курортных направлениях: тур в лаборатории и центры коллективного пользования Института биологии южных морей имени А.Н. Ковалевского (г. Севастополь): место, в котором за один день туристы могут познакомиться с лабораторий, увидеть коллекции морских животных и растений, побывать на научно-исследовательском судне; «Путешествие в науку. Сочи»: посещение Субтропического научного центра РАН, парка науки и искусства «Сириус», олимпийские объекты Сочи и др.; маршрут «Пещеры Крыма»: посещение пещерной системы Тавриды и др.;
- детский и молодежный туризм: «Путешествие в науку. Дубна» — посещение старшеклассниками международного Объединенного Института Ядерных Исследований; образовательный модуль Всероссийского детского центра «Океан»: посещение Приморского океанариума, Тихоокеанского института биоорганической химии Дальневосточного отделения РАН и др.

Услуги научно-популярного туризма для отдельных категорий туристов (экскурсантов), предоставление которых регламентируется отдельными национальными стандартами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, включают:

- услуги научно-популярного туризма для детей и молодежи согласно ГОСТ Р 54605;
- услуги студенческого научно-популярного туризма согласно ГОСТ Р 70361;
- услуги научно-популярного туризма для людей пожилого возраста согласно ГОСТ Р 57286;
- услуги научно-популярного туризма для туристов с ограниченными физическими возможностями согласно ГОСТ 32613.

Потребителями услуг научно-популярного туризма являются:

- а) в рамках школьного (детского) научно-популярного туризма: учащиеся школ в возрасте от 6 до 18 лет включительно;
- б) в рамках молодежного научно-популярного туризма: студенты (курсанты); молодые ученые от 18 до 35 лет; обучающиеся в аспирантуре, ординатуре; бакалавриате, специалитете, магистратуре; молодые преподаватели до 35 лет;
- в) среди иных потребителей: семьи с детьми; взрослое население старше 18 лет, трудоспособное население, пенсионеры; иностранные граждане.

К основным (содержательным) объектам научно-популярного туризма отнесем оборудованные для приема туристов объекты туристского показа:

- образовательные организации, осуществляющие научно-образовательные и просветительские мероприятия;
- отдельные объекты научно-исследовательской и образовательной инфраструктуры, включая научно-исследовательские институты на базе образовательных организаций и установки класса мегасаенс;
- федеральные научные центры, наукограды, научно-исследовательские институты, лаборатории;
- лабораторная база и инновационная инфраструктура промышленных предприятий, научно-производственных организаций и комплексов, а также иных предприятий реального сектора экономики;
- инфраструктурные, административные и иные способствующие развитию научно-популярного туризма ресурсы;
- места проведения полевых научных исследований (археологические, палеонтологические рас-

копки, геологические и биологические экспедиции и другие);

- особо охраняемые природные территории, на которых осуществляется научная, образовательная и просветительская деятельность;
- музеи, на базе которых можно организовывать интерактивные программы (мастер-классы, квесты) в рамках маршрутов научно-популярного туризма;
- технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационные центры и т. п.

К вспомогательным инфраструктурным объектам научно-популярного туризма отнесем: гостиницы, кампусы, кемпинги, развлекательные центры и т.п. На рисунке 1 продемонстрирована структура научно-популярного туризма.

В рамках Десятилетия науки и технологий программа научно-популярного туризма в Южном федеральном округе объединила восемь регионов России. Среди них: Крым, Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, области Астраханская, Ростовская и Волгоградская, а также Севастополь. Научно-популярные достопримечательности ЮФО включают 78 объектов, объединенных в 20 туристических маршрутов. Волгоградская область лидирует по количеству научных достопримечательностей — там находится 15 объектов: музей занимательных наук Эйнштейна, лаборатория V.I.S.D.O.M. Volgograd Innovative Semantic Data Observation and Management Laboratory и др. В Астраханском регионе туристам доступно 6 научно-познавательных локаций, включая Астраханский государственный заповедник и архитектурно-строительный университет. В Краснодарском крае 12 объектов: Сочинский национальный парк, Федеральный

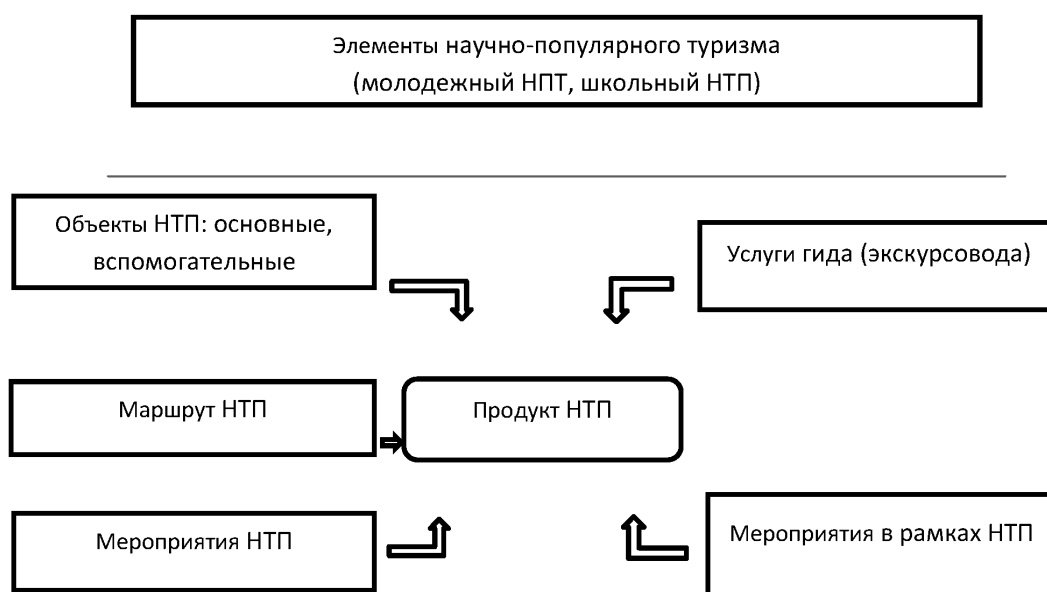

Рис. 1. Структура научно-популярного туризма (составлено авторами)

научный центр «Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур имени В.С. Пустовойта и др.»; в Республике Адыгея 7 объектов: математический парк, детский технопарк «Кванториум» и др.; в Республике Крым 10 объектов научно-популярного туризма: Никитский ботанический сад; Крымская астрофизическая обсерватория РАН и др.; в Республике Калмыкия 4 объекта научно-популярного туризма: монголоведный научный центр Республики Калмыкия; заповедник «Черные Земли» и др.; в Ростовской области Ростовской области 22 объекта научно-популярного туризма: естественнонаучный музей ЮФУ; минералогический музей ЮФУ и др.; в Севастополе 2 объекта научно-популярного туризма: научно-исследовательское судно «Профессор Водяницкий»; Севастопольский морской Аквариум и др.

Кроме того, для молодежной аудитории (призеры и победители всероссийских проектов) организуются поездки по программе «Больше чем путешествие». Программа входит в экосистему Федерального агентства по делам молодежи, действует при поддержке Министерства науки и высшего образования (программа молодежного и студенческого туризма «Студтуризм»); АНО «Национальные приоритеты» (конкурс «Почувствуй Россию»); Министерства труда и социальной защиты России («Семейное путешествие»); Всероссийского экологического движения «Экосистема» (конкурс лучших региональных отделений и конкурс для активных некоммерческих организаций).

Большую роль в Концепции развития научно-популярного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, особое значение придается созданию комплексного каталога объектов инфраструктуры. Систематизация основных и дополнительных ресурсов научно-популярного туризма становится ключевым элементом этой Концепции. Для иллюстрации в таблице 1 представлены некоторые объекты, расположенные на территориях Адыгеи и Краснодарского края. Всероссийский реестр объектов научно-популярного туризма включает свыше 1,1 тысячи объектов. Отметим, что для российских образовательных учреждений научно-популярный туризм становится одним из стимулов популяризации науки среди молодежи и школьников. Но не все образовательные учреждения могут внедрять подобные проекты, что объясняется отсутствием соответствующих экскурсоводов в сфере музейного дела и НТП, не подготовленным маршрутом, не разработанным регламентом продукта.

Краснодарский край сегодня гордится тройкой эксклюзивных туристических программ, зарегистрированных в общероссийском каталоге научно-популярных туристических объектов. Превращая стандартное путешествие в увлекательную исследовательскую экспедицию, эти маршруты делают доступными ранее закры-

Таблица 1.

Объекты реестра инфраструктурных ресурсов научно-популярного туризма на примере Краснодарского края и Республики Адыгеи (составлено авторами)

Республика Адыгея	Краснодарский край
Научно-образовательный центр «Промышленная робототехника и технологии искусственного интеллекта» ФГБОУ «Майкопский государственный технологический университет» (НОЦ «Промышленная робототехника и технологии искусственного интеллекта»)	НОО «Научно-технологический университет «Сириус» (Университет «Сириус», НТУ «Сириус»;
Государственное бюджетное учреждение Республики Адыгеи «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева» (АРИГИ им. Т.М. Керашева)	Ботанический сад ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Ботанический сад ФГБОУ ВО «КГУ») [13, с.26–37]
Детский технопарк «Кванториум» ГБОУ ДО Республики Адыгеи «Центр Дополнительного образования детей» (ДТ «Кванториум», РЦДОД) [13, с.26–37]	Государственный инжиниринговый центр «Высокие технологии и продовольственная безопасность» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (ГИЦ ФГБОУ ВО «КубГТУ») [13, с.26–37]
Математический парк ГБОУ ДО Республики Адыгеи «Республиканская естественно-математическая школа» (математический парк) [13, с.26–37]	Астрофизическая обсерватория ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Астрофизическая обсерватория ФГБОУ ВО «КГУ»)
Северо-Кавказский филиал федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей искусства народов Востока»	Энтомологический музей; опытная станция Кубанского ГАУ; ботанический сад «Кубанский государственный университет им. И.Т. Трубилина» [13, с.26–37]
Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Адыгея «Национальный музей Республики Адыгея»	Центр археологических исследований ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» [13, с.26–37]
Центр коллективного пользования ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» и др.	Дендрологический парк федерального значения «Дендрарий» (Сочинский национальный парк) и др.

тые научные объекты. Тщательная разработка каждого из этих маршрутов позволяет гостям не только наблюдать, но и детально исследовать научные достопримечательности, которые раньше оставались недоступными для массового посещения:

- маршрут «Путешествие в науку. Сочи». В данном маршруте гости могут побывать в уникальном путешествии, включающем передовые научные объекты и природные достопримечательности. В Институте медицинской приматологии туристы знакомятся с инновационными исследованиями — это станет одним из главных впечатлений поездки. Программа также предоставит шанс увидеть редкую фауну Кавказского биосферного заповедника и проникнуться олимпийским духом Сочи. Легендарный космический корабль «Буран» и захватывающие научные эксперименты будут доступны экскурсантам в парке «Сириус». Дополнит впечатления туристов посещение уникального сада-музея «Дерево Дружбы» с его необычной и богатой историей;
- маршрут «Путешествие в науку. Центр Сочи». В программу путешествия входят разнообразные достопримечательности: от живописной прогулки вдоль Приморской набережной Сочи, начинающейся у морского вокзала, проходящей мимо арт-галереи «Форт» и заканчивающейся у Зимнего театра, до посещения уникального «Бамбукового кабинета» в Ботаническом саду и научных лабораторий исследовательского «Субтропического научного центра Российской академии наук»;
- маршрут «Путешествие в науку. Адлер и федеральная территория «Сириус». Экскурсионная программа охватывает ряд ключевых объектов: туристы познакомятся с экспозицией «Полигоны», раскрывающей современные научные направления, и посетят институт медицинской приматологии для изучения научных достижений. В парке «Сириус» их ждет погружение в четыре различные лаборатории и мастерские, а также знакомство с технологиями управления городской инфраструктурой на выставке «Умный город». Завершит маршрут панорамная экскурсия по территории Олимпийского парка.

В Республике Адыгея действует научно-туристический интенсив «Тридцатка с математикой», его участниками являются студенты и аспиранты Адыгейского государственного университета и университета «Сириус», обучающиеся на математических специальностях. Большая часть маршрута научно-популярного направления проходит по территории Кавказского государственного природного биосферного заповедника. Развитие научно-популярного туризма в Республике Адыгея базируется на природной основе, позволяющее достичь компромисс между собственно сохранением природы и её коммерческим использованием. В 2024 году предлагался проект маршрута, позволяющего туристам наблюдать и фотографировать цветение и плодоношение редких и интересных растений Адыгеи, маршрут должен был пройти по региональным особо охраняемым природным территориям.

Все представленные уникальные программы позволяют молодежи не просто прикоснуться к науке, но и ощутить себя полноценными ее участниками и погрузиться в увлекательный мир открытий.

Кроме того, в рамках научно-популярного туризма у молодежной аудитории имеется возможность посетить различные мероприятия культурно-массового характера, имеющие познавательную базу на примере Краснодарского края и Республики Адыгеи: форум «Туризм будущего 2024»; форум архитектуры и дизайна PRODESIGN 2024; форум «БИОПРОМ: промышленность и технологии для человека», который совмещает мероприятия гастрономического, культурно-массового и спортивного формата; экофестиваль «Равновесие» и др. Все подобные платформы собирают разработчиков и менеджеров инновационных продуктов и технологий, представителей институтов развития и профильных органов власти, в том числе, руководителей предприятий туризма.

Для развития научно-популярного туризма среди школьников и молодежи критически необходимо создание и поддержка специальных информационных платформ. Ресурсы вроде Наука.рф, Science ID, Карты научного туризма и Science Slam выступают ключевым фактором, обеспечивающим продвижение детского и молодежного познавательного туризма в научной сфере.

Инициативы, нацеленные на продвижение научно-популярных туристических маршрутов для школьников по всей России, включены в программу мероприятий Десятилетия науки и технологий. Эти проекты представлены как часть стратегического плана развития образовательного туризма с научным уклоном:

- «Наука рядом»: учёные и эксперты способствуют вовлечению учащихся в научные исследования, организуя познавательные экскурсии, интерактивные лекции о научных достижениях и проводя специальные уроки, открытые для всех заинтересованных школьников;
- «Школьники в научно-технической деятельности»: развитие научно-технического творчества путем запуска инновационных инициатив в различных форматах: от цифровых платформ и факультативных занятий до тематических смен в пришкольных лагерях, а также поддержка существующих проектов и кружков научной направленности.;
- «Научные детские площадки»: разработка игровых зон для детей, оснащенных специальными интерактивными элементами, позволяющими наглядно познакомиться с фундаментальными принципами естественных наук — от биологических процессов до физических явлений и химических реакций и т.д.

Научные экскурсии для школьников и специальные программы в детских лагерях являются ключевыми

инструментами популяризации образовательных путешествий с познавательным уклоном. Мероприятия направлены на стимулирование интереса к науке через проектно-исследовательскую и практическую деятельность. Яркими примерами организация подобной деятельности для школьников являются: научный экологический лагерь (ДОЛ «Энергетик») в поселке Сукко (г. Анапа) Краснодарского края; детский городской клуб-лаборатория «Sciencely», г. Краснодар (ЦДО «Абакус») и др.

Заключение

Завершая анализ, стоит обратить внимание на ряд сложностей, обнаруженных в ходе подготовительного этапа нашего научного исследования:

1. В соответствии с ГОСТом Р 71846-2024 к исполнителям услуг научно-популярного туризма относятся юридические лица (организации) независимо от их организационно-правовой формы, индивидуальные предприниматели и физические лица. Услуги по демонстрации объектов научно-популярного туризма (экскурсионные услуги) должны соответствовать правилам оказания услуг экскурсоводом (гидом) и гидом-переводчиком. Во многих регионах аттестация экскурсоводов в рамках требования законодательства имеет сложный процесс организации.
2. Основная часть туристской аудитории научно-популярного туризма — школьники и студенты, а ВУЗы, которые участвуют в программах в летний сезон закрывают свои научные лаборатории из-за приемных кампаний и отпусков научных сотруд-

ников, из-за чего доступность научных объектов снижена.

3. Научно-популярный туризм, появившийся сравнительно недавно на туристическом рынке, существенно влияет на формирование привлекательного образа регионов России. Этот вид туризма способствует привлечению как отечественных, так и иностранных посетителей. Для дальнейшего продвижения необходимо совершенствование нормативной документации на уровне конкретных организаций — от музеев науки до исследовательских центров и образовательных учреждений.
4. Для эффективного функционирования научно-популярного туризма на объекте, профессионального продвижения его услуг необходимо сформировать координационный центр, в котором собираются запросы на проведение экскурсии, семинара, формируется программа приема туристов.
5. Экскурсии по объектам научно-популярного туризма проводятся научными сотрудниками лабораторий, научных центров, которые должны помнить о том, что экскурсанты не являются профессионалами, поэтому экскурсионный текст должен подаваться без изобилия сложных профессиональных терминов. Для повышения интереса к объектам допустимо использовать и историко-культурную информацию.
6. Необходимо помнить, что именно молодежная аудитория является главным потребителем услуг научно-популярного туризма, поэтому было бы целесообразно применять скидки на проживание в университетских кампусах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова А.Ю. Научно-популярный туризм: структура и методы финансирования / А.Ю. Баранова // Управленческий учет. 2022. № 4-2. С. 237–243.
2. Безгачева А.А. Научный туризм: состояние и проблемы развития / А.А. Безгачева, А.Э. Жданова // Экономика. Социология. Право. 2024. № 3 (35). С. 9–17.
3. Верна В.В. Современные аспекты развития научно-популярного туризма / В.В. Верна, С.С. Скараник, А.В. Сорока // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. №2. С. 141–150.
4. Воробьев Н.С. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи через туризм / Н.С. Воробьев // Наука-2020. 2020. № 4 (40). С. 121–126.
5. Горбатов С.А. Исследование социальной значимости молодежного туризма / С.А. Горбатов // 2021. №5 (37). С.78–86.
6. Десятилетие науки и технологий/ официальный сайт наука.рф [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://наука.рф/>.
7. Заднепровская Е.Л. Особенности разработки маркетинговой стратегии развития молодежного туризма в Краснодарском крае / Е.Л. Заднепровская, Т.Н. Поддубная, В.Г. Минченко // Вестник национальной академии туризма. 2020. №4 (56). С.64–66.
8. Ермакова Ж.А. Методический подход к определению уровня сформированности региональной системы научного туризма / Ж.А. Ермакова, Ю.Е. Холодилина // Вестник СамГУ. 2014. №6 (117). С. 74–79.
9. «Концепция развития научно-популярного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (утв. Минобрнауки России 25.01.2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=63453.
10. Косякова А.Ю. Организация научного туризма в национальном парке «Мещерский» / А.Ю. Косякова, В.Д. Киселев // Труды Мордовского государственного природного заповедника им. П.Г. Сидовича. 2021. №28. С.339–341.
11. Крылова Е.А. Научно-популярный туризм как новое туристическое направление в экономике России / Е.А. Крылова // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 5. С. 1829–1848.
12. Оборин М.С. Образовательный туризм как перспективное направление молодежных путешествий в России / М.С. Оборин // Сервис в России и за рубежом. 2020. Том 14. № 3 (90). С. 86–96.
13. Танкиева Т.А. Промышленный и научно-популярный туризм: актуальные практики / Т.А. Танкиева, Д.С. Смолина, А.В. Иванова // Прогрессивная экономика. 2024. №12. С.26–37.
14. Ханина А.В. Современный студенческий туризм: особенности и перспективы развития / А.В. Ханина // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16. № 4 (101). С. 18–27.
15. Чуваткин П.П. Социально-экономическое значение научного туризма / П.П. Чуваткин, С.А. Горбатов // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. №5 (49). С.295–302.

© Заднепровская Елена Леонидовна (ele-zadnepr@yandex.ru); Ползикова Евгения Викторовна (janeporpernyak@yandex.ru); Шпырня Олег Валентинович
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ БЛОКЧЕЙНА В КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF BLOCKCHAIN IN CORPORATE GOVERNANCE

**O. Kishkinova
O. Yakovleva
N. Verezubova**

Summary. The article provides a comprehensive analysis of the prospects and barriers to the integration of blockchain technology into the corporate governance system. The relevance of the research is due to the growing need for businesses to increase transparency, accountability and management efficiency against the background of the digital transformation of the global economy. The purpose of the work is to study the main trends, problems and prospects of implementing blockchain solutions in corporate governance in Russia. The potential of blockchain for corporate governance is realized in several directions: increasing transparency and traceability of supply chains, automating corporate actions and compliance procedures through smart contracts, as well as creating new models of capital raising and asset management through their tokenization. The main barriers to the introduction of blockchain technology are not so much technological as organizational and managerial in nature. The most significant obstacles are the imperfection of the regulatory framework in the field of smart contract management, evolving cybersecurity threats, the problem of operational compatibility of various blockchain systems and the high costs of integration with the existing IT infrastructure. The article suggests ways to solve the identified problems related to the improvement of the regulatory framework, the development of technological infrastructure, staffing and popularization. The implementation of these measures will create favorable conditions for the gradual introduction of blockchain technologies, which will increase transparency and efficiency of corporate governance in Russia, as well as enhance the competitiveness of Russian companies on the global stage.

Keywords: blockchain, corporate governance, distributed registry, smart contracts, implementation strategy, risk management.

Кишкинова Ольга Алексеевна

Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
olga.19672015@yandex.ru

Яковлева Ольга Анатольевна

Кандидат с/х наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
yakovleffo@yandex.ru

Вerezubova Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nvez@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ перспектив и барьеров интеграции технологии блокчейн в систему корпоративного управления. Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью бизнеса в повышении прозрачности, подотчетности и эффективности управления на фоне цифровой трансформации глобальной экономики. Цель работы — исследование основных тенденций, проблем и перспектив внедрения блокчейн-решений в корпоративное управление в России. Потенциал блокчейна для корпоративного управления реализуется в нескольких направлениях: повышение прозрачности и прослеживаемости цепочек поставок, автоматизация корпоративных действий и комплаенс-процедур через смарт-контракты, а также создание новых моделей привлечения капитала и управления активами через их токенизацию. Основные барьеры внедрения технологии блокчейн носят не столько технологический, сколько организационный и управленческий характер. Наиболее значительными препятствиями являются несовершенство нормативно-правовой базы в сфере управления смарт-контрактами, эволюционирующие угрозы кибербезопасности, проблема операционной совместимости различных блокчейн-систем и высокие затраты на интеграцию с существующей IT-инфраструктурой. В статье были предложены пути решения выявленных проблем, которые касаются совершенствования нормативно-правовой базы, развитие технологической инфраструктуры, кадровое обеспечение и популяризация. Реализация этих мер позволит создать благоприятные условия для постепенного внедрения блокчейн-технологий, что повысит прозрачность и эффективность корпоративного управления в России, а также усилит конкурентоспособность российских компаний на мировой арене.

Ключевые слова: блокчейн, корпоративное управление, распределенный реестр, смарт-контракты, стратегия внедрения, управление рисками.

Введение

Актуальность исследования перспектив внедрения блокчейна в корпоративное управление обусловлена двумя мощными трендами: повсеместной цифровизацией бизнеса и растущими требованиями к прозрачности и подотчетности управленческих процессов. Технология блокчейн, первоначально ассоциировавшаяся исключительно с криптовалютами, демонстрирует взрывной рост в корпоративном секторе [2]. Мировой рынок блокчейн-технологий, по прогнозам, достигнет 57.7 млрд долл. к 2025 году и продолжит рост до 1.4 трлн долл. к 2030 году [11]. Такой рост обусловлен признанием бизнесом фундаментальных преимуществ распределенного реестра: неизменяемости данных, повышения доверия между стейкхолдерами и автоматизации рутинных операций через смарт-контракты. В 2025 году наступает момент зрелости технологии: традиционные финансовые институты активно запускают блокчейн-продукты, а объем транзакций в стейблкоинах свидетельствует об их интеграции в мировую финансовую систему, что создает принципиально новую технологическую среду, в которой существует современная корпорация. Цель работы — исследование основных тенденций, проблем и перспектив внедрения блокчейн-решений в корпоративное управление в России.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов для анализа использовались научные публикации, российских и зарубежных авторов по теме применения и перспектив технологии блокчейн в сфере финансов. Методы исследования: описание, сравнение, контент-анализ научных источников, сопоставление, оценка, моделирование, системный и процессный подход.

Результаты и обсуждения

Согласно определению профильного технического комитета международной организации по стандартизации (ISO), блокчейн — это разновидность технологии распределенных реестров (TRP), в которой подтвержденные и проверенные группы транзакций хранятся в блоках, связанных между собой в устойчивую к несанкционированному вмешательству и допускающую только дополнение цепочку, начинающуюся с первичного блока (genesis block), где каждый блок содержит хеш предыдущего блока цепочки [8].

Принцип работы блокчейна основан на использовании криптографических хеш-функций, асимметричного шифрования и алгоритмов консенсуса. Когда новая транзакция вводится в сеть, она должна быть проверена и подтверждена большинством участников (майнеров) в соответствии с установленными правилами консенсу-

са. После подтверждения транзакция записывается в новый блок данных, который криптографически связывается с предыдущим блоком, формируя неразрывную цепочку блоков или блокчейн. Эта архитектура гарантирует, что записанные данные не могут быть изменены или удалены без нарушения всей последовательности блоков [4].

Блокчейн находит практическое применение в нескольких аспектах корпоративного управления. На сегодняшний день наибольшую практическую пользу блокчейн приносит в сложных цепочках взаимодействий с большим количеством участников, где уровень доверия между ними недостаточно высок. Ярким примером является логистика и управление поставками, где технология позволяет отслеживать каждый этап движения товара и автоматически подтверждать исполнение условий контракта. Блокчейн обеспечивает неизменяемую и прозрачную запись о каждом этапе движения товара — от сырья до конечного потребителя. В контексте корпоративного управления это не только повышает операционную эффективность, но и служит инструментом управления рисками и обеспечения соответствия ESG-критериям. Компании могут достоверно подтверждать экологичность и этичность своих цепочек поставок, что становится критически важным для репутации и привлечения инвестиций [3, 5].

Повышение прозрачности и автоматизация корпоративных действий. Смарт-контракты могут быть запрограммированы на автоматическое исполнение определенных условий, что открывает возможности для автоматизации таких процессов, как выплата дивидендов, погашение облигаций или исполнение опционов для сотрудников. Акционеры могут получать дивиденды напрямую и мгновенно на свои кошельки, минуя посредников и сокращая задержки. Кроме того, блокчейн может быть использован для создания систем электронного голосования акционеров, обеспечивающих более высокий уровень безопасности, прозрачности и учета голосов, чем традиционные системы [8, 10].

Токенизация активов и прав собственности. Блокчейн позволяет «дробить» традиционно неликвидные активы (недвижимость, произведения искусства, доли в компаниях) на цифровые токены, что демократизирует доступ к инвестициям и создает новые классы активов. Для корпоративного управления это означает появление новых моделей привлечения капитала и управления акционерной базой [7, 10].

Несмотря на оптимистичные прогнозы, путь внедрения блокчейна сопряжен с серьезными вызовами. С точки зрения корпоративного управления наиболее критичными являются следующие барьеры. Угрозы безопасности эволюционируют. Если раньше основные взло-

мы были связаны с уязвимостями в смарт-контрактах, то в настоящее время на первый план выходят атаки на офчейн-инфраструктуру [12]. Для корпорации, использующей блокчейн для управления активами или голосования акционеров, компрометация приватного ключа лица, принимающего решения, может привести к катастрофическим последствиям. Это требует пересмотра подходов к кибербезопасности и внедрения многофакторной аутентификации и аппаратных кошельков [4, 7].

Высокие операционные издержки и сложность интеграции. Развертывание и поддержка собственной блокчейн-инфраструктуры требуют значительных инвестиций в специалистов и оборудование. Кроме того, интеграция блокчейна с унаследованными корпоративными системами (ERP, CRM) часто связана с техническими сложностями из-за отсутствия стандартизированных API, что создает барьер для средних и даже некоторых крупных компаний [5, 6].

Правовое поле для применения блокчейна в России только формируется. Базовым законом является Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», который задал основные правила игры [1]. Однако он не покрывает все аспекты, например, статус смарт-контрактов остается размытым, что создает правовые риски, особенно в случае ошибок в коде.

Набирает обороты и токенизация активов через механизм цифровых финансовых активов (ЦФА). К началу 2024 года Банк России одобрил деятельность десяти платформ для выпуска и обращения ЦФА [8]. Такие токены могут представлять собой цифровые акции, доли в активах или права на результаты интеллектуальной деятельности, что открывает новые горизонты для привлечения инвестиций и управления корпоративными правами. В таблице 1 представлены основные направления, возможности и вызовы, связанные с применением технологии блокчейн в корпоративном секторе в России.

Пути решения проблем внедрения блокчейна в корпоративное управление в России лежат в следующих плоскостях. Для успешной интеграции блокчейн-технологий в российскую корпоративную практику необходим системный подход, направленный на преодоление правовых, технологических и кадровых барьеров. Совершенствование нормативно-правовой базы требует принятия отдельного закона о смарт-контрактах, который бы закрепил их юридический статус и порядок исполнения. Параллельно следует разработать отраслевые стандарты использования распределенных реестров для корпоративного управления, учитывающие специфику разных секторов экономики.

Развитие технологической инфраструктуры предполагает создание отечественных BaaS-платформ для

Таблица 1.
Основные направления, возможности и вызовы, связанные с применением технологии блокчейн в корпоративном секторе в России

Аспект	Современное состояние и перспективы в России
Основные направления применения технологии блокчейн	Управление цепочками поставок и ESG, токенизация активов и прав собственности, повышение прозрачности и автоматизация корпоративных действий (организация электронного голосования акционеров, исполнение смарт-контрактов)
Преимущества применения технологии блокчейн	Повышение прозрачности операций, снижение транзакционных издержек, устранение посредников, минимизация человеческого фактора и ошибок, создание неизменяемой истории данных
Основные барьеры применения технологии блокчейн	Недостаточная и фрагментированная правовая база, высокие затраты на внедрение и поддержку инфраструктуры, нехватка квалифицированных кадров, сложности интеграции с существующими корпоративными системами

Источник: составлено автором

снижения затрат компаний на развертывание блокчейн-решений. Необходима разработка стандартов интероперабельности для обеспечения совместимости различных блокчейн-систем между собой и с государственными информационными системами. Особое внимание следует уделить созданию защищенной офчейн-инфраструктуры, включающей специализированные хранилища ключей и системы мониторинга безопасности.

Кадровое обеспечение и популяризация должны включать интеграцию блокчейн-дисциплин в образовательные программы ведущих экономических и технических вузов. Крупным компаниям стоит инициировать отраслевые консорциумы для обмена опытом и совместной разработки стандартов. Государству целесообразно запустить программу пилотных проектов с налоговыми стимулами для компаний, внедряющих блокчейн в корпоративное управление.

Реализация этих мер позволит создать благоприятные условия для постепенного внедрения блокчейн-технологий, что повысит прозрачность и эффективность корпоративного управления в России, а также усилит конкурентоспособность российских компаний на мировой арене.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о перспективах и условиях успешного внедрения блокчейна в корпоративное управление. Трансформация технологического ландшафта делает блокчейн стратегически значимой технологией для корпораций.

Его переход из категории экспериментальной в категорию инфраструктурной технологии подтверждается взрывным ростом рынка, массовым вниманием со стороны традиционных финансовых институтов и формированием более четкой регуляторной среды в основных юрисдикциях. Потенциал блокчейна для корпоративного управления реализуется в нескольких направлениях: повышение прозрачности и прослеживаемости цепочек поставок, автоматизация корпоративных действий и комплаенс-процедур через смарт-контракты, а также создание новых моделей привлечения капитала и управления активами через их токенизацию. Основные барьеры носят не столько технологический, сколько организационный и управленческий характер. Наиболее значительными препятствиями являются несовершенство

нормативно-правовой базы в сфере управления смарт-контрактами, эволюционирующие угрозы кибербезопасности, проблема операционной совместимости различных блокчейн-систем и высокие затраты на интеграцию с существующей ИТ-инфраструктурой. В статье были предложены пути решения выявленных проблем, которые касаются совершенствования нормативно-правовой базы, развитие технологической инфраструктуры, кадровое обеспечение и популяризация. Таким образом, блокчейн обладает значительным трансформационным потенциалом для модернизации корпоративного управления, повышения его эффективности, прозрачности и подотчетности. Однако реализация этого потенциала требует от компаний взвешенного, поэтапного и стратегически ориентированного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах».
2. Блокчейн: революция в мире технологий и финансов / С. Муминов, С. Гараджаев, А. Аннануров, А. Поладова // Академическая публицистика. — 2025. — № 3-1. — С. 150–154.
3. Лытнев, А.С. Особенности применения технологии блокчейн / А.С. Лытнев, А.Ю. Яковенко // Приднепровский научный вестник. — 2025. — Т. 1, № 2. — С. 119–123.
4. Марква, Т.Д. Масштабируемость блокчейн сетей / Т.Д. Марква // Тенденции развития науки и образования. — 2025. — № 117-5. — С. 118–122. — DOI 10.18411/trnio-01-2025-245.
5. Носиров, З.А., Фомичев В.М. Анализ блокчейн-технологии: основы архитектуры, примеры использования, перспективы развития, проблемы и недостатки. // Системы управления, связи и безопасности. — 2021. — №2. — С. 40–41.
6. Панкевич, Р.В. Блокчейн: революционная технология для обеспечения безопасности и прозрачности транзакций / Р.В. Панкевич, С.В. Чернова // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. — 2025. — Т. 10, № 2(52). — С. 26–31.
7. Пырнова, О.А. Блокчейн и его влияние на традиционные финансовые системы / О.А. Пырнова, Д.П. Никоноров // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 12, № 2(155). — С. 79–84. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.12.012.
8. Российский рынок блокчейн: проблемы и перспективы // Tadviser. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Обзор_TAdviser:_проблемы_и_перспективы_российского_блокчейн-рынка_в_2024-2025_гг?ysclid=mhuf236sp5799628656 (дата обращения: 08.11.2025).
9. Цифровые финансовые активы и технология блокчейн / С.С. Акуликин, С.В. Криворучко, И.А. Ризванова [и др.]. — Москва: ООО «Издательство «КноРус», 2025. — 304 с. — ISBN 978-5-406-14055-0.
10. Шулик, А.М. Технология блокчейн: текущие тенденции и будущие перспективы / А.М. Шулик // Научный Лидер. — 2025. — № 2(203). — С. 34–35.
11. Kemmerer, D. Global Blockchain Market Size in 2025 and Future Projections // <https://coinledger.io/research/global-blockchain-market-size> (date of application: 08.11.2025).
12. Ma, Z. New perspectives on the use of blockchain technology in finance: a content analysis / Z. Ma // Евразийский юридический журнал. — 2024. — No. 4(191). — pp. 504–505.

© Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru); Яковлева Ольга Анатольевна (yakovleffo@yandex.ru);

Вереzubова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

INTERMEDIATE SOLUTIONS OF ENERGY TRANSITION IN THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT FOR RUSSIA: ECOLOGICAL AND ECONOMIC COMPONENTS»

N. Kukushin

Summary. The relevance of the work is due to the fact that currently the priority concepts of economic development of both the Russian and global economies include sustainable development and non-energy exports, but there is no unambiguous understanding of the compliance and synergistic effect of the implementation of these concepts. The paper analyzes the essence of the concept of sustainable development and concludes that it is multifaceted. A detailed consideration of the statistical, analytical and forecast material made it possible to analyze the compliance of the vector of non-energy non-resource export development with the concept of sustainable development, producing an energy transition. It is concluded that these concepts are not intersecting and complementary. A synergistic effect from their implementation is possible if there are points of contact. Trends in export indicators are analyzed. The prospects for the development of the renewable energy sector are considered both in general and in terms of export opportunities. A conclusion is made about the continuing focus on raw materials and near-raw materials Russian exports. At the moment, the key task of non-resource non-energy exports is to diversify the Russian economy. The potential opportunities of high-tech export in the sphere of renewable energy sources are revealed, which allows to bring the export component of the Russian economy closer to the concept of sustainable development. It is concluded that the production and export of metals, while observing environmental parameters, is an «intermediate solution» for the energy transition, is a key sector of the economy in compliance with environmental standards, has high export potential and increases the potential of the global energy transition, having a synergistic effect.

Keywords: energy transition, non-resource exports, non-energy exports, green exports, sustainable development, renewable energy sources, «intermediate solutions», metal exports, ESG standards, traditional energy resources, environment, hydrocarbon export revenues.

Кукушин Николай Николаевич

Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)
nkukushin@yandex.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время к числу приоритетных концепций экономического развития как российской, так и мировой экономики относятся устойчивое развитие и неэнергетический экспорт, но при этом отсутствует однозначное понимание соответствия и синергетического эффекта реализации данных концепций. В работе анализируется сущность концепции устойчивого развития и делается вывод о ее многогранности. Подробное рассмотрение статистического, аналитического и прогнозного материала позволило провести анализ на предмет соответствия вектора неэнергетического несырьевого экспортного развития концепции устойчивого развития, продуцирующей энергетический переход. Делается вывод, что данные концепции не являются пересекающимися и взаимодополняемыми. Синергетический эффект от их реализации возможен при наличии точек соприкосновения. Анализируются тенденции экспортных показателей. Рассматриваются перспективы развития сектора возобновляемых энергоресурсов как в целом, так и с точки зрения экспортных возможностей. Делается вывод о продолжающейся ориентации на сырьевой и около сырьевой российский экспорт. На текущий момент ключевая задача несырьевого неэнергетического экспорта состоит в диверсификации российской экономики. Раскрываются потенциальные возможности высокотехнологичного экспорта в сфере возобновляемых источников энергии, что позволяет приблизить экспортную составляющую экономики России к концепции устойчивого развития. Делается вывод о том, что производство и экспорт металлов при соблюдении экологических параметров выступает «промежуточным решением» энергетического перехода, является ключевым сектором экономики и при соответствии экологическим стандартам, имеет высокий экспортный потенциал и наращивает потенциал глобального энергетического перехода, обладая синергетическим эффектом.

Ключевые слова: энергетический переход, несырьевой экспорт, неэнергетический экспорт, зеленый экспорт, устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, промежуточные решения, экспорт металлов, ESG-стандарты, традиционные энергоресурсы, окружающая среда, доходы от экспорта углеводородов.

Введение

Устойчивое развитие, гармонично сочетающее в себе экологические, экономические и социальные параметры, стало ориентиром на внутреннем и мировом рынках. При этом двумя ключевыми концепциями российской экономики являются устойчивое развитие и несырьевой неэнергетический экспорт.

Актуальность

Принятая в 1996 г. в России Концепция устойчивого развития, предполагающая гармоничное сочетание экономического роста, социальной стабильности и экологической безопасности, стала ориентиром развития на всех уровнях лишь в последнее десятилетие, когда в 2015 г. в результате внедрения ООН целей устойчивого развития, в ценностно-целевой приоритет стала выходить проблема сохранения природно-ресурсного потенциала¹.

При этом понимание сущности самого понятия «устойчивое развитие» и его закрепление не только на официальном уровне, но и в ментальном восприятии потребовало времени и детального погружения в терминологический аппарат. Более глубокое понимание устойчивого развития дает возможность определить, как соотносятся иные векторы развития российской экономики с данной концепцией.

Изученность проблемы

Несмотря на то, что в последнее время проблема устойчивого развития является одной из наиболее востребованных, его суть остается довольно размытой, определения неоднозначны. Среди российских ученых, изучающих концептуальные основы устойчивого развития, можно выделить Э.А. Гасанова [1], А.В. Кряхтунова [2], А.М. Магомедова [3], Е.И. Пискун [5], Д.А. Рубан [6], Е.В. Скоморохину [7]. В определении сущности феномена «устойчивое развитие» используется философский, географический и экономический подходы. Ученые фокусируются на лежащих в его основе конкретных механизмах. Устойчивое развитие рассматривается в привязке к отдельным территориям или отраслям. Данный феномен также связывают со способностью сложных систем к самосовершенствованию, но при условии регулирования. В числе достижений российскими учеными в понимании феномена «устойчивое развитие» выявление его пространственной составляющей и сценарной сути. [6]

В 2015 г. Генеральная ассамблея ООН утвердила 17 взаимосвязанных целей устойчивого развития в ка-

честве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех», а в 2020 г. Президент России подписал Указ о национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г., где определены 5 целей и 24 целевых показателя. Цели и целевые показатели для России тесно связаны с утвержденными ООН целями устойчивого развития, свидетельствуют о приверженности России глобальным задачам устойчивого развития. Помимо целей устойчивого развития в последние годы в Россию пришла и ESG-повестка, как корпоративное воплощение повестки устойчивого развития. [8;9]

Таким образом, устойчивое развитие стало многогранным процессом, объединяющем экономические, социальные и экологические цели на уровнях государства, бизнеса и науки. А ключевую суть устойчивого развития можно обозначить как повышение уровня благосостояния общества, исключая избыточное давление на природу и ориентированное на долгосрочную перспективу. [10]

Критерии устойчивого развития гораздо шире, чем набор параметров, отвечающих ESG стандартам. Это концептуальный тренд, заложивший энергетический переход, когда на смену традиционным источникам энергии, таким как уголь, нефть, газ приходят возобновляемые — ветер, солнечная энергия, гидроэнергетика и т.д., создавая значительные структурные изменения в энергетической системе на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях, в том числе на мировом рынке энергоресурсов, где в настоящее время для России актуальна концепция неэнергетического несырьевого экспорта. В связи с этим возникает **целесообразность** раскрытия вопросов соответствия данного вектора экспортного развития концепции устойчивого развития.

Научная новизна данного исследования состоит в выявленных несоответствиях двух ключевых концепций (неэнергетического несырьевого экспорта и устойчивого развития) и синергетических эффектах, возможных в рамках промежуточных решений энергетического перехода в России.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы в результате анализа двух ключевых концепций найти точки их соответствия друг другу, обеспечивающие синергетический эффект в реализации концепции неэнергетического несырьевого экспорта и концепции устойчивого развития, формирующей энергетический переход.

Данная цель достигается посредством решения таких задач, как выявление сущности концепции устойчивого развития на теоретическом уровне и уровне реализации; проведение анализа экспортных показателей сырьевого и несырьевого секторов; проведение анализа прогнозных данных; выявление соответствия

¹ Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». // <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 20.07.2025).

концепций устойчивого развития и неэнергетического несырьевого экспорта.

Теоретическую значимость составляет вклад в изучение сущности концепции устойчивого развития. *Практическую значимость* данного исследования составляют рекомендации относительно экспорта металлов как промежуточного решения энергоперехода в рамках концепции устойчивого развития экономики.

Методология

В статье используются методы теоретического анализа в вопросах сущностного определения концепции устойчивого развития, а также методы эмпирического анализа при раскрытии экспортных показателей и прогнозных данных. Это позволило проанализировать соответствие реализации концепции неэнергетического несырьевого экспорта принципам устойчивого развития экономики.

Результаты

Повышение уровня благосостояния напрямую связано с экономическим ростом. Говоря об экономическом росте, следует отметить тот факт, что максимальных показателей в истории современной России он достиг в первом десятилетии XXI в. за счет экспорта энергоресурсов, что не только создавало колоссальную нагрузку на природный потенциал, так как ресурсы исчерпаемы, но и существенно тормозило альтернативные варианты экономического развития, в том числе альтернативный экспорт и альтернативные источники энергии. А традиционной экспортной ориентацией России, зависящая от экспорта сырьевых энергоносителей, сделала экономику страны чувствительной к колебаниям мировых цен на энергоресурсы. [11, р.79–97]

Но в результате политических событий в начале второго десятилетия XXI в., таких как снижение мировых цен на нефть, ограничения добычи по соглашению ОПЕК+, санкций и изменения в мировой торговле уже в 2023 — 2024 гг. экономика России стала менее экспортоориентированной, а рост внутреннего спроса стал основным драйвером ВВП. Так, если в 2021 г. экспорт России составил около \$493,3 млрд, то уже в 2023 г. он составлял \$425,1 млрд. Сокращение физического объема экспорта одновременно со снижением цен на базовые категории обуславливают данную динамику. [12;13]

Кроме того, произошла географическая переориентация экспорта. Экспортные потоки с европейских рынков перенаправились на рынки Азии, Африки, Индии, Ирана, Азербайджана, Казахстана, Беларуси и Китая. Так, российский экспорт в Европу снизился в 2023 г. на 6,8 %, до \$84,9 млрд; экспорт в страны Америки сократился

на 40 %, до \$12,2 млрд. Доля европейских стран в российском экспорте снизилась с 45 % в 2022 г. до 20 % в 2023 г. Доля Азии в экспорте из России (во многом — за счет Китая), напротив, выросла — с 49 % до 72 %. Поставки из России в Китай в 2023 году увеличились на 12,7 %, до \$129,1 млрд.²

Согласно статистике стран-партнеров, к примеру, у Китая в 2023 г. опережающими темпами росли закупки в России алюминия (в 2,1 раза к 2022 г.), растительных масел (в два раза), масличных семян и плодов (на 80 %), драгоценных металлов (на 43 %)³.

Концепция развития экспорта переориентировалась на несырьевой характер, продукцию машиностроительной промышленности, а также вовлечение в экспорт малого и среднего бизнеса, что стало возможным благодаря развитию цифровых торговых платформ. Это способствует восстановлению баланса экономического роста, энергетической и экологической безопасности. Данная концепция подкреплена реализуемым национальным проектом по поддержке экспорта и рядом мер государственной поддержки, таких как экспортные льготы, создание логистической и транспортной инфраструктуры, а также платформ для производственной кооперации. [14, с.169–175]

При этом, по мнению экспертов, в развитии экспорта не все однозначно, в связи с чем прогнозные экспертные мнения относительно динамики и структуры экспорта разнятся. Так, сокращение экспорта касается, прежде всего, сырьевой и смежной с ней продукции. Основные наименования в данных категориях — продовольствие, металлы, удобрения, топливо. Исключение составляет древесина, потоки которой переориентируются преимущественно на восточные страны.

Касательно экспорта энергоресурсов, Россия остается одним из крупнейших мировых игроков. По прогнозам Минэкономразвития, экспорт нефти в 2025 г. составит около 229,7 млн тонн, что на 6 % меньше, чем в 2024 г., с последующим ростом до 250,5 млн тонн к 2028 г.⁴ Экспорт нефтепродуктов в 2025 г. ожидается на уровне 125,9 млн тонн с дальнейшим ростом до 134 млн тонн к 2027 г.⁵ Также прогнозируется рост добычи и экспорта газа⁶. Россия планирует увеличить

² Два сценария развития экспорта от ЦБ: по какому из них пойдет Россия // www.tks.ru (дата обращения: 25.06.2025).

³ Россия намерена к 2025 году нарастить экспорт нефти до 260 млн тонн // Морские вести России // morvesti.ru/news : (дата обращения: 25.07.2025).

⁴ Минэкономразвития снизило оценку экспорта нефти из РФ на 2025 г. на 4 млн т. // www.interfax.ru (дата обращения: 15.07.2025).

⁵ Новости и обзоры нефтегазового сектора. // rsc.ru : [сайт]. (дата обращения: 19.05.2025).

⁶ Экспорт нефти из РФ в 2025 году снизится на 6% — // rsc.ru (дата обращения: 01.07.2025).

экспорт нефти к 2025 г. до 260 млн тонн, а поставки газа на восток — до 48 млрд кубометров⁷.

В целом, Россия продолжает ориентироваться на экспорт традиционных энергоресурсов, при этом доля экспорта нефти составляет около 80 % от добычи, а энергетическая стратегия страны до 2030 г. предусматривает лишь незначительное снижение экспорта энергоресурсов. [15] Одновременно с этим развивается сектор возобновляемой энергетики, который в будущем может стать важной частью энергетического баланса и экспорта, учитывая глобальные тренды и экологические вызовы.

Одновременно в экспорте товаров более высокой степени переработки (машины и оборудование, изделия из металлов, химическая продукция, кроме удобрений) происходят более серьезные структурные изменения. Многие страны защищают свои рынки от ввоза готовой продукции, вводя нетарифные барьеры.

Таким образом, встает вопрос о реализации концепции несырьевого неэнергетического экспорта, динамика которого отражает существенный рост. В период с 2001 по 2023 г. произошло увеличение более чем в 4 раза (с \$36 млрд до \$148 млрд). В течении 2023 г. данный вид экспорта вырос еще на 5 % — до \$89,8 млрд, достигнув около 80 % от общего объема экспорта страны, обеспечивая 31 % доходов бюджетной системы и создавая более 12 млн. рабочих мест⁸.

Прогнозы Минпромторга на ближайшие годы следующие: в 2025 г. ожидается объем неэнергетического несырьевого экспорта на уровне \$149,24 млрд, в 2026 г. — \$155,25 млрд, в 2027 г. — \$168,65 млрд, в 2028 г. — \$195,3 млрд, в 2029 г. — \$219,22 млрд, а к 2030 г. планируется достичь \$248,1 млрд.

В результате тенденций, которые в научно-практическом сообществе обозначаются как «глобальный энергопереход» в ближайшие годы ожидается существенное сокращение доходов от экспорта углеводородов (по некоторым оценкам минимум на 15 %). А сокращение спроса на углеводороды будет происходить и в развитых, и в развивающихся странах. Несырьевой неэнергетический экспорт в этой связи рассматривается как ключевой инструмент снижения зависимости России от экспорта углеводородов и стимулирования диверсификации экономики.

⁷ Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года, ИЭИ РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ, Москва, 2014. 32 с. / [Электронный ресурс] // www.hse.ru (дата обращения: 17.06.2025).

⁸ Минпромторг прогнозирует несырьевой неэнергетический экспорт-2025 на \$149,5 млрд // www.alt.ru/external_news/ (дата обращения: 25.07.2025).

В структуре несырьевого неэнергетического экспорта преобладают металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье⁹. Альтернативные стратегии в условиях сжатия энергосырьевой ренты — вхождение на рынки цветных металлов. Важными направлениями являются также нефте- и газохимия, внутреннее производство удобрений, низкоэмиссионные технологии сжигания углеводородов. [16, р. 97]

Цветные металлы, такие как никель, медь, литий и т.д. в рамках энергоперехода необходимы для строительства новой инфраструктуры как промежуточные решения в связи с наблюдаемой положительной мировой динамикой в производстве возобновляемых источников энергии, развитие которой в мире продолжается быстрыми темпами. Согласно отчету Международного энергетического агентства, установленная мощность возобновляемых источников энергии в мире достигла 2800 ГВт к концу 2020 г. Это более чем в два раза превышает мощность, установленную в 2010 г. В 2024 г. более 40 % мировой электроэнергии было произведено из возобновляемых источников, с наибольшим ростом в солнечной энергетике. Прогнозы указывают, что к 2040 г. возобновляемая энергетика обеспечит 35–50 % мирового производства электроэнергии и 19–25 % всего энергопотребления¹⁰.

В настоящее время, к числу ведущих стран, производящих возобновляемую энергию, относятся Япония, Китай, США, Индия, Германия. Быстрое развитие сектора возобновляемой энергии в данных странах обусловлено национальными программами поддержки возобновляемой энергии.

Совокупная установленная мощность объектов возобновляемых источников энергии в России на апрель 2025 г. составила 6,62 ГВт. В ее структуре лидерские позиции принадлежат ветровым и солнечным электростанциям (на них приходится по 2,57 и 2,55 ГВт мощности соответственно), а также малым гидроэлектростанциям мощностью до 50 МВт (1,3 ГВт). Также есть электростанции, функционирующие на основе биомассы, биогаза, свалочного газа, твердых бытовых отходов и геотермальной энергии, совокупной мощностью более 200 МВт¹¹.

⁹ Несырьевой неэнергетический экспорт в 2025 году может составить \$149,2 млрд // finance.mail.ru/ 149,24 млрд долларов может составить объем несырьевого неэнергетического экспорта в 2025 году // indpages.ru (дата обращения: 12.07.2025).

¹⁰ Совокупная мощность объектов ВИЭ-генерации в России на 1 января составила 5,78 ГВт, 78 ГВт / www.eprussia.ru (дата обращения: 05.07.2025).

¹¹ Перспективы развития возобновляемых источников энергии в России и крупнейшие генерирующие компании // delprof.ru/ (дата обращения: 10.06.2025).

В России, несмотря на богатство традиционных энергоресурсов (нефть, газ, уголь), развивается сектор возобновляемых источников энергии. По состоянию на август 2024 г. установленная мощность объектов возобновляемых источников энергии в стране составляла около 6,19 ГВт, при этом основную часть обеспечивают ветровые (2,57 ГВт) и солнечные электростанции (2,22 ГВт), а также малые гидроэлектростанции (1,3 ГВт)¹². Развитие возобновляемых источников энергии в России пока незначительно по сравнению с традиционным экспортом энергоресурсов. Но актуальность его и масштаб нарастают. [17; 18; 19]

Соотнеся две ключевые концепции можно сделать вывод, что, с одной стороны, сокращение экспорта невозобновляемых источников энергии соответствует экологическим принципам устойчивого развития. С другой стороны, сокращение экспорта энергоресурсов требует альтернатив, так как для страны, зависимой от данного вида экспорта, оно оборачивается отрицательной экономической динамикой. Данная альтернатива в виде неэнергетического несырьевого экспорта предполагает, прежде всего, экспорт металлов и продукции химического производства. Но тогда встает вопрос об экологичности производства данного вида продукции¹³.

Так, например, в России производство металлов оказывает значительное воздействие на окружающую среду, что связано с большими выбросами загрязняющих веществ, высоким потреблением энергии и воды, а также образованием трудноутилизируемых отходов. Черная и цветная металлургия вместе дают около 28 % выбросов в стране, что существенно выше мирового показателя в 7–9 %¹⁴.

Основные экологические проблемы традиционной металлургии включают выбросы диоксида углерода, диоксидов серы и азота, пыли, тяжелых металлов и органических соединений, которые загрязняют воздух, почву и водоемы. Кроме того, металлургические предприятия потребляют большие объемы воды, что приводит к загрязнению водных ресурсов химикатами и продуктами коррозии¹⁵.

¹² Перспективы развития возобновляемых источников энергии в России и крупнейшие генерирующие компании // delprof.ru/ (дата обращения: 10.06.2025).

¹³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015. 45 с. / [Электронный ресурс] // www.mid.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁴ Устойчивое развитие и экология в металлургии: обзор деятельности российских компаний / [Электронный ресурс] // [ruslom.com:](http://ruslom.com/) (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁵ Экологические аспекты металлургии: современные технологии снижения вреда окружающей среды. / [Электронный ресурс] // www.kvarto.ru (дата обращения: 10.07.2025).

Однако в России металлургические компании активно внедряют современные технологии для снижения вредного воздействия. Современные металлургические предприятия применяют многоступенчатые системы очистки газов (электрофилтры, рукавные филтры, мокрые скрубберы), что позволяет улавливать до 99 % вредных частиц и соединений. Также внедряются технологии сухой газоочистки с использованием абсорбентов на основе извести и активированного угля. Автоматизированные системы мониторинга выбросов позволяют контролировать загрязнения в режиме реального времени¹⁶.

Также в России строятся углеродно-нейтральные электрометаллургические комплексы, работающие на «зеленой» энергии и внедряются технологии прямого восстановления железа с использованием водорода, что значительно снижает выбросы в атмосферу. Экологичность производства металлов в России улучшается за счет модернизации оборудования, внедрения современных очистных технологий и перехода к устойчивому развитию, хотя отрасль остается одной из наиболее экологически чувствительных и ресурсоемких, но компании продолжают инвестировать значительные средства в природоохранные проекты для достижения лучших экологических показателей и соответствия мировым стандартам¹⁷.

Выводы

Переход на неэнергетический экспорт посредством промежуточных решений соответствует концепции устойчивого развития только при высоком уровне экологичности данного производства. Более того, учитывая мировые тенденции, встает вопрос о том, является ли данное экспортное направление категорией «зеленый экспорт», под которым в общем виде понимается экспорт товаров и услуг, соответствующих экологическим требованиям и способствующих снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Заключение

Результаты аналитических дискуссионных обзоров позволяют сделать вывод, что производство металлов как промежуточное решение энергетического перехода является ключевым сектором экономики, имеет высокий потенциал для создания экспортных возможностей, соответствуя при выполнении экологических требований целям устойчивого развития, наращивая потенциал

¹⁶ Устойчивое развитие и экология в металлургии: обзор деятельности российских компаний / [Электронный ресурс] // [ruslom.com:](http://ruslom.com/) (дата обращения: 11.07.2025).

¹⁷ Безопасно для природы: как в России развивается «зеленая» металлургия. // <https://finance.rambler.ru/business/> (дата обращения: 25.07.2025).

глобального энергетического перехода. Развитие данного направления имеет синергетический эффект, так как способствует развитию национальной и мировой

экономики в рамках концепции устойчивого развития, ускоряя энергетический переход, а также способствует развитию несырьевого неэнергетического экспорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасанов Э.А. Устойчивое инновационное развитие цифровой экономики в контексте четвертой промышленной революции / Э.А. Гасанов, А.В. Куликов. — Хабаровск: ХГУЭП, 2022. — 140 с.
2. Кряхтунов А.В. Устойчивое развитие урбанизированных территорий / А.В. Кряхтунов, К.Н. Айнуллина. — Тюмень: ТИУ, 2022. — 169 с.
3. Магомедов А.М. Природоподобные технологии в горно-полупустынных аграрно-рекреационных кластерах Дагестана / А.М. Магомедов. — Махачкала: АЛЕФ, 2022. — 82 с.
4. Пискун Е.И. деятельность производственно-экономических систем / Е.И. Пискун, В.В. Кудревич, И.С. Кусов. — Севастополь: СевГУ, 2022. — 308 с.
5. Рубан Д.А. Диверсификация подходов к изучению устойчивого развития: краткий обзор новейших монографий российских ученых // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2023 — №1. — С. 32–37.
6. Скоморохина, Е.В. Стратегия (концепция) устойчивого развития: перспективы реализации в мире и России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (23). — С. 13–18.
7. Яковлева С.И. Расселение и туризм в пределах заповедных территорий России / С.И. Яковлева, Е.С. Котова. — Тверь: ТвГУ, 2022 — 116 с.
8. Бобылев, С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения — 2017. — т. 61, № 3. — С. 107–113.
9. Урсул, А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. — 2019. — № 1. — С. 30–38. // sawater-info.ne (дата обращения: 10.07.2025).
10. Сериков, С.Г. Концепция устойчивого развития: теоретический аспект // Сибирская финансовая школа. — 2019. — № 4 (117). — С. 36–40
11. Meadows D., Meadows D., Randers J. The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome. New York, Universe Book, 1972. 211 p.
12. Якушев Н.О. Оценка российского «зеленого» экспорта в АСЕАН и направления для его развития // Век качества. — 2022. — №4. — С. 45–55.
13. Якушев Н.О «Green» экспорт России: мероприятия для его развития // Крымский научный вестник. — 2020 — № 4 (29). — С.13–17.
14. Чубайс А.Б. Развитие возобновляемой энергетики в России: технологии и экономика / А.Б. Чубайс, А.Е. Копылов, В.А. Зубакин // М.: Издательская группа Точка, 2020. 464 с.
15. Попель, О.С. Возобновляемые источники энергии в регионах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Энергосовет 2011. — №5. — С. 22–27.
16. Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All. New York, UNDP, 2011. 181 p.
17. Алексеев П.В. Меры по увеличению несырьевого неэнергетического экспорта России / П.В. Алексеев, В.Ю. Барабанов // Горизонты экономики. 2020. № 5 (58). С. 60–68.
18. Андреев О.С. Возобновляемые источники энергии и проблемы развития нетрадиционных источников энергии // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2023. — № 2. — С. 200–203.
19. Кравченко Ю.Б. Новые меры поддержки несырьевого неэнергетического экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 9. С. 115–126.

© Кукушин Николай Николаевич (nkukuschin@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАРКЕРЫ КАЧЕСТВА В МЕДИЦИНСКОМ ТУРИЗМЕ: ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ

QUALITY MARKERS IN MEDICAL TOURISM: INTEGRATION OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL APPROACHES

**E. Lazarev
Yu. Maltseva
V. Klimin**

Summary. Inbound medical tourism shows positive growth prospects, however, due to the lack of institutionalization of this phenomenon, a number of problems remain that hinder its development. Thus, the lack of accessible and understandable quality markers for medical tourists and a comprehensive model for evaluating medical tourism, which allows operationalizing measurement, limits the effectiveness of attracting foreign patients to Russian clinics and significantly complicates their choice. The above has led to the purpose of the study — to identify priority groups of markers of the quality of integrated services for the development of inbound medical tourism in Russia within the framework of the integrated model concept. Based on the analysis of the regulatory framework of the Russian Federation, Russian and foreign studies and quality assessment models, and a survey of representatives of medical tourism agencies, the concept of an integrated model is proposed, which includes 4 enlarged groups of markers — «clinical», «service», «organizational» and «cultural», consisting of analytical blocks. The results obtained require further validation and expert discussion, and at the same time, may be the basis for the development of a national quality index in medical tourism.

Keywords: medical tourism, inbound medical tourism, quality of medical services, quality markers, integrated service, quality model.

Лазарев Евгений Николаевич

ведущий специалист отдела качества и безопасности
медицинской деятельности
ОСП «Российский геронтологический научно-
клинический центр» ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова
Минздрава России (г. Москва)
ok@elazarev.ru

Мальцева Юлия Анатольевна

к.филос.н., ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет им. Первого Президента России
Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург)
i.a.maltseva@urfu.ru

Климин Владимир Григорьевич

д.м.н., д.э.н., член Общественного совета
при Министерстве здравоохранения РФ,
Президент НМАМТ, (г. Москва)
vladimir.klimin2014@yandex.ru

Аннотация. Въездной медицинский туризм демонстрирует позитивные перспективы роста, однако в силу отсутствия институализации данного явления сохраняется ряд проблем, препятствующих его развитию. Так отсутствие доступных и понятных маркеров качества для медицинских туристов и комплексной модели для медицинского туризма его (качества) оценивания, позволяющей операционализировать измерение, ограничивает результативность деятельности по привлечению иностранных пациентов в российские клиники и существенно затрудняет их (пациентов) выбор. Вышеизложенное обусловило цель исследования — в рамках концепта интегрированной модели определить приоритетные группы маркеров качества комплексной услуги для развития въездного медицинского туризма в России. На основе анализа нормативной базы РФ, российских и зарубежных исследований и моделей оценки качества, опроса представителей агентств медицинского туризма предложен концепт интегрированной модели, включающей 4 укрупненные группы маркеров — «клиническая», «сервисная», «организационная» и «культурная», состоящие из аналитических блоков. Полученные результаты требуют дальнейшей валидации и экспертного обсуждения, и вместе с тем, могут являться основанием для разработки национального индекса качества в медицинском туризме.

Ключевые слова: медицинский туризм, въездной медицинский туризм, качество медицинских услуг, маркеры качества, комплексная услуга, модель качества.

Введение

Усиливающийся интерес к организации и перспективам развития медицинского туризма в России обусловлен результативностью мер^{1,2}, осуществленных в 2019–2024 гг. в рамках федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг» [29], способствующих формированию устойчивого интереса и доверия к российской медицине со стороны пациентов стран СНГ и БРИКС, и отмечаемому экспертами потенциальному увеличению ежегодного объема рынка [3; 15; 21].

Подчеркнем, что въездной медицинский туризм, трактуемый как «въезд иностранных граждан в страну с целью получения ими медицинских услуг» [6 с. 7] стал одним из катализаторов развития государственных и частных медицинских учреждений. Фактически, начиная с 2018 года произошел выход ряда российских клиник в число поставщиков медицинских услуг для иностранных пациентов, соответственно, задачи «битвы за умы» [27] стали в условиях обостряющейся конкурентной борьбы за выбор клиники пациентом особенно значимыми. Следует отметить, что в силу сложности природы медицинского туризма, обусловленной его двойственной «принадлежностью», предопределяющей комплексность услуги, и, следовательно, вовлеченностью широкого круга заинтересованных сторон, проблематика качества становится одной из ключевых детерминант его (медицинского туризма) развития [15; 25 с. 45–46].

Однако, несмотря на единодушное признание исследователями и представителями экспертного сообщества качества услуг как одного из определяющих факторов выбора для медицинских туристов [8; 10; 13; 24], подходы к его измерению в этой сфере остаются дискуссионными, а критерии качества, используемые пациентом для выбора клиники, — представляются недостаточно эмпирически верифицированными и теоретически проработанными. Вместе с тем, нельзя не отметить активность применения в национальной и зарубежной практиках различного методического и оценочного инструментария: модели SERVQUAL и SERVPERF, стандарты и модели менеджмента качества, а также «стандарты лучшей практики, используемые для проведения добровольной аккредитации» [7 с. 88–89]. В этой связи следует подчеркнуть и расширяющуюся фокусировку российской нормативной и регуляторной базы³ — сдвиг от оценки

только клинического результата к измерению удовлетворенности пациентов.

В этих условиях актуализируется задача выявления значимых маркеров качества для медицинских туристов и разработки комплексной модели для медицинского туризма его (качества) оценивания, позволяющей операционализировать измерение, обеспечивая, с одной стороны, соответствие российским нормативным требованиям и ориентацию на «цели в области обеспечения качества и безопасности при оказании медицинской помощи на всех этапах создания «добавленной ценности» JCI» [7 с. 89]. С другой, — сочетающей различные параметры комплексной услуги медицинским туристам и позволяющей не только оценивать текущий уровень качества медицинской услуги, но и дополнительных услуг, влияющих на удовлетворенность иностранных пациентов и их готовность рекомендовать медицинскую организацию. Вышеизложенное определило цель исследования — в рамках концепта интегрированной модели определить приоритетные группы маркеров качества комплексной услуги для развития въездного медицинского туризма в России.

Методы и результаты

Подчеркивая ключевую ценность медицинской услуги для медицинского туризма как категории сферы услуг, ожидаемые дополнительные характеристики которой — координационное сопровождение пациента, платформенная запись, туристская программа и пр., отметим отсутствие нормативного определения данной категории (медицинский туризм) и критериев качества ее оказания. Поскольку ядром медицинского туризма является медицинская услуга, обратимся к нормам соответствующего законодательства. Федеральный закон №323-ФЗ разграничивая понятия медицинская помощь и медицинская услуга (пп. 3, 4 статьи 2) [28], определяет качество медицинской помощи (п. 21 статья 2), доступность и качество медицинской помощи (статья 10) [28]. Пункт 2, статьи 64 Федерального закона № 323-ФЗ, устанавливает что критерии оценки качества медицинской помощи, «формируются ... на основе соответствующих порядков оказания и клинических рекомендаций» [28], в соответствии с которой Приказом Минздрава РФ № 520н от 15.07.2016 утверждены критерии качества, применяемые «... в целях оценки своевременности оказания медицинской помощи, правильности выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата ...» [19] и формируемые по группам заболеваний (14 групп) и по условиям оказания медицинской помощи (амбулатория, дневной стационар, стационар) [19]. А статья 79.1 Федерального закона №323-ФЗ регулирует независимую оценку качества условий оказания услуг медицинскими организациями [28].

¹ Общая информация о проекте / Медицинский туризм в России [сайт] URL: <https://russiamedtravel.ru/project/> (дата обращения 08.08.2025)

² Развитие экспорта медицинских услуг / Национальные проекты РФ [сайт] URL: https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie/eksport_meditsinskikh_uslug/ (дата обращения 08.08.2025)

³ Система менеджмента качества / ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора [сайт] URL: <https://nqi-russia.ru/activities/sistema-menedzhmenta-kachestva/> (дата обращения: 15.09.2025)

Подчеркнем, что несмотря на разграничение понятий медицинская помощь и медицинская услуга в правовом поле и единодушие исследователей относительно их содержательной разности, вопрос о соподчиненности этих понятий при оценке качества остается весьма дискуссионным как в части выявления базового понятия, так и в части включаемых в него элементов [2; 4; 17]. Соглашаясь с фиксируемыми исследователями сложностями, выделим ряд ограничений — отсутствие единого подхода к его контролю и трактовке показателей, детализации критериев [11; 12; 18; 22] и отметим, что регулятор контролирует место и варианты допустимого результата, остальные характеристики, которые могут быть важны для пациента, например, показатели результативности лечения у конкретного врача, выходят за рамки его требований. Вместе с тем, еще раз акцентируем усиливающуюся ориентацию на пациентов в системах менеджмента качества медицинских организаций [14], что содержательно соответствует концепту пациентоориентированности, целью которой является как «повышение удовлетворенности пациентов, так и улучшение результатов лечения» [20] и находит отражение в практических рекомендациях Росздравнадзора по организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности⁴.

Обращает внимание тот факт, что зарубежные исследователи фиксируют в качестве ограничения, препятствующего конкуренции за пациентов, отсутствие достоверных данных о фактическом качестве предоставляемых медицинских услуг для многих направлений медицинского туризма [31] и предлагая оценивать воспринимаемое пациентами качество выделяют среди ключевых аспектов его повышающих: обеспечение надежности, безопасности и ответственности, персонализированное общение и внимание или эмпатию [31; 34]. Указанные подходы в совокупности с результатами исследований отечественных специалистов [1; 10; 30] свидетельствуют, что в медицинском туризме качество услуг для пациента — это совокупность качества медицинской услуги (медицинской компетентности), качества сервисных услуг (клиентского сервиса) и коммуникативной компетентности медицинского персонала, что в настоящее время недостаточно отражается в нормативных требованиях. Соответственно актуализируется проблематика выявления и измерения важных для пациентов индикаторов — маркеров качества, опираясь на которые медицинские туристы смогут осуществлять выбор лечебного учреждения в России.

С целью выявления групп значимых маркеров и их структуры мы провели пилотное исследование, состо-

ящее из двух последовательных этапов. На первом этапе на основе экспертных оценок 47 участников рынка въездного медицинского туризма — представителей агентств медицинского туризма, предпринимателей и самозанятых лиц преимущественно из г. Москвы и Московской области, выполняющих роль посредников, осуществляющих привлечение медицинских туристов и в той или иной мере влияющих на выбор клиники и состав дополнительных сервисных услуг. Обращение к этой группе экспертов обусловлено их ролевой субъектностью в пациентоориентированной модели. Критериями включения в группу экспертов являлись наличие опыта привлечения иностранных пациентов не менее 3-х лет и практическая вовлеченность во взаимодействие с ними (иностранными пациентами). В результате были получены пять укрупненных групп, содержащие в совокупности 26 определений, — параметров качества для пациентов: эффективность медицинских услуг; безопасность медицинской услуги; оценка и выбор врача; оценка и выбор клиники; сервисное сопровождение.

На втором этапе был проведен опрос, в ходе которого респонденты присваивали значение каждому определению по шкале Лайкерта, где 1 — «совершенно не важно», 5 — «крайне важно» (максимально возможное совокупное количество баллов для каждого определения — 235). После интерпретации данных, был получен список наиболее значимых для пациентов «индикаторов» качества, влияющих на выбор клиники медицинскими туристами, по мнению посредников, который был сопоставлен с нормативными требованиями законодательства (таблица 1).

Сопоставление полученных результатов с оценками иностранных пациентов, представленными в работах [31; 34], несмотря на его (сопоставления) ограничения: разнородность групп опрашиваемых (медицинские туристы и посредники), временной лаг в проведении обследований (2015, 2021, 2025 гг.) и различие методик (SERVPERF, SERVQUAL, экспертный опрос), позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, компетентность врачей, надежность и безопасность медицинской помощи, а также персонализированное сопровождение до и после лечения являются ключевыми индикаторами качества во всех исследованиях. Уникальность оборудования и технологий признаются важными, однако в зарубежных исследованиях вторичны по отношению к медицинской компетенции. Во-вторых, — по мнению российских посредников значимы отзывы и рекомендации, тогда как зарубежные исследования фокусируют внимание на эмпатии и отзывчивости, встраивая указанные параметры (отзывы, рекомендации) в блоки «надежность» и «безопасность». Следует отметить, что согласно результатам, полученным нами, недооцененными остаются логистическая поддержка и культурная адаптация медицинских туристов.

⁴ Система менеджмента качества медицинской организации / ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора [сайт] URL: <https://nqi-russia.ru/activities/sistema-menedzhmenta-kachestva/> (дата обращения 09.08.2025)

Таблица 1.

Параметры качества медицинской услуги для медицинских туристов при выборе клиники и их представленность в российском законодательстве — мнение агентов (по убыванию значимости)

Параметр качества	Сумма баллов	Группа	Наличие в нормативах
Уникальность лечебных технологий	198	Оценка и выбор клиники	Требуется
Описание оборудования и его новизна	194	Оценка и выбор клиники	Требуется
Сопровождение после завершения лечения	194	Сервисное сопровождение	Не требуется
Возможность предварительной консультации и выбора врача до приезда	194	Сервисное сопровождение	Не требуется
Наличие сопровождения (персональный ассистент)	192	Сервисное сопровождение	Не требуется
Наличие отзывов от авторитетных и доверенных лиц	188	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Количество благополучных случаев	186	Оценка и выбор врача	Не требуется
Наличие сертификатов безопасности	182	Безопасность медицинской услуги	Требуется
Позитивные отзывы	180	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Наличие рекомендаций от врачей	178	Эффективность медицинских услуг	Не требуется
Наличие благодарностей от пациентов	178	Оценка и выбор врача	Не требуется
Наличие международной аккредитации	176	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Наличие дополнительных услуг по медицинскому профилю (приобретение лекарств)	176	Сервисное сопровождение	Не требуется
Наличие позитивных отзывов от пациентов	174	Оценка и выбор врача	Не требуется
Наличие научных публикаций	174	Оценка и выбор врача	Требуется косвенно
Общее число пациентов и услуг в год	174	Оценка и выбор клиники	Требуется
Гарантии безопасности в описании услуги	170	Безопасность медицинской услуги	Требуется
Врачи с международными дипломами	170	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Подтвержденность методов с позиции доказательной медицины	166	Эффективность медицинских услуг	Требуется
Участие в рейтингах	164	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Возможности получить услуги по размещению (гостиницы такси и прочее)	164	Сервисное сопровождение	Не требуется
Наличие сертификации	144	Эффективность медицинских услуг	Требуется
Наличие красивых фотографий	138	Оценка и выбор врача	Не требуется
Рекламные образы, вызывающие уверенность, доверие	134	Безопасность медицинской клиники	Не требуется
Врачи с иностранным гражданством	130	Оценка и выбор клиники	Не требуется
Наличие услуг не по профилю (ресторан, экскурсия, доставка)	130	Сервисное сопровождение	Не требуется

Опираясь на полученные результаты, источниковую [5; 11; 26; 28; 31; 32; 33; 34] и нормативную базу, стандарты качества JCI [16], характеристику качественных медицинских услуг ВОЗ [9] и методику расчета индекса медицинского туризма [23 с. 582–583] представляется возможным выделить четыре укрупненные группы мар-

керов качества — «клиническая»; «сервисная»; «организационная» и «культурная», которые далее декомпозируются до значимых «аналитических блоков»: медицинская компетентность и результативность; надежность и безопасность; персонализированность взаимодействия; оборудование и прочие материальные атрибуты; сер-

висные и административные услуги; информационная открытость; культурная и языковая адаптация, которые, в свою очередь могут быть операционализированы. Представим сопряженность укрупненных групп и выделенных блоков в таблице 2.

Таблица 2.

Концепт интегрированной модели маркеров качества для медицинского туризма⁵

Укрупненная группа маркеров	Блок маркеров	Пример возможных индикаторов
Клиническая — составляет «ядро» измеряемой результативности медицинской услуги и безопасности пациента	Медицинская компетентность и результативность	Квалификация врачей; Количество положительных исходов
	Надежность и безопасность	Инфекционный контроль; Показатели безопасности пациентов
	Оборудование и прочие материальные атрибуты	Характеристики оборудования; Наличие уникальных / современных медицинских технологий
Сервисная — формирует «опыт пациента», непосредственно влияющий на репутацию медицинской организации	Персонализированность взаимодействия	Наличие персональных ассистентов (консьерж-сервиса); Уровень эмпатичности медицинских работников
	Информационная открытость	Полнота и ясность информации о процедуре; Доступность информации о возможных рисках
	Сервисные и административные услуги	Время ожидания, удобство записи; Возможность получения дополнительных, в том числе не профильных услуг
Организационная — свидетельствует о «надежности» медицинской организации и гарантированном обеспечении качества взаимодействия	Надежность и безопасность	Функционирование системы менеджмента качества ⁶ , наличие аккредитаций; Развитая система обратной связи с пациентами — медицинскими туристами

⁵ Составлено авторами на основе [5; 7; 9; 11; 16; 26; 28; 31; 32; 33; 34]

⁶ Предложения (практические рекомендации) по организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинской организации (стационаре). Вторая версия / ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора. Москва, 2022 URL: https://nqi-russia.ru/upload/iblock/8da/v6h6bhjcjoa/asaka7hrjc6c5di6x00doh/predlozheniya_prakticheskie_rekomendatsii_po_statsionaru_itog_2022.pdf (дата обращения 15.09.2025)

Укрупненная группа маркеров	Блок маркеров	Пример возможных индикаторов
	Сервисные и административные услуги	Консультационная поддержка по правилам пребывания в стране Организация взаимодействия с заинтересованными сторонами
	Информационная открытость	Участие общественных объединений в разработке норм и правил оказания комплексной услуги; Правовая и финансовая прозрачность взаимодействия
Культурная — влияет на выбор медицинской организации иностранным пациентом, обеспечивая минимизацию межкультурных барьеров	Культурная и языковая адаптация	Учет культурных и религиозных особенностей пациентов — медицинских туристов Наличие мультилингвального сайта, информационных материалов
	Персонализированность взаимодействия	Культурная компетентность медицинских работников; Возможность коммуникации на английском языке / услуги переводчика
	Информационная открытость	Перевод медицинской документации; Локализация размещения всех материалов, необходимых иностранному пациенту на сайте медицинской организации

Представленные результаты подтверждают возможность создания комплексной характеристики качества для медицинского туризма — многомерного индекса, позволяющего соотнести нормативные требования с международными показателями качества и ожиданиями как пациентов, так и других вовлеченных заинтересованных сторон.

Заключение

Развитие въездного медицинского туризма актуализирует необходимость создания интегрированной модели маркеров качества. Мы полагаем, что модель должна объединять укрупненные клинические, сервисные, организационные и культурные группы маркеров далее декомпозируемые по блокам модели качества, адаптированные под современный российский контекст и ожидания как зарубежных пациентов, так и вовлеченных заинтересованных сторон (агентства медицинского

туризма, профильные ассоциации и т.д.). Подчеркнем, что каждый из указанных блоков должен содержать измеримые индикаторы, определить перечень и вес которых возможно на основе сопоставительного анализа оценок заинтересованных сторон и последующей экспертной валидации.

Мы полагаем, что формирование интегрированной модели маркеров качества для медицинского туризма позволит систематизировать его оценку и существенно расширить текущий фокус оценивания. Среди потенциальных преимуществ выделим:

- комплексность, обеспечиваемую совокупностью факторов и построением модели на основе интеграции подходов SERVQUAL и SERVPERF, опросных методик, опоры на национальные рекомендации по организации контроля качества и критерии JCI;
- гибкость, обусловленную возможностью корректировать веса каждой из групп в соответствии со спецификой клиники и/или региона;
- маркетинговую ориентацию, заключающуюся в возможности: формирования на основе результатов модели информационных материалов для иностранных пациентов и агентов, рейтингования медицинских организаций, выявления проблемных зон и построения системы KPI для пер-

сонала, вовлеченного в работу с иностранными пациентами.

Отметим, что предлагаемый концепт интегрированной модели нуждается в валидации, наполнении каждой группы конкретными индикаторами и соответствующими им методиками оценивания, что требует широкого обсуждения на уровне экспертного и исследовательского сообщества. Однако сам концепт позволяет обозначить возможные эффекты от ее реализации в соответствии с уровнями:

- пациент — упрощение возможности выбора медицинской организации за счет формализации критериальной оценки, позволяющей сравнивать медицинские организации между собой, прозрачной и понятной информации, соответствующей его (потребителя комплексной услуги) целевым установкам;
- медицинская организация — формирование пациентоориентированной системы, принятие управленческих решений на основе релевантных данных и повышение конверсии иностранных пациентов;
- государство — создание единой системы оценки качества для всех участников въездного медицинского туризма, рейтингование медицинских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананченкова П.И., Шегай М.М. Мотивация и потребительские предпочтения в медицинском туризме // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. №30 (6) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-potrebitelskie-predpochteniya-v-meditsinskom-turizme/viewer> (дата обращения 23.07.2025)
2. Бутова Т.Г., Данилина Е.П., Белбородов А.А., Хамардюк М.Е. Оценка качества медицинских услуг в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. 2017. №6 URL: <https://science-education.ru/article/view?id=27216&ysclid=me5kkg5mq540180840> (дата обращения 10.08.2025)
3. В «ВТБ медицина» объявили о запуске направления по развитию медицинского туризма / Ведомости. 13.05.2025 [сайт] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/05/13/1109695-vtb-obyavil> (дата обращения 08.08.2025)
4. Воробьев П.А. Качество медицинской помощи: проблемы оценки, контроля и управления // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2007. №10. С. 6–14
5. Дайджест «Медицинский туризм и экспорт медицинских услуг» / НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, январь — июнь 2025 [электронный ресурс] URL: <https://niiroz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug-yanvar-iyun-2025-g/?ysclid=mfv2ixag7b683878588> (дата обращения 15.09.2025)
6. Ермаков Б.А., Каташина Т.Б. Медицинский туризм: компонент системы здравоохранения или сегмент туристской сферы // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2020. №1 (5) С. 4–12
7. Иванов И.В., Брескина Т.Н., Сафонов А.А. Модель совершенства как инструмент для внедрения стандартов лучшей медицинской практики // Менеджмент качества в медицине. 2019. С. 87–95 URL: https://efqm-rus.ru/docs/articles/MKM_01_2019_89-97.pdf?ysclid=mfv682mzcz436287893 (дата обращения 15.09.2025)
8. Карпова Г.А., Игнатьева Т.А. Состояние и перспективы развития въездного медицинского туризма в Российской Федерации // Известия СПбГЭУ. 2022. №1 (133). С. 85–89
9. Качественные услуги здравоохранения / Всемирная организация здравоохранения [сайт] URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services> (дата обращения: 15.08.2025)
10. Климин В.Г., Мальцева Ю.А., Дайхес А.Н., Вдовин К.Э., Князева Е.Г. Маркетинг в медицинском туризме: монография / В.Г. Климин, Ю.А. Мальцева, А.Н. Дайхес, К.Э. Вдовин, Е.Г. Князева — М.: Комментарий, 2020. — 158 с.
11. Контроль качества оказания медицинской помощи / Проект «рациональная организация здравоохранения» [электронный ресурс] URL: <https://healthpolicy.ru/chapter9> (дата обращения 15.09.2025)
12. Косарева Е.А., Дехнич С.Н., Клыков А.И. Проблемные вопросы контроля качества медицинской помощи в системе здравоохранения Российской Федерации // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2021. Т.20. №1. С. 186–195

13. Кривенко Н.В., Цветков А.И., Кича Д.И. Медицинский туризм как фактор эффективного использования потенциала регионального здравоохранения // Народонаселение. 2022. Т.25. №4. С. 136–150
14. Куш О.В., Попсуйко А.Н., Серебрякова Р.А., Артамонова Г.В. Методическое обоснование реализации пациентоцентризма в современном здравоохранении. Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2025 URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1796/30/lang,ru/> (дата обращения 10.08.2025)
15. Медицинский туризм в России: как он развивается и что его ждет / СБЕР Про [электронный ресурс] URL: <https://sber.pro/publication/meditsinskii-turizm-v-rossii-kak-on-razvivaetsya-i-cto-ego-zhdet/?ysclid=mfp57exqiq419240235> (дата обращения 15.09.2025)
16. Международные стандарты аккредитации медицинских организаций / пер. с англ. под ред. А.Ю. Абрамова, ГЮЭЮ Улумбековой; [предисл. Р.У. Хабриева]. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. — 224 с.
17. Орлов А.Е. Современные проблемы качества медицинской помощи (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. №1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-kachestva-meditsinskoj-pomoschi-obzor-literatury/viewer> (дата обращения 10.08.2025)
18. Петрова Н.Г. О нерешенных проблемах обеспечения качества медицинской помощи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2018. Т. 13. № 1 (13). С. 83–90.
19. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15.07.2016 № 520н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201608100006?ysclid=me5ines7s5983376997&index=1> (дата обращения 10.08.2025)
20. Пром Н.А., Ковалева М.Д., Волчанский М.Е. Пациентоориентированность как ценность медицинской культуры // Primo aspectu. 2025. №1 (61). С. 25–32
21. Раскрытие потенциала медицинского туризма в России / Исследование Яков и Партнеры, август 2024 [сайт] URL: <https://yakovpartners.ru/publications/medtourism/> (дата обращения 08.08.2025)
22. Рожкова Е.В. Качество медицинской услуги и его оценка // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. №1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-meditsinskoj-uslugi-i-ego-otsenka/viewer> (дата обращения 07.08.2025)
23. Россия в международных рейтингах / М.А. Пальцев, А.В. Торкунов. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. — 656 с.
24. Савельева Н.А., Сафина Е.О., Рокотянская В.В. Исследование состояния и развития медицинского туризма в России в целях совершенствования управления продвижением услуг // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. №3 (41). С. 237–245
25. Сафина Е.Р., Москвичева М.Г. Вопросы и проблемы организации медицинского туризма в России и за рубежом // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2025. Т.11. №1. С. 41–52
26. Сухоруких О.А., Галеева Ж.А., Лукьянцева Д.В., Шубина Л.С., Пашкина А.А., Журавлев Н.И., Кравцов А.А., Тишкина С.Н. Алгоритм внедрения критериев оценки качества медицинской помощи // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2017. №4 (30). С. 62–69
27. Траут Дж., Райс Э. Позиционирование: битва за умы / Дж. Траут, Э. Райс — Санкт-Петербург: Питер, 2024. — 320 с.
28. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 10.08.2025)
29. Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг» / Министерство здравоохранения Российской Федерации [сайт] URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/natsproektzdravoohranenie/medturizm> (дата обращения 08.08.2025)
30. Цыганков Б.Д., Малыгин Я.В. Подходы к изучению факторов, влияющих на удовлетворенность медицинской помощью (по данным иностранной литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. №4. С. 18–22
31. Espinoza M.G., Gonzalez J.G., Gonzalez S.G. and Munoz del Real G. Application and Validation of a Model for Measuring the Perceived Quality of Health Services in Medical Tourism // Journal of Quality in Health Care & Economics. 2021. Volume 4. Issue 3 URL: <https://medwinpublishers.com/JQHE/application-and-validation-of-a-model-for-measuring-the-perceived-quality-of-health-services-in-medical-tourism.pdf> (дата обращения 23.07.2025)
32. Capar H., Aslan O. Factors affecting destination choice in medical tourism // Int J Travel Med Glob Health. 2020. 8(2):80-88 URL: https://www.researchgate.net/publication/341987288_Factors_Affecting_Destination_Choice_in_Medical_Tourism (дата обращения 15.08.2025)
33. Constantinou C.S., Andreou P.; Nikitara M., Papageorgiou A. Cultural Competence in Healthcare and Healthcare Education. Societies 2022, 12, 178. <https://doi.org/10.3390/soc12060178>
34. Manaf N.H.A., Hussin H., Kassim P.N.J., Alavi R., Dahari Z. Medical tourism service quality: finally some empirical findings // Total Quality Management & Business Excellence. 2015 URL: http://irep.iium.edu.my/42844/1/MEDICAL_TOURISM_SERVICE_QUALITY-FINALLY_SOME_EMPIRICAL_FINDINGS.pdf (дата обращения 20.07.2025)

© Лазарев Евгений Николаевич (ok@elazarev.ru); Мальцева Юлия Анатольевна (i.a.maltceva@urfu.ru);

Климин Владимир Григорьевич (vladimir.klimin2014@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В КИТАЕ

THE HISTORY AND CURRENT STATE OF THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC TRADE IN AGRICULTURAL PRODUCTS IN CHINA

**Liu Zining
Zhao Zelin**

Summary. The article reveals to the study of the history of the development of electronic trade in agricultural products in China, the analysis of the current state of the market and the identification of key factors influencing its dynamics. The paper examines the stages of development, government support, the main e-commerce platforms, problems and prospects for the development of the sector. In conclusion, recommendations are made for further improvement and optimization of e-commerce in agricultural products in China. The research goal is to consider the possibilities of developing e-commerce in agricultural products in China.

The research objectives are to consider the main approaches to the history of the development of electronic trade in agricultural products in China, which are currently available in the scientific literature; to identify the features of online trade in agricultural products.

The research methodology is based on a systematic approach. The methods of the general scientific group were used in the work: analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the formal-logical approach. The study also involved statistical analysis.

Based on the results, the author concluded that the current state of the agricultural products market is characterized by a huge scale, high competition and the active use of advanced technologies. Despite the existing problems, the prospects for the development of e-commerce in agricultural products in China look very optimistic.

Keywords: electronic commerce, agricultural products, digital economy, online platforms, public policy, agriculture, development, current trends.

Лю Цзынин

*Аспирант, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, г. Москва*

Чжао Цзелинь

*кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, г. Москва
569897848@qq.com*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению истории развития электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае, анализу современного состояния рынка и определению ключевых факторов, влияющих на его динамику. В работе рассматриваются этапы развития, государственная поддержка, основные платформы электронной торговли, проблемы и перспективы развития сектора. В заключение предлагаются рекомендации по дальнейшему совершенствованию и оптимизации электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть возможности развития электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае.

Задачи исследования состоят в том, чтобы рассмотреть основные подходы к истории развития электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае, имеющиеся на сегодня в научной литературе; выявить особенности онлайн-торговли сельскохозяйственной продукцией.

Методология исследования основана на системном подходе. В работе применялись методы общенаучной группы: анализ, синтез, индукция, дедукция, а также формально-логический подход. В исследовании также был задействован статистический анализ.

По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что современное состояние рынка сельскохозяйственной продукции характеризуется огромным масштабом, высокой конкуренцией и активным использованием передовых технологий. Несмотря на существующие проблемы, перспективы развития электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае выглядят весьма оптимистично.

Ключевые слова: электронная торговля, сельскохозяйственная продукция, цифровая экономика, онлайн-платформы, государственная политика, сельское хозяйство, развитие, современные тенденции.

Введение

В современном мире электронная торговля стала неотъемлемой частью глобальной экономики, трансформируя процессы купли-продажи в различных секторах. Данное направление особенно актуально для сельского хозяйства, где электронная торговля предоставляет новые возможности для фермеров, потребителей и всей цепочки поставок. Китай, являясь одним

из крупнейших производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции, активно внедряет методы электронной торговли в аграрный сектор, что обуславливает необходимость изучения истории, современного состояния и перспектив развития данного направления.

После многолетнего развития Китай стал мировым лидером в сфере электронной коммерции сельхозпродукции, демонстрируя благоприятную динамику

конкурентоспособного развития восточных, центральных и западных регионов, а также ускоренного охвата различных видов сельхозпродукции. В академических кругах ранние исследования электронной коммерции в аграрном секторе были сосредоточены на моделях развития, характеристиках, уровне развития и пространственном распределении. Впоследствии постепенно стали изучаться движущие силы развития, механизмы формирования промышленных кластеров и факторы влияния. Одновременно отмечается ее положительная роль в стимулировании развития сельскохозяйственных отраслей, повышении доходов фермеров и сокращении разрыва в доходах между городом и деревней. Большинство существующих исследований оценивают уровень развития электронной коммерции сельхозпродукции на основе показателей «деревень Таобао» и индексов развития электронной коммерции, преимущественно проводя макроанализ на национальном и провинциальном уровнях. При этом источники данных в основном ограничиваются официальной статистикой или материалами полевых исследований, что обуславливает определенную ограниченность в раскрытии текущего состояния развития отрасли.

В данном исследовании, опираясь на существующие научные наработки, будет исследована внутренняя взаимосвязь между электронной коммерцией сельхозпродукции и развитием современного сельского хозяйства. На основе комплексного анализа данных из официальных источников, статистики онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции и множественных источников данных будут детально рассмотрены достижения и проблемы развития электронной коммерции в аграрном секторе Китая под разными углами зрения.

Методы и материалы

Материалами теоретической части исследования послужили тезисы, изложенные в работах таких авторов, как К.Н. Батанов [1], Сяолун Бао [5], Р.Р. Дыганова [4], Г.Г. Иванов [4], И.Е. Козырская [5], В.А. Матосян [4], В.В. Моисеев [7], А.В. Пикова [8], Р.Р. Салихова [4], И.Ю. Татаева [13], Ли Хэй [9], А.Н. Чумаков [9] и др.

Некоторые положения и гипотезы были нами приняты из работ таких зарубежных исследователей, как Шуган Бао [11], Ци Ван [2], Гэн Ню [2], Линь Лян [6], Сяолин Сун [11], Цао Цзыин [14], Сюэ Хун [12] и др.

Проведенное эмпирическое исследование базируется на системном подходе. В рамках исследования также использовались следующие общенаучные методы: обобщение, сопоставление, систематизация, формально-логический и описательный анализ. В качестве специального метода использовался статистический анализ по исследуемой проблематике.

Результаты и обсуждения

На долю китайских мелких фермеров приходится 90 % основных сельскохозяйственных предприятий, и в сельском хозяйстве уже давно преобладает сверхмалое производство. Благодаря цифровой инфраструктуре и логистическим системам электронная торговля сельхозпродукцией решила основные проблемы подключения мелких фермеров к крупным рынкам, став ключевым направлением модернизации аграрного сектора.

Учитывая проблему агломерации в сельскохозяйственном пространстве, электронная коммерция создала виртуальный промышленный кластер, который преодолевает ограничения, связанные с зависимостью от земельных ресурсов, и реализует сотрудничество на основе матриц в производственной цепочке.

Развитие электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае можно разделить на несколько этапов.

Первый этап «Зарождение» (1990-е — начало 2000-х) характеризуется появлением первых онлайн-платформ, ориентированных на бизнес (B2B) транзакции. Основным акцентом делался на оптовых закупках и установлении связей между производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции. С 1994 года последовательно были запущены Китайская сельскохозяйственная информационная сеть и Китайская научно-техническая сельскохозяйственная информационная сеть, что положило начало информатизации аграрного сектора в стране. В 1998 году первая электронная сделка с сельскохозяйственной продукцией заключалась в торговле зерном. Появление онлайн-торговли скоропортящейся сельхозпродукцией в 2005 году можно считать «первым годом» свежих сельхозтоваров, ставшим знаковым событием, подорвавшим традиционные цепочки поставок. На этом этапе стали появляться вертикальные платформы электронной коммерции, чей запуск заложил основу для модели C2C. В этот же период первый шопинг-фестиваль «Double 11» в 2009 году радикально изменил потребительские привычки. Параллельно зарождалось низовое предпринимательство: в 2009 году деревня Цинъянь Лю (провинция Чжэцзян) стала первой «деревней Таобао», а к 2011 году количество фермерских онлайн-магазинов по стране достигло 1,31 миллиона, включая 682 800 новых продавцов, что ознаменовало начало формирования низовой предпринимательской экосистемы.

На втором этапе «Рост и диверсификация» (2000-е — начало 2010-х) наблюдается значительный рост интернет-пользователей и развитие инфраструктуры. В 2012 году произошли два ключевых события: во-первых, появление Tmall, чей запуск ускорил процесс

брендинга; во-вторых, начало онлайн-торговли брендовой сельхозпродукцией, что стимулировало рост онлайн-продаж аграрной продукции и ознаменовало вступление сельской электронной коммерции в «золотое десятилетие». В 2013 году были внедрены 8 инновационных моделей электронной коммерции, а в 2014 году краудфандинг сельхозпродукции через онлайн-платформы достиг пика. В 2015 году Alibaba приобрела долю в Suning, а JD.com инвестировала в Yonghui и Tiantian Orchard [20, с. 114].

Третий этап (2010-е — настоящее время) характеризуется взрывным ростом мобильного интернета, развитием технологий больших данных, искусственного интеллекта и блокчейна. Появляются специализированные платформы для торговли сельскохозяйственной продукцией, такие как Pinduoduo и JD.com, предлагающие широкий ассортимент продукции.

На конец декабря 2012 года в Китае было 156 миллионов сельских интернет-пользователей, что составляло 24,29 % сельского населения. К концу 2021 года число сельских интернет-пользователей достигло 284 миллионов, увеличившись на 128 миллионов по сравнению с 2012 годом, и составило 56,99 % сельского населения, что на 32,7 процентных пункта больше, чем в 2012 году. На конец декабря 2011 года общее количество фермерских онлайн-магазинов (включая муниципалитетные) по стране составляло 1,31 миллиона, из которых 682 800 были добавлены в 2011 году, что превышает половину общего числа. В 2011 году общее количество фермерских онлайн-продавцов (физических лиц), зарегистрированных на Taobao, включая муниципалитеты, составило 1,71 миллиона. К 2021 году число сельских интернет-магазинов достигло 16,325 миллиона [12, с. 73].

Объемы онлайн-продаж в сельской местности и онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции значительно выросли. В 2012 году объем онлайн-продаж в сельских районах Китая составлял свыше 100 млрд юаней, а онлайн-продажи сельхозпродукции — лишь 24,5 млрд юаней. К 2021 году эти показатели достигли 2 050 млрд юаней и 422,1 млрд юаней соответственно. Объемы экспресс-доставки сельхозпродукции резко увеличились: в 2012 году в стране было отправлено 5,685 млрд экспресс-отправлений, а к 2021 году этот показатель вырос до 108,3 млрд при выручке в 10 332 млрд юаней. Китай удерживает первое место в мире по объемам экспресс-доставки уже 9 лет подряд, причем в 2021 году доля сельскохозяйственных отправок составила треть от общего объема.

В политическом аспекте китайская электронная коммерция уже на раннем этапе развивалась при поддержке государства. Например, «Три золотых проекта» (三金工程) по информатизации рынков сельскохозяйствен-

ной продукции в аграрном секторе начали развиваться, однако активная государственная поддержка осуществлялась в период с 2014 по 2021 год. Министерство финансов, Министерство торговли и Управление по борьбе с бедностью Госсовета последовательно реализовывали программу «Комплексные демонстрационные мероприятия по внедрению электронной коммерции в сельские муниципалитеты», которая к настоящему моменту охватила 1746 муниципалитетов. Кроме того, Министерство сельского хозяйства и сельских дел инициировало проекты «Информатизация сельских домохозяйств» и «Продвижение сельхозпродукции в города». В рамках экспериментальных программ в 2021 году были определены 106 базовых площадок для реализации этих инициатив.

В 2018 году электронная торговля сельскохозяйственной продукцией в Китае вступила в новый этап цифровизации. Ali, JD.com, Suning, Gongxiao e-Jia, China Post, Pinduoduo, Kunming Flower Auction Center, Meituan, Douyin, Kuaishou и Yimutian массово вышли на сельские рынки, помогая фермерам развивать электронную коммерцию, микробизнес и прямые продажи через стриминг. Это сформировало горизонтальную модель «заимствование-внедрение-развитие» для реализации электронной коммерции; вертикальную модель, которая представляет собой многоуровневую систему сервисных центров электронной коммерции «муниципалитет-волость-деревня»; гибридную модель, где параллельно развиваются системы сервисных центров, обучения, логистики, управления цепочками поставок, маркетинга и сельских обслуживающих станций.

В 2018 году Министерство сельского хозяйства и сельских дел Китая запустило цифровые пилотные проекты по яблокам, чаю и свиноводству, направленные на цифровизацию всей цепочки поставок. С 2012 года, с приходом в сельскую местность технологий 4G, 5G, Интернета вещей, больших данных, облачных вычислений, блокчейна и искусственного интеллекта, произошли изменения в базовой инфраструктуре. Широкое внедрение цифровых технологий в стране создало условия для развития сельских онлайн-магазинов. К июню 2022 года количество базовых станций 5G в Китае достигло 1,854 миллиона, реализована стратегия «5G в каждом муниципалитете, широкополосный интернет в каждой деревне». Технология блокчейн-трекинга охватила 300 географически защищенных продуктов, а применение цифровых двойников снизило затраты на посадку на 45 %. Углубление платформенных стратегий сопровождалось появлением сельских интернет-знаменитостей, что способствовало развитию сельской электронной коммерции.

В настоящее время в Китае создана политическая база для электронной торговли сельскохозяйственной продукцией, охватывающая полный производственный

цикл. С 2015 года, когда Госсовет опубликовал «Рекомендации по активному развитию электронной коммерции и ускоренному формированию новых экономических стимулов», центральные ведомства и министерства выпустили в общей сложности более 180 нормативных документов, сформировавших комплекс мер по принципу «инфраструктура в приоритете, кадровая поддержка и стандартизация». В 2024 году Министерство коммерции и восемь других ведомств совместно опубликовали «Мнения о содействии качественному развитию сельской электронной коммерции», что ознаменовало смещение политического акцента с расширения масштабов на повышение качества.

Постепенно совершенствующаяся политика в сфере электронной коммерции эффективно способствовала развитию сельской электронной коммерции и электронной торговли сельхозпродукцией, внося важный вклад в создание единого национального рынка, стимулирование инноваций и предпринимательства, помощь в борьбе с бедностью и повышение уровня открытости. На примере проекта «Комплексная демонстрация электронной коммерции в сельской местности», совместно реализованного Министерством финансов и Министерством коммерции, показано, что эта политика оказывает положительное влияние на стимулирование развития сельского хозяйства, содействие модернизации муниципальной промышленности, повышение уровня развития электронной коммерции в муниципалитетах и увеличение доходов сельских жителей [11, с. 16].

Число новых зарегистрированных предприятий электронной торговли сельскохозяйственной продукцией по стране резко выросло с 14 тысяч в 2010 году до 47 тысяч в 2024 году; количество муниципалитетов и районов без новых регистраций предприятий сократилось с более 2500 в 2010 году до примерно 600 в 2024 году. Число муниципалитетов с 10 и более новыми зарегистрированными предприятиями быстро увеличилось до около 800 после 2014 года.

Общий масштаб продолжает расширяться. В 2024 году объем онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции в стране достиг 726,15 млрд юаней, превысив общий объем онлайн-продаж по стране и в сельской местности за тот же период. Основные категории продаж: снеки (28 %), крупы и масла (19 %), питательные продукты (15 %), чай и молочные продукты. В 2024 году объем онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции в более чем 158 муниципалитетах превысил 1 млрд юаней, а уровень внедрения электронной коммерции среди сельских жителей также расширился.

Как связующее звено между городской и сельской экономикой, развитие электронной торговли сельхозпродукцией на уровне муниципалитетов имеет важное

значение. В 2021–2022 годах средние онлайн-продажи сельхозпродукции по муниципалитетам страны составили 2,12 млрд юаней и 2,39 млрд юаней соответственно, при этом максимальный объем продаж в отдельном муниципалитете достигал около 40 млрд юаней, а минимальный — менее 10 тыс. юаней. Около 80 % муниципалитетов имеют объем продаж в диапазоне 0,01–1 млрд юаней, при этом большинство (0,1–1 млрд юаней) и более 110 муниципалитетов превысили 1 млрд юаней [2, с. 55]. Число муниципалитетов с объемом продаж менее 10 млн юаней сокращается, что свидетельствует о постепенном расширении масштабов электронной торговли и сокращении разрыва между регионами.

В настоящее время индустриальная база по-прежнему остается относительно слабой: существуют проблемы низкой степени стандартизации цепочек поставок, недостаточного охвата логистической сервисной системы и дефицита кадров. Многочисленные проблемы замедляют темпы цифровой трансформации сельского хозяйства: общий масштаб электронной торговли сельскохозяйственной продукцией остается небольшим, уровень проникновения низким, а региональное развитие характеризуется дисбалансом.

Степень стандартизации цепочек поставок сельскохозяйственной продукции остается недостаточной, а логистическая инфраструктура все еще не охватывает все сельские территории. В условиях мелкомасштабного раздробленного семейного производства технологические стандарты сельхозпродукции сложно унифицировать. Задержки в создании стандартизированных цепочек поставок увеличивают трудности с выводом продукции на рынок и повышают потенциальные операционные риски. В отдаленных районах курьерская отрасль развита слабо, что характеризуется низким качеством услуг, небольшими объемами и отсутствием преимуществ масштаба. Также отмечается высокая стоимость вывода сельскохозяйственной продукции на рынок, низкая эффективность трехуровневой логистической системы (муниципалитет-волость-деревня), медленные темпы развития доставки до деревень [6, с. 119]. При этом сохраняются проблемы недостаточной стандартизации цепочек поставок и замедленного внедрения логистических услуг на низовом уровне.

Технологические барьеры и операционные затраты электронной коммерции сельскохозяйственной продукции исключают большинство мелких фермеров из эффективной интеграции с крупными рынками; различия в интересах участников производственной цепочки создают препятствия для интеграции трех отраслей промышленности [13, с. 116].

Электронная коммерция в сельскохозяйственной отрасли демонстрирует активное развитие, однако по-

прежнему сталкивается с проблемами недостаточного общего масштаба, низкой степени проникновения и региональной диспропорции в развитии. С точки зрения общего масштаба общий объем онлайн-розничных продаж сельхозпродукции по стране составляет лишь 23,58 % от общего объема онлайн-розничных продаж в сельской местности и 3,81 % от общенационального объема онлайн-розничных продаж. По сравнению с электронной коммерцией несельскохозяйственной продукции, сектор сельхозпродукции сохраняет значительный потенциал для увеличения масштабов. Что касается степени проникновения электронной коммерции в сельское хозяйство, доля онлайн-продаж сельхозпродукции остается незначительной относительно показателей сельскохозяйственного производства. В 2023 году общий объем онлайн-розничных продаж сельхозпродукции составил лишь 6,5 % от добавленной стоимости первичного сектора экономики и 3,7 % от общего объема производства сельского, лесного, животноводческого хозяйств и рыболовства.

Хотя онлайн-продажи являются лишь одним из каналов сбыта сельхозпродукции, с точки зрения создания современной системы управления агропромышленным комплексом, применение электронной коммерции в сельскохозяйственной отрасли по-прежнему обладает значительным потенциалом для расширения. При поддержке серии государственных мер электронная коммерция в сельской местности и сектор онлайн-продаж сельхозпродукции демонстрируют стремительное раз-

витие. Согласно данным Министерства коммерции, в 2024 году объем онлайн-розничных продаж в сельской местности достиг 2,56 трлн юаней, а объем онлайн-продаж сельскохозяйственной продукции составил 679,78 млрд юаней, что на протяжении трех лет подряд превышает плановые показатели с ежегодным ростом на 15,8 %.

В целом можно отметить, что правительство Китая оказывает значительную поддержку развитию электронной торговли сельскохозяйственной продукцией, в том числе путем предоставления субсидий, льготных кредитов, обучения фермеров и развития инфраструктуры.

Выводы

В рамках проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: электронная торговля сельскохозяйственной продукцией в Китае прошла путь от зарождения до бурного развития, став важным фактором трансформации аграрного сектора. Современное состояние рынка характеризуется огромным масштабом, высокой конкуренцией и активным использованием передовых технологий. Ключевые факторы, влияющие на развитие рынка, включают экономический рост, развитие интернета и мобильной связи, государственную политику и потребительские предпочтения. Несмотря на существующие проблемы, перспективы развития электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в Китае выглядят весьма оптимистично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батанов, К.Н. Китай для бизнеса: Тонкости взаимодействия с китайскими партнерами и потребителями. — М.: Альпина Паблишер, 2023. — 488 с.
2. Ван, Ци, Нью, Гэн, Чжао, Гочан. Развитие электронной торговли и возрождение сельских районов: опыт Китая // Мировая экономика. — 2021. — № 44 (12). — С. 55–75.
3. Внешняя торговля России в условиях санкций: монография / А.О. Алтухов, Н.А. Бутенко, Ю.В. Гаврилова [и др.]; под ред. А.О. Рудневой. — М.: ИНФРА-М, 2025. — 238 с.
4. Дыганова, Р.Р., Иванов, Г.Г., Салихова, Р.Р., Матосян, В.А. Электронная торговля: учебник. — 3-е изд. — М.: Дашков и К, 2022. — 150 с.
5. Козырская, И.Е., Бао, Сюлун. Сельское хозяйство Китая: краткая характеристика современного состояния // Российско-китайские исследования. — 2022. — № 2. — С. 93–102.
6. Лян, Линь. Исследование путей развития цифровой экономики для содействия модернизации сельского хозяйства // Экономическая вертикаль и горизонталь. — 2022. — № 9. — С. 113–120.
7. Моисеев, В.В. Россия и Китай. Сравнение результатов в экономике и социальной сфере к 2022 году: монография. — М.: Директ-Медиа, 2022. — 316 с.
8. Пиковер, А.В. Очерки социально-экономической информатизации и развития электронной коммерции КНР: монография. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 207 с.
9. Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества: монография / под ред. А.Н. Чумакова, Ли Хэй. — 2-е изд. — М.: Дашков и К, 2023. — 298 с.
10. Рыльщикова, Л.М. Сельское хозяйство: учебное пособие / Л.М. Рыльщикова. — Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2021. — 92 с.
11. Сюн, Сюилинь, Бао, Шугуан. Исследование влияния всеобъемлющей демонстрационной политики электронной коммерции в сельском хозяйстве на рост сельского хозяйства в графствах // Мир исследований. — 2024. — № 3. — С. 15–25.
12. Сюэ, Хун. Трансграничная электронная коммерция в Китае. Законодательство и правоприменение: монография. — М.: Блок-Принт, 2024. — 111 с.
13. Татаева, И.Ю. Трансграничная электронная торговля: международные инструменты регулирования: монография. — М.: РИО Российской таможенной академии, 2023. — 181 с.
14. Цзыин, Цао. Модель формирования доверия потребителей к сфере электронной розничной торговли: на примере России и Китая: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 5.2.6. — Владивосток: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», 2024. — 23 с.

© Лю Цзыин; Чжао Цзелинь (569897848@qq.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СТОИМОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СТРАН С РАЗВИВАЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

Ню Яхуэй

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
tatyana0411@163.com

TRANSFORMATION OF GLOBAL VALUE CHAINS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GEOECONOMIC TURBULENCE: NEW CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR EMERGING MARKETS

Niu Yahui

Summary. In the context of accelerated digitalization and increasing geoeconomic turbulence, global value chains are undergoing a structural transformation, shaping new development trajectories for emerging market countries. This study analyzes the dialectical interaction of technological breakthroughs (such as AI, blockchain, and the Internet of Things) and growing protectionist barriers, determining their combined impact on the reconfiguration of production networks. Particular attention is paid to the dilemmas of «catch-up» development: on the one hand, digitalization creates opportunities for integration into high-tech segments of value chains, while on the other, increasing fragmentation of the global market exacerbates the risks of technological lag. Based on a comparative analysis of cases from Southeast Asia and Eastern Europe, adaptive strategies are proposed that combine the promotion of digital sovereignty with flexible integration into regional value chains.

Keywords: global value chains, digitalization of the economy, geoeconomic turbulence, emerging markets, technological transformation, production networks, digital sovereignty.

Аннотация. В контексте ускоренной цифровизации и усиления геоэкономической турбулентности глобальные цепочки стоимости претерпевают структурную трансформацию, формируя новые траектории развития для стран с развивающимися рынками. Исследование анализирует диалектическое взаимодействие технологических прорывов (таких как AI, блокчейн и интернет вещей) и растущих протекционистских барьеров, определяя их совокупное влияние на реконфигурацию производственных сетей. Особое внимание уделяется дилеммам «догоняющего» развития: с одной стороны, цифровизация создаёт возможности для интеграции в высокотехнологичные сегменты цепочек, с другой — усиление фрагментации мирового рынка обостряет риски технологического отставания. На основе сравнительного анализа кейсов стран Юго-Восточной Азии и Восточной Европы предложены адаптивные стратегии, сочетающие стимулирование цифрового суверенитета с гибкой интеграцией в региональные ценностные цепочки.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости, цифровизация экономики, геоэкономическая турбулентность, развивающиеся рынки, технологическая трансформация, производственные сети, цифровой суверенитет.

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется динамичным переплетением двух фундаментальных трендов: углубляющейся цифровизации и нарастающей геоэкономической турбулентности. Эти взаимосвязанные процессы выступают ключевыми драйверами трансформации глобальных цепочек стоимости (ГЦС), которые исторически являлись основой международного разделения труда и экономического роста [1, 2]. Если цифровизация, воплощенная в распространении технологий искусственного интеллекта, интернета вещей и больших данных, открывает путь к повышению эффективности, созданию новых биз-

нес-моделей и появлению «цифровых» ГЦС, то геоэкономическая нестабильность, проявляющаяся в торговых войнах, санкциях и протекционизме, напротив, ведет к их фрагментации и пересмотру принципов глобальной организации производства.

Для стран с развивающимися рынками это двойственное воздействие создает принципиально новую систему вызовов и возможностей. С одной стороны, у них появляется шанс для ускоренной модернизации и «прыжка» в высокотехнологичные сегменты цепочек, минуя традиционные этапы индустриализации. [3] С другой стороны, усиление барьеров и тенденция к регионализации ставят под угрозу их устоявшуюся роль

в качестве «мировой мастерской», основанной на конкурентных преимуществах в виде дешевой рабочей силы [4, 5]. Таким образом, налицо острая дилемма: как воспользоваться открывающимися возможностями цифровой эпохи, одновременно минимизируя риски маргинализации в условиях глобальной перестройки.

Целью данной статьи является комплексный анализ трансформации глобальных цепочек стоимости под влиянием цифровизации и геоэкономической турбулентности, а также выработка на этой основе стратегических ориентиров для стран с развивающимися рынками. Логика исследования строится на диалектическом рассмотрении противоречивого взаимодействия технологических и геоэкономических факторов, определяющих новую реальность для международного разделения труда.

Материалы и методы исследования

В основе данного исследования лежит комплексный подход, сочетающий качественный анализ релевантной литературы и статистических данных международных организаций (Всемирный банк, ЮНКТАД, ОЭСР) с comparative case study стран Юго-Восточной Азии и Восточной Европы. Для верификации гипотез применялись методы структурно-функционального анализа трансформации глобальных цепочек стоимости и контент-анализ стратегических документов, позволившие выявить диалектику цифровизации и геоэкономической турбулентности. Специфически адаптированная методика оценки цифрового суверенитета обеспечила сопоставимость данных при определении адаптационного потенциала развивающихся рынков.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволяет выявить несколько ключевых трендов в трансформации глобальных цепочек стоимости (ГЦС), которые по-разному проявляются для развитых и развивающихся экономик.

1. Двойственное влияние цифровизации на позиции в ГЦС

Цифровизация не является линейным благом для всех участников. С одной стороны, она демократизирует доступ к глобальным рынкам. Например, малые и средние предприятия (МСП) из развивающихся стран с помощью платформенных решений могут теперь выступать в роли «микромногонациональных компаний», находя клиентов по всему миру и используя облачные сервисы для управления логистикой [6]. Это создает возможность для «прыжка в цифру» — прямого выхода в высокомаржинальные сегменты (например, цифровые услуги, нишевое программное обеспечение), минуя традиционные этапы наращивания промышленных мощно-

стей. С другой стороны, возникает угроза новой формы зависимости. Развитые экономики, контролирующие ключевые цифровые активы (платформы, операционные системы, алгоритмы ИИ), получают возможность извлекать непропорционально высокую ренту [2, 7]. Развивающийся рынок, специализирующийся на сборке аппаратного обеспечения для этих платформ, оказывается в уязвимой позиции, так как большая часть интеллектуальной добавленной стоимости аккумулируется на вершине цепочки. Таким образом, цифровизация может не «сглаживать», а, напротив, усугублять иерархию в ГЦС.

2. Геоэкономическая турбулентность: от глобализации к регионализации

Наблюдаемый сдвиг от единых глобальных цепочек к более фрагментированным и регионализированным сетям порождает двойственную ситуацию: с одной стороны, сокращение «сверхглобализированных» цепочек ставит под угрозу традиционную модель догоняющего развития, основанную на импорте технологий и экспорте готовой продукции, что создает реальные риски сокращения инвестиций и потери рынков для стран, чье процветание исторически зависело от массового низкокзатратного производства [8]; с другой стороны, эта же тенденция открывает уникальное окно возможностей для потенциальных региональных лидеров, поскольку компании активно начинают искать альтернативные, более устойчивые и географически близкие производственные хабы, создавая тем самым благоприятные условия для таких стран, как Вьетнам, Мексика или Польша, которые получают шанс позиционировать себя в качестве надежных и эффективных логистических и производственных центров для обслуживания крупных соседних рынков.

3. Стратегическая дилемма и адаптивные ответы

Синтез двух этих трендов ставит перед странами с развивающимися рынками сложную стратегическую дилемму: как интегрироваться в глобальные инновационные процессы, не теряя при этом экономического и технологического суверенитета?

Проведенный сравнительный анализ кейсов позволяет выделить два основных типа адаптивных стратегий, которые не являются взаимоисключающими: Стратегия «гибкой интеграции»: Фокус на максимально быстрое встраивание в региональные цепочки создания стоимости через улучшение инвестиционного климата, развитие логистической инфраструктуры и углубление торговых соглашений [5]. Стратегия «целенаправленного апгрейда»: Более активная политика, направленная на развитие собственного технологического потенциала в приоритетных секторах. Это включает стимулирование

НИОКР, развитие человеческого капитала и создание «национальных чемпионов», способных конкурировать в определенных сегментах ГЦС.

Для наглядности ключевые вызовы и ответные стратегии представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Ключевые тренды трансформации ГЦС: вызовы и возможности для стран с развивающимися рынками [1, 6, 7, 9]

Ключевой тренд	Основные вызовы для развивающихся рынков	Возможности для развивающихся рынков
Цифровизация ГЦС	— Риск технологической зависимости — Цифровое неравенство — «Утечка данных» и эрозия цифрового суверенитета	— Демократизация доступа к глобальным рынкам (МСП) — Возможность «прыжка в цифру» — Повышение эффективности производства и логистики
Геоэкономическая турбулентность и регионализация	— Разрыв традиционных производственных связей — Снижение потоков ПИИ — Давление вследствие «деглобализации»	— Стать региональным хабом («nearshoring») — Диверсификация экономических партнеров — Усиление роли в региональных Value Chains

Полученные результаты указывают на то, что классическая модель «догоняющего развития» через пассивную интеграцию в ГЦС требует пересмотра. В новых условиях успех определяется не столько сравнительными преимуществами в стоимости труда, сколько способностью к адаптации, качеством институтов и уровнем развития человеческого капитала.

Наиболее перспективной представляется гибридная стратегия, сочетающая элементы обоих подходов. Страна может одновременно активно привлекать иностранные инвестиции в перспективные сегменты (гибкая интеграция), параллельно проводя целенаправленную промышленную и научно-техническую политику для выращивания собственных компетенций и компаний (целенаправленный апгрейд) [3, 7]. Ключевым элементом такой стратегии является концепция «цифрового суверенитета», понимаемого не как цифровая автаркия, а как способность защищать критические активы, данные и обеспечивать технологическую гибкость в условиях нестабильности. Таким образом, трансформация ГЦС в современную эпоху — это не просто изменение карты мирового производства, а фундаментальный вызов, требующий от стран с развивающимися рынками стратегической глубины и адаптивной гибкости.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современная трансформация стоимости цепочек носит структурный и глубоко противоречивый характер. Эта переконфигурация определила диалектические взаимодействия двумя ключевыми силами: с одной стороны цифровизация приводит к принципиально новым формам экономической экономики и повышению эффективности, а с другой — геоэкономическая турбулентность приводит к фрагментации и регионализации постоянных связей. Важная переменная, это не просто циклическое изменение, настоящая смена парадигмы глобального развития, требующая переосмысления традиционных подходов.

В этих условиях классическая модель пассивной экономики, основанная на стратегии «догоняющего развития» и сравнительных преимуществах в стоимости труда, обеспечивает свою несостоятельность. Успех в новой реальности определен уже не столь дешевыми методами, сколько применения экономики для динамичной эволюции, повышения качества ее институтов и уровня развития человеческого капитала. При этом цифровизация создает на рынках сложную дилемму «зависимость против прорыва». Она открывает беспрецедентные возможности для малых и средних предприятий и позволяет производить так называемый «прыжок в цифру», но одновременно с этим фактор создает риск новой технологической зависимости и усиливает рентные модели для стран — лидеров в области цифровых платформ и искусственного интеллекта. Таким образом, цифровизация выступает в качестве фактора, способного и экономического, и увеличивает иерархичность в стоимости цепочек. Параллельно тенденция регионализации, несмотря на сопутствующие вызовы, такие как разрыв традиционных производственных связей, создает и открывает возможности. Он формирует спрос на новую, более надежную промышленность и логистику хабы, что позволяет усилить развивающуюся экономику в центрах, укрепить свои позиции в регионе, диверсифицировать партнеров и наращивать компетенции в рамках региональных, а не расширенных цепочек.

Наиболее адекватным ответом на эти вызовы представляется гибридная стратегия, сочетающая два взаимодополняющих подхода. Первый — это гибкая интеграция, предполагающая активное привлечение инвестиций и встраивание в региональные цепочки через улучшение логистики, инфраструктуры и заключение торговых соглашений. Второй — целенаправленный цифровой и технологический апгрейд, суть которого заключается в проведении активной промышленной и научно-технической политики, нацеленной на развитие собственных критически важных компетенций и формирование «национальных чемпионов».

Ключевым элементом такой комплексной стратегии является достижение прагматичного цифрового суверенитета, который следует понимать не как стремление к изоляции, а как средство обеспечения технологической гибкости, защиты критической инфраструктуры и данных, и, в конечном счете, способности вести равноправный диалог в условиях геоэкономической турбу-

лентности. Таким образом, будущее позиционирование стран с развивающимися рынками в глобальных цепочках стоимости будет зависеть от их способности не просто адаптироваться к изменениям, а активно формировать собственную траекторию развития в этой новой, более сложной и многополярной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдберг П., Рута М. The Changing Nature of International Trade and Its Implications for Development // Cowles Foundation Discussion Papers. 2025. № 2462. С. 1–69.
2. Жэн Юаньюань, Ян Жэньфа. Влияние распространения цифровой экономики на эволюцию сети глобальных цепочек стоимости и меры реагирования на риски // Экономические тенденции. 2025. № 8. URL: <https://d.drcnet.com.cn/?chnid=1013&leafid=3004&docid=8029482&uid=030302&version=integrated> (дата обращения: 29.10.2025)
3. Иванова Е.С. Геоэкономическая турбулентность и риски для мировой экономики // Контуры глобальных трансформаций. 2024. Т. 17. № 2. С. 22–41. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/1912> (дата обращения: 29.10.2025)
4. Ли Чуанькай, Ху Мэйчжи, У Сяоцин. Глобальные цепочки создания стоимости в эпоху разрывов: эволюция и стратегии // Промышленность и управление. 2024. Т. 26. № 1.
5. Липин А.В. Технологическая трансформация и цифровизация международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 4. С. 34–48.
6. Халевинская Е.Д. Глобальные цепочки создания стоимости в условиях геоэкономической нестабильности // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 5–22.
7. Хэ Япин. Дисбаланс глобальной экономики и реконфигурация цепочек стоимости: с привлечением примеров международных торговых споров. — Пекин: Издательство социальных научных литературы, 2023. 183 с. URL: <https://jpls.ynau.edu.cn/opac/book/cb7998bff9ae41b52d70b79260fe1a22> (дата обращения: 29.10.2025)
8. Цветков А.А., Михайлов А.С. Интеграция развивающихся рынков в цифровую глобальную экономику // Бизнес. Общество. Власть. 2023. № 1 (43). С. 4–18.
9. Цифровое развитие и оцифрованная реконструкция структуры мировой экономики // Исследования и обсуждения. 2022. № 4. URL: <https://www.rmlt.com.cn/2022/0428/645955.shtml> (дата обращения: 29.10.2025)

© Ню Яхуэй (tatyana0411@163.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЭКОНОМИКА: УСЛОВИЯ, ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

PLATFORM ECONOMY: CONDITIONS, PRINCIPLES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

N. Oleynik

Summary. The study of the platform economy based on digital platforms is relevant for Russia, due to its significant impact on various sectors of the economy and society. The purpose of the work: to analyze the conditions and directions of development of the platform economy, to identify problems in ensuring sustainable development. Tasks: to analyze the conceptual apparatus of the new form of economy; to substantiate the principles of functioning of platform companies, to highlight negative trends; to develop recommendations for the development of the platform economy in the interests of the state, business, society. Results of the study: opportunities for the development of the platform economy are identified, its advantages, problems, principles of operation are determined. It is proven that the platform economy is developing, has significant potential, however, the lack of clear legal regulation creates risks and limits its growth.

Keywords: platform economy, digital platforms, ecosystem, principles, conditions, risks, legal regulation.

Олейник Наталья Михайловна

кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — Филиал
РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург),
oleynik-nm@ranepa.ru

Аннотация. Исследование платформенной экономики, основанной на цифровых платформах, является актуальным для России, ввиду ее существенного влияния на различные сектора экономики и общество. Цель работы: провести анализ условий и направлений развития платформенной экономики, выявить проблемы в обеспечении устойчивого развития. Задачи: проанализировать понятийный аппарат новой формы экономики; обосновать принципы функционирования платформенных компаний, выделить негативные тенденции; разработать рекомендации по развитию платформенной экономики в интересах государства, бизнеса, общества. Результаты исследования: выявлены возможности для развития платформенной экономики, определены её преимущества, проблемы, принципы функционирования. Доказано, что платформенная экономика находится в развитии, имеет значительный потенциал, однако, отсутствие четкого правового регулирования создает риски и ограничивает ее рост.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые платформы, экосистема, принципы, условия, риски, правовое регулирование.

Многообразие цифровых технологий и их преобразования привели к появлению новой экономической модели — платформенной экономики (ПЭ), основанной на онлайн-системах (платформах), выступающих организатором и инфраструктурным посредником для создания ценности самими участниками. Эти платформы способны извлекать и контролировать огромное количество данных, являясь средством извлечения прибыли [1]. В данном исследовании под ПЭ мы будем понимать новую общественно-экономическую модель, основанную на цифровых платформах (ЦП) и экосистемах с целью совершенствования разнообразных транзакций и улучшения взаимодействия между участниками. ЦП начали формироваться в 1990 г. Этот период ознаменовался появлением первых онлайн-сервисов и электронной коммерции, что заложило основу для развития современных цифровых экосистем. Анализ жизненного цикла ЦП показывает, что в настоящее время они находятся на стадии активного роста, причем независимо от этапа развития ключевая роль отводится инновациям [2]. Платформы создают цифровую инфраструктуру рынков, устраняя посредников, иерархические связи, распространяя инновационные бизнес-

модели, меняя методы обмена ценностями, снижая издержки, облегчая транзакции между пользователями, увеличивая прибыльность. Исследование практики хозяйствования компаний подразумевает изучение того, как изменения в бизнес-среде, под влиянием развития технологий и вызовов современного мира, приводят к сложным формам сотрудничества: партнерствам, ЦП, экосистемам. В данном исследовании для понимания сути и динамики развития ПЭ использовались общенаучные методы: анализ, синтез, описание, сравнения, эмпирический анализ, систематизация.

Изучением ПЭ занимаются различные организации: госструктуры, исследовательские компании, консалтинговые агентства, университеты, некоммерческие организации и др. Ключевыми направлениями исследований являются: экономические аспекты функционирования платформ, правовые аспекты и регулирование цифровой экономики, обеспечение справедливой конкуренции, вопросы безопасности и защиты персональных данных. Обратимся к исследованиям отечественных и зарубежных ученых, изучающих теорию и практику ПЭ. В «Докладе ООН о цифровой экономике 2019», ЦП

представляют собой многосторонние бизнес-модели, которые используют технологии для организации взаимодействия различных сторон в онлайн-среде. Они создают платформу, на которой разные участники бизнес-среды могут взаимодействовать, обмениваться информацией, товарами и услугами, а также совместно создавать ценность [3]. Российский исследователь Месропян В.Р. утверждает, что ЦП на протяжении последних десятилетий остается прорывной инновацией и представляет собой интегрированную информационную систему, обеспечивающую многосторонние взаимодействия пользователей по обмену информацией и ценностями, что приводит к снижению общих транзакционных издержек, оптимизации бизнес-процессов, повышению эффективности цепочки поставок товаров и услуг [4]. Группа исследователей ВШЭ, описывая цифровую систему, показывает ее как совокупность информационных платформ различного функционала, ориентирующуюся на потребности клиента с возможностью бесшовного обмена данными со значительным числом участников [5]. Из приведенных выше определений видим, что потребитель занимает доминирующее положение в экосистеме, так как он может быть участником одновременно в нескольких системах, что заставляет производителя сосредотачиваться на комплексе потребностей клиента, создавая совместную ценность. Отметим и способность ЦП упрощать коммуникацию партнеров и пользователей, оптимизировать процессы, внедрять инновации, сокращать издержки, менять подход к оценке и сбору аналитики [2]. В работе «Платформизация», выполненной скандинавскими и канадским учеными (Поелл, Т., Ниборг, Д., и ван Дейк, Дж., 2019), анализируется концепция платформизации — это процесс проникновения ЦП во все экономические явления, правительственные структуры, различные экономические сектора и сферы жизни. Ученые определяют платформы как перепрограммируемую цифровую инфраструктуру, которая облегчает и формирует персонализированные взаимодействия между конечными пользователями и дополнительными структурами, организованные посредством систематического сбора, алгоритмической обработки, монетизации и распространения данных [6]. О создании успешного платформенного бизнеса идет речь в книге «Революция платформ». Авторы (Паркер Дж., Ван Альстин М., Чаудари С., 2016) рассматривают платформу как предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между внешними производителями и потребителями с целью создания ценности для всех участников. Исследователи рассматривают ЦП Amazon, Uber и Airbnb, как примеры успешного использования сетевых эффектов для создания новых форм конкуренции. Ключевым фактором успеха этих платформ является их способность привлекать и удерживать пользователей, создавая таким образом положительные сетевые эффекты, когда ценность платформы возрастает с увеличением числа пользователей [7].

Ряд исследователей, анализируя платформенные модели, используют различные критерии для их классификации и понимания. Эти критерии включают: тип взаимодействия — B2B, B2C, B2G и др. (девять моделей); бизнес-модель — комиссионная, рекламная, подписка; условия функционирования: однородность предложения, масштабируемость, типы взаимодействия пользователей и др. Так, основатель и генеральный директор швейцарской компании «MoreThanDigital» Талин, Б., (Benjamin Talin, 2023) выделяет десять видов платформ исходя из области применения: транзакционные или маркетплейсы, инновационные, платформы социальных сетей, обучения, финансовые, здоровья, технологические, работы с данными, контент-платформы и платформы для совместной работы [8]. Ученые ВШЭ за основу классификации берут функциональную составляющую и наличие обмена экономическими ценностями, предлагая восемь типов платформ: маркетплейсы, классифайды, шеринговые, для рынка труда, финтех-решения и краудфандинг, информационно-справочные, развлекательные и социальные сети [5]. В работе Р. Шепоса (Sheposh, R., 2025), платформа — это пространство для подключения и функционирования бизнеса, где выделяет следующие типы: транзакционные, инновационные, интеграционные и инвестиционные платформы [9]. Такое разнообразие подходов к классификации платформ может затруднить понимание их различий, и как следствие, сложность управления ими; положительный факт — разнообразие типов ЦП оказывает значительное влияние на конкурентные преимущества компаний, позволяя им адаптироваться к различным бизнес-моделям и требованиям рынка. Вопрос целесообразности применения единых стандартов для классификации платформ в настоящее время остается открытым.

Жизнедеятельность платформы обеспечивается программно-техническими комплексами и приложениями; наличием среды с субъектами цифровой экосистемы, в которой возможно построение многосторонних экономических связей и отношений с конечными пользователями; управлением системой отношений между всеми заинтересованными лицами, а также ее способностью соблюдать условия институциональных регуляторов и адаптироваться к угрозам и вызовам внешней среды. На рисунке 1 приведен фрагмент цифровой экосистемы ПЭ [2].

В программно-технические комплексы и приложения ЦП входят: аппаратные средства — серверы, контроллеры, устройства связи с объектом, промышленные сети, а также программное обеспечение, включая операционные системы, системы управления базами данных, системы сбора и обработки данных, человеко-машинные интерфейсы, прикладные программы и сервисы. В ПЭ система управления включает в себя не только традиционные элементы, такие как цели, стратегия

Рис. 1. Фрагмент цифровой экосистемы платформенной экономики

и бизнес-процессы, но и специфические аспекты, связанные с особенностями работы цифровых платформ. Предоставляя инструменты для обмена информацией, транзакций и совместной работы, платформы способствуют формированию новых бизнес-моделей, а интеграция и кооперация участников означает их вхождение в единую среду, где они могут более эффективно взаимодействовать и обмениваться ресурсами. основополагающие принципы работы платформенных компаний приведены в таблице 1 [5], [9], [11].

Анализ приведенных принципов выявил отсутствие применения принципа регулирования ПЭ на макроуровне. Назрела необходимость создания условий для устойчивого развития ПЭ через создание системы государственного правового регулирования.

Таким образом, даже краткий подход к рассмотрению понятия «платформенная экономика» показал, что единого определения на сегодняшний день не выработано, что связано с относительной новизной и ее стремительным развитием. Очевидно, что ЦП — это конкретный цифровой инструмент, технологическая инфраструктура развития ПЭ, обеспечивающая взаимодействия между различными сторонами для создания ценности. Объединение нескольких ЦП на единых принципах работы говорит об их трансформации в цифровую экосистему. Это означает, что платформы не просто существуют отдельно, а интегрируются и взаимодействуют друг с другом, создавая единую среду с общими правилами и стандартами. Подведем итог, ПЭ — это сложная экономическая система, где ЦП и экосистемы выступают связующим звеном между участниками, а ценность платформы возрастает по мере увеличения числа пользователей. Для дальнейшего развития ПЭ необходимо создать условия для прозрачного взаимодействия ее участников.

Эффективность ПЭ подтверждается статистикой: Топ-100 платформ достигли капитализации в 20 трлн долл. и выручки в 3,6 трлн долл., удвоив показатели за последние пять. Их рост опережает мировой ВВП в 4

Таблица 1.

Основные принципы функционирования платформенных компаний

Принцип	Пояснение
Переход от традиционных моделей к цифровым	— замена устаревших процессов и систем, на электронные аналоги, автоматизированные процессы и онлайн-платформы.
Процессный и системный подходы	— процессный подход подразумевает рассмотрение деятельности как совокупности взаимосвязанных процессов, направленных на создание ценности для пользователей платформы. При системном подходе платформа рассматривается как единая система, состоящая из различных взаимосвязанных элементов, направленной на достижение общих целей.
Многосторонность	— платформы объединяют разные группы заинтересованных лиц.
Сетевой эффект	— ценность платформы возрастает по мере увеличения числа пользователей.
Клиентоцентричность	— стремление к максимальному удовлетворению потребностей и ожиданий клиентов, персонализированные услуги, доступ к информации, долгосрочные отношения.
Создание и наращивания ценности	— создания ценности другими участниками. Наращивание ценности зависит от сетевого эффекта, технологических возможностей платформы, монетизации.
Открытость и масштабируемость	— открытость как равный доступ к ЦП всех участников; масштабируемость — как способность обеспечить рост и развитие.
Прозрачность	— открытость и доступность информации, что повышает доверие пользователей и эффективность взаимодействия.
Адаптивность к факторам воздействия	— быстрота реагирования на изменения в спросе, технологиях, предложениях в условиях динамичных изменений внешней среды.

и остальной бизнес в 2 раза. К 2028 году ожидается увеличение ещё на 50 % [11]. Отметим, что пять из самых дорогих компаний (рейтинг 2025) работают по платформенной модели, это технологические компании: Apple, Google, Microsoft, Amazon, NVIDIA. Среди ста компаний, вошедших в рейтинг Топ-100, российская только одна, это транснациональная технологическая компания «Яндекс», занимающая 83 позицию с капитализацией в 20 млрд долл. (май 2025 г.). В глобальном индексе мощности цифровых платформ (2023) Россия делит 7–8 место с Германией — 5,2 балла, лидеры — США, Китай, Япония — соответственно 7,9; 5,8 и 5,6 баллов [11].

Отставание развития ПЭ от лидеров отмечалось на Петербургском международном экономическом форуме 2025, но также и подчеркивалась их ключевая роль в создании новой экономической реальности. А. Шаронов, председатель Наблюдательного совета Ассоциации цифровых платформ отмечает, что в последние годы рост ПЭ значительно ускорился, чему способствовали технологические инновации, цифровизация бизнеса, изменение потребительского поведения, однако, требуется больше внимания уделять вопросам регулирования, налогообложения и защиты прав потребителей [12].

Отметим, присутствие и успехи российских платформенных компаний в различных сферах бизнеса и жизни: электронной коммерции, финансах, здравоохранении, образовании, промышленности, транспортных услугах, доставке еды, социальных сетях, поиске работы, заказе такси, развлечениях, причем многие работают на принципах коллаборации и соконкуренции. Например, крупнейший игрок электронной коммерции, компании Wildberries и Russ, закончили 2024 г. с оборотом в 4,1 трлн руб. (+60 % за год) и оборотом экспорта в 450 млрд руб. Маркетплейс «Озон» обеспечил вклад в ВВП в сумме 2 трлн руб. [10]. По данным исследования аналитического агентства Data Insight лидером рынка российской Интернет-торговли на протяжении многих лет является Wildberries и Ozon, а вот на третье место в 2024 г. успешно продвинулись компании-партнеры экосистемы «Сбера», потеснив ритейл-активы «Яндекса» [13], [14]. Анализ данных показывает, что конкуренция между платформами в эпоху цифровизации заставляет их искать новые возможности и зависит от способности внедрять цифровые технологии, такие как искусственный интеллект (AI), Big Data, интернет вещей (IoT), блокчейн и др. [15]. Так, например, применение технологий AI становится одной из главных составляющих успеха цифровых сервисов, повышая цифровую зрелость государства [16]. Применение современных технологий позволяет оптимизировать процессы, улучшать клиентский опыт и создавать новые бизнес-модели. Экспертами отмечаются особенности цифровых экосистем: единая точка входа для получения услуг, способность быстрого роста благодаря единой IT-инфраструктуре, сетевой эффект [17].

Единая точка входа упрощает взаимодействие пользователей с различными сервисами, входящими в экосистему, общая IT-инфраструктура позволяет сервисам быстро масштабироваться и развиваться, а сетевой эффект означает, что ценность экосистемы возрастает по мере увеличения числа участников.

Развитие ПЭ сопряжено с широким спектром проблем, требующих решения на законодательном уровне: обеспечение защиты персональных данных, борьба с недобросовестной конкуренцией, регулирование трудовых отношений, использование внешних инноваций, предотвращение монополизма и др. В России нормативно-правовое регулирование ЦП и экосистем осуществляют Минэкономразвития, ФАС, Минцифры, Минтруд и др. В конце 2024 г. Минэкономразвития РФ представило проект ФЗ «О платформенной экономике в РФ» на обсуждение общественности, в 2025 г. в Госдуму. Вопросы создания условий для развития и конкуренции отечественных ЦП на внешнем и внутренних рынках являются настолько важными для государства, что президент России, выступая на ПМЭФ-2025, обратился к Госдуме с предложением ускорить принятие законопроекта о ПЭ. Легализация закона позволит регулировать отношения участников ЦП в правовом поле, что может стать действенным инструментом достижения стратегических целей РФ. Уже в июле 2025 г. правительство внесло в Госдуму три законопроекта: № 959244-8 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ»; № 959248-8 о внесении изменений в отдельные законодательные акты; № 9592588-8 о поправках к КоАП об ответственности операторов платформ и продавцов [18]. В законопроекте, впервые в РФ определен понятийный аппарат ПЭ, даются определения таким понятиям как ПЭ, ЦП, посредническая ЦП, пункт выдачи заказов и др. ПЭ — это совокупность имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях. Новшеством является ввод понятия «посредническая ЦП», которая обеспечивает взаимодействие операторов, партнеров и пользователей [18]. Среди основных положений законопроекта: создание реестра посреднических ЦП, обязательные условия идентификации продавца через систему ЕСИА перед допуском на платформу, организация системы досудебного разрешения споров и др. Показан состав игроков платформенных отношений, разработаны базовые принципы взаимодействия платформ с участниками, рассматриваются вопросы ввода санкций за нарушение действий на платформе, упрощается процесс возврата некачественной продукции, вводится запрет на продажу несертифицированной и запрещенной продукции, определен порядок информирования участников, ранжирование поисковой выдачи и другие вопросы.

1 марта 2027 г. планировалось вступление закона в силу, однако из-за важности сферы регулирования ПЭ закон был принят Госдумой 22.07.2025 г. и вступит в действие с 1 октября 2026 г. [18]. Закон будет способствовать: 1) разрешению противоречий в разных сферах ПЭ: правовой, финансовой, технико-технологической, информационной; 2) дальнейшему развитию МСП; 3) формированию современной нормативно-правовой базы; 4) совершенствованию бизнес-процессов в реализации предпринимательской функции; 5) защите покупателей и предпринимателей от недобросовестных практик; 6) прозрачности ведения бизнеса. Однако, ФЗ о ПЭ содержит ряд рисков для бизнеса и потребителей. Ключевые риски для бизнеса включают в себя: 1) возможные административные штрафы для платформ и партнеров, что может стать дополнительной финансовой нагрузкой для компаний; 2) ограничения на ассортимент определенных категорий; требование маркировки товаров, что повлечет увеличение дополнительных затрат на логистику; изменение производственных процессов, системы учета к новым требованиям, возможным штрафам за нарушение маркировки 3) недостаток финансирования на исследования и разработки в области платформенных технологий, что может замедлить развитие ПЭ и инноваций. Отметим ключевые риски для потребителей: 1) снижение предложений со стороны производителей из-за ввода новых регуляторных мер; 2) рост цен на некоторые виды товаров и услуг, снижение качества обслуживания; 3) недостаток технических компетенций сотрудников ПЭ. Перечисленные риски могут замедлить развитие ПЭ в РФ, обострить противоречия между платформами, партнерами и потребителями, повлиять на конкурентную среду. Изучение опыта регулирования ПЭ, начиная с маркетплейсов, должно стать основой для дальнейшего регулирования и других экосистем ПЭ. Среди задач, требующих решений: внедрение законов и правил, регулирующих деятельность платформенных компаний и защищающих права пользователей; обеспечение доступа к высокоскоростному интернету, облачным сервисам и другим технологиям, необходимым для работы платформ; подготовка кадров. Создание условий для добросовестной конкуренции, посредством норм и прозрачных правил для всех участников рынка, приведет к построению доверенной среды в рамках ПЭ, что, в свою очередь, будет способствовать росту экономики за счет повышения эффективности, использования инноваций и удовлетворения потребностей потребителей.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- платформенная экономика — это экономическая модель, сложная экономическая система, основанная на ЦП, которые выступают посредниками и инфраструктурой, обеспечивая прямые взаимодействия между различными участниками для создания ценности. Объединяясь на определенных принципах работы платформы трансформируются в цифровую экосистему, создавая единую среду с общими правилами и стандартами, оказывая значительное влияние на экономику, трансформируя традиционные рынки и создавая новые возможности для роста и инноваций, что говорит о растущей роли цифровых экосистем в современной экономике, а также и о наличии проблем в правовом государственном регулировании;
- определены принципами работы платформенных компаний, их анализ показал, что не в полной мере учитывается принцип правового регулирования ПЭ: баланс интересов всех участников, защита прав потребителей, соблюдение законодательства. Остро стоит вопрос о необходимости создания условий для устойчивого развития ПЭ через формирование системы государственного правового регулирования;
- ФЗ «О платформенной экономике в РФ» будет способствовать разрешению противоречий в правовой, финансовой, технико-технологической, информационной сферах, дальнейшему развитию МСП, защите покупателей от недобросовестных практик;
- ФЗ о ПЭ содержит ряд рисков для бизнеса, потребителей и государства, которые могут замедлить развитие ПЭ в РФ, обострить противоречия между ЦП, партнерами и потребителями, влиять на конкурентную среду, поэтому обсуждение спорных вопросов, выработка решений с учетом мнения всех заинтересованных сторон должно стать обязательным условием для дальнейшего формирования правового поля других экосистем ПЭ.

Таким образом, для обеспечения дальнейшего устойчивого и сбалансированного развития ПЭ необходимо сформировать систему государственного правового регулирования, это сложный процесс, который требует учета множества факторов и согласования интересов государства, бизнеса, пользователей. Однако, правильно выстроенная система может стать мощным инструментом развития платформенной экономики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срничек, Н. Капитализм платформ [Текст] / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.
2. Олейник, Н.М. Цифровая трансформация российского рынка электронной розничной торговли / Н.М. Олейник // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2021. — № 3(129). — С. 92–97.
3. Доклад о цифровой экономике 2019 [Электронный ресурс] // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения 05.07.2025).
4. Меспорян, В.Р. Цифровые платформы — новая рыночная власть. М.: 2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (дата обращения 05.07.2025).
5. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. — 72 с.
6. Poell, T., Nieborg, D., & van Dijck, J. Platformisation. Internet Policy Review, 2019 8(4). [Электронный ресурс] // URL: <https://policyreview.info/concepts/platformisation> (дата обращения 05.07.2025).
7. Паркер Джеффри, Маршалл ван Альстин, Чаудари Санджит. Революция платформ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
8. Талин, Б., Платформенная экономика — определение и объяснение будущего цифрового мира [Электронный ресурс] // URL: (дата обращения 05.07.2025).
9. Sheposh, R., Platform economy. Published in: 2025. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ebsco.com/research-starters/technology/platform-economy#:~:text=The%20platform%20economy%20is%20characterized,without%20needing%20to%20hold%20inventory> (дата обращения 05.07.2025).
10. Официальный сайт Ассоциации цифровых платформ [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80a4au.xn--c1avg/> (дата обращения 05.07.2025).
11. Соколов Д. Передовики производства и потребления. Как платформы поделили мировые рынки [Электронный ресурс] // URL: https://expert.ru/rating-arkhiv_r/ekonomikar/renking-100-krupneyshikh-mirovykh-platform/peredoviki-proizvodstva-i-potrebleniya/ (дата обращения 05.07.2025).
12. Цифровой шторм: как технологии, регулирование и инновации меняют платформы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.comnews.ru/content/238838/2025-05-12/2025-w20/1013/cifrovoy-shtorm-kak-tehnologii-regulirovanie-i-innovacii-menyayut-platformy> (дата обращения 05.07.2025).
13. Рейтинг ТОП-100 крупнейших российских интернет-магазинов [Электронный ресурс] // URL: <https://top100.datainsight.ru/> (дата обращения 05.07.2025).
14. Интернет-торговля в России 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения 05.07.2025).
15. Рейтинг крупнейших технологических компаний BigTech 100 [Электронный ресурс] // URL: <https://smart ranking.ru/ru/ranking/big-tech/> (дата обращения 05.07.2025).
16. Олейник, Н.М. Текущие тенденции и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в экономику и государственное управление / Н.М. Олейник // Первый экономический журнал. — 2024. — № 10 (352). — С. 159–170.
17. Как цифровые платформы меняют экономику [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/68407d3c9a7947268f72e7f6> (дата обращения 05.07.2025).
18. Совет Законодателей РФ. Законопроект № 959244-8 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959244-8> (дата обращения 27.07.2025).

© Олейник Наталья Михайловна (oleynik-nm@ranepa.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

MODERN METHODS OF BUSINESS PROCESS MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE OIL AND GAS SECTOR

**M. Sinelnikov
P. Bodunov**

Summary. The article examines modern business process management techniques relevant to the Russian oil and gas sector in the context of innovative development and digital transformation. The oil and gas industry, being the backbone of the Russian economy, is facing challenges that require increased operational efficiency, lower costs, and increased management flexibility. The purpose of the work is to analyze and adapt advanced approaches to business process management, such as intelligent process automation, «low-code/no-code» platforms, agent-based process management and Internet of Things integration, to industry specifics. Special attention is paid to overcoming the challenges associated with the scale of enterprises, the complexity of end-to-end processes and the need for import substitution of technologies. Based on the analysis of current trends and practices, a concept is proposed for the implementation of a process-oriented management model that helps achieve the strategic goals of oil and gas companies in an unstable environment. It is proved that the synergy of technologies and methodologies of business process management is the main factor in increasing the competitiveness of the Russian oil and gas sector in the global market. Based on the conducted research, the author's development is proposed — an Iterative model of BPM transformation for oil and gas companies, which visualizes a cyclical and holistic approach to the implementation of modern business process management techniques. The proposed model can serve as a roadmap for Russian oil and gas companies embarking on digital transformation. It avoids the common mistake of chaotic technology adoption without building a stable process architecture and organizational support. The model is open and can be supplemented with specific tools and techniques for each stage.

Keywords: business Process Management, Business Process Management, BPM, oil and gas sector, digital transformation, intelligent automation, low-code, innovation, operational efficiency.

Синельников Михаил Дмитриевич

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Череповецкий государственный университет»
2rist89@rambler.ru

Бодунов Павел Артемович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Череповецкий государственный университет»
pavel.art36@gmail.ru

Аннотация. В статье исследуются современные методики управления бизнес-процессами, актуальные для нефтегазового сектора России в условиях инновационного развития и цифровой трансформации. Нефтегазовый комплекс, являясь основой российской экономики, сталкивается с вызовами, требующими повышения операционной эффективности, снижения затрат и усиления гибкости управления. Цель работы — анализ и адаптация передовых подходов управления бизнес-процессами, таких как интеллектуальная автоматизация процессов, «low-code/no-code» платформы, агентское управление процессами и интеграция интернета вещей, к специфике отрасли. Особое внимание уделяется преодолению вызовов, связанных с масштабностью предприятий, сложностью сквозных процессов и необходимостью импортозамещения технологий. На основе анализа современных трендов и практик предлагается концепция внедрения процессно-ориентированной модели управления, способствующей достижению стратегических целей нефтегазовых компаний в условиях нестабильности. Доказывается, что синергия технологий и методологий управления бизнес-процессами является главным фактором повышения конкурентоспособности российского нефтегазового сектора на мировом рынке. На основе проведенного исследования предложена авторская разработка — Итеративная модель BPM-трансформации для нефтегазовых компаний, которая визуализирует циклический и целостный подход к внедрению современных методик управления бизнес-процессами. Предложенная модель может служить дорожной картой для российских нефтегазовых компаний, начинающих цифровую трансформацию. Она позволяет избежать распространенной ошибки — хаотичного внедрения технологий без построения устойчивой процессной архитектуры и организационной поддержки. Модель является открытой и может быть дополнена конкретными инструментами и методиками для каждого этапа.

Ключевые слова: управление бизнес-процессами, Business Process Management, BPM, нефтегазовый сектор, цифровая трансформация, интеллектуальная автоматизация, low-code, инновации, операционная эффективность.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью фундаментальной оптимизации операционной деятельности предприятий нефтегазового комплекса России в контексте инновационного развития. Отрасль характеризуется капиталоемкостью, сложностью технологических циклов, распределенностью активов и высокой зависимостью от конъюнктуры мировых рынков. В современных условиях, включающих в себя как внешние вызовы (санкционное давление, энергетический переход), так и внутренние задачи (освоение новых месторождений, повышение коэффициента извлечения углеводородов, снижение себестоимости добычи), традиционные, зачастую разрозненные, подходы к управлению демонстрируют свою ограниченность [4, 6]. Цифровая трансформация становится императивом, а управление бизнес-процессами — ее стратегическим стержнем, позволяющим трансформировать разрозненные ИТ-инвестиции (в системы класса ERP, CRM, MES) в целостную, гибкую и эффективную операционную модель [2]. Целью статьи является систематизация современных методик управления бизнес-процессами (Business Process Management, BPM) и разработка на их основе практических рекомендаций по повышению операционной эффективности предприятий нефтегазового сектора России. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении современных BPM-трендов (таких как агентское управление процессами, фоновый ИИ, синергия BPM и IoT) применительно к специфическим условиям и задачам российских нефте-

газовых компаний. Предлагается подход к построению интегрированной системы управления, сочетающей технологические инновации с организационными изменениями, включая создание процессного офиса и внедрение кросс-функциональной архитектуры процессов.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и систематизации. В работе использованы материалы современных российских и международных исследований в области управления бизнес-процессами, аналитические отчеты консалтинговых компаний, а также практические кейсы, представленные на отраслевых конференциях, таких как «Системная практика управления бизнес-процессами-2025».

Результаты и обсуждения

Специфика нефтегазовой отрасли требует от методик управления бизнес-процессами не только технологической продвинутой, но и способности работать в условиях высоких рисков, сложной регуляторики и масштабных инвестиционных проектов. Анализ показывает, что наиболее релевантными являются подходы, представленные в таблице 1.

Однако внедрение современных методик требует комплексного подхода, затрагивающего технологические, методологические и организационные аспекты.

Таблица 1.

Соответствие современных BPM-методик задачам нефтегазового сектора

Методика/ Технология	Характеристика возможностей	Применение в нефтегазовом секторе	Ожидаемый эффект
Интеллектуальная автоматизация (IPA)	Автоматизация неструктурированных процессов, прогнозная аналитика, обработка естественного языка (NLP)	Автоматизация анализа геолого-разведочных данных, обработка договоров, предиктивное техническое обслуживание (Predictive Maintenance) оборудования.	Сокращение сроков обработки данных, снижение количества внеплановых простоев, минимизация человеческих ошибок.
Low-Code/ No-Code платформы	Ускоренная разработка приложений силами бизнес-пользователей, высокая гибкость и адаптивность	Быстрое создание инструментов для управления локальными процессами (напр., заявки на СИЗ, учет эксплуатации скважин), интеграция унаследованных (legacy) систем.	Снижение нагрузки на ИТ-департаменты, ускорение цифровизации отдельных участков, повышение вовлеченности сотрудников.
Агентское управление (APM)	Децентрализованное принятие решений ИИ-агентами в рамках заданных правил	Оптимизация цепочек поставок в реальном времени, динамическое перераспределение ресурсов на крупных производственных объектах.	Повышение устойчивости и адаптивности логистических и производственных систем.
BPM + IoT	Мониторинг состояния активов в режиме реального времени, удаленное управление	Оснащение буровых установок, трубопроводов, перерабатывающих заводов датчиками для контроля параметров и предотвращения аварий.	Повышение промышленной безопасности, оптимизация расходов на эксплуатацию, прозрачность использования активов.

Источник: составлено автором по данным [1, 3–5]

Прежде всего, следует рассмотреть переход от «лоскутной автоматизации» к сквозной процессной оркестровке (BOAT). Для нефтегазовых компаний, исторически накапливавших различные ИТ-системы (1С, SAP, CRM, GIS), характерна проблема «лоскутной автоматизации», когда данные и процессы разорваны между изолированными системами [7]. Это создает «узкие места», снижает прозрачность и скорость принятия решений. Решением является внедрение подхода Business Orchestration and Automation Technology (BOAT), который предполагает создание единой платформы для оркестровки сквозных процессов, таких как «управление капитальным строительством», «обслуживание месторождения» или «подготовка и проведение закупок» [9]. Такая платформа не заменяет существующие системы, а интегрирует их, обеспечивая бесшовное прохождение задач и данных через все этапы процесса, что особенно актуально для сложноорганизованных холдингов [8].

Немаловажным аспектом является также развитие организационной структуры, где необходимо детально рассмотреть роль процессного офиса. Технологические инновации не принесут результата без соответствующей организационной поддержки. Основным элементом является создание процессного офиса, который берет на себя функции методологического центра, отвечает за описание, анализ, оптимизацию и контроль исполнения процессов. Как показала практика внедрения в компаниях, подобных ГК «ИНК» и «КОМОС ГРУПП», успех обеспечивает вовлечение не только топ-менеджмента, но и линейных руководителей, а также рядовых сотрудников, которые являются носителями знаний о реальных процессах [8]. Важной задачей процессного офиса является построение бизнес-архитектуры компании, которая обеспечивает прозрачность и выстраивает взаимосвязь между стратегией, процессами, исполнителями и информационными системами [2, 8].

Кроме того, нефтегазовые компании генерируют колоссальные объемы данных. Современные BPM-системы все чаще включают модули процессной аналитики (Process Intelligence), которые позволяют в режиме,

близком к реальному времени, отслеживать KPI процессов, выявлять узкие места и bottlenecks, а также моделировать сценарии улучшений [9, 10]. Например, анализ данных о времени выполнения этапов ремонтных работ на месторождении позволяет оптимизировать логистику запчастей и загрузку бригад, что напрямую влияет на сокращение простоев и себестоимость добычи.

Несмотря на очевидные преимущества, трансформация системы управления бизнес-процессами сопряжена с рисками. Изменение устоявшихся процедур часто встречает непонимание и сопротивление со стороны сотрудников. Поэтому необходима продуманная программа управления изменениями и непрерывного обучения. Также следует отметить сложность интеграции новых BPM-решений с унаследованными системами, что может привести к значительным затратам и затягиванию проектов. Тогда как повышение уровня цифровизации и интеграция IoT-устройств расширяют поверхность для потенциальных кибератак, что требует усиления мер защиты данных и критической инфраструктуры [2, 4].

На основе проведенного исследования предложена авторская разработка — Итеративная модель BPM-трансформации для нефтегазовых компаний (ИМБПМ-НГК), которая визуализирует циклический и целостный подход к внедрению современных методик управления бизнес-процессами (рис. 1).

В отличие от линейных моделей, данная схема представляет собой непрерывный цикл, что позволяет адаптировать подход в условиях высокой неопределенности нефтегазового рынка. Этап быстрой корректировки (петля обратной связи) позволяет оперативно исправлять ошибки. Модель намеренно начинается не с выбора технологии, а с создания организационной основы — процессного офиса (Центра компетенций). Это подчеркивает, что успех трансформации на 70% зависит от людей и управления. На этапе анализа (AS-IS) акцент делается не на субъективных опросах, а на сборе и анализе объективных данных (Process Mining), что критически важно для технически сложной отрасли. Данная

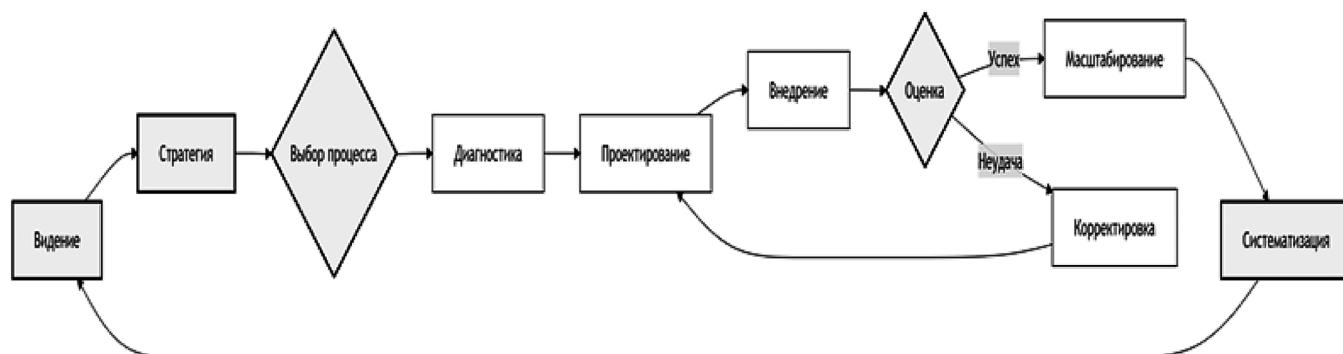

Рис. 1. Итеративная модель BPM-трансформации для нефтегазовых компаний

Источник: составлено автором

модель явным образом интегрирует различные рассмотренные в статье методики: BOAT (на этапе внедрения), IPA и LCNC (на этапе проектирования), Agile (на этапе внедрения). Приоритизация процессов на этапе 1 предлагается проводить по критериям, релевантным для НГК: влияние на себестоимость добычи, промышленную безопасность, скорость вывода месторождения на проектную мощность.

Предложенная модель может служить дорожной картой для российских нефтегазовых компаний, начинающих цифровую трансформацию. Она позволяет избежать распространенной ошибки — хаотичного внедрения технологий без построения устойчивой процессной архитектуры и организационной поддержки. Модель является открытой и может быть дополнена конкретными инструментами и методиками для каждого этапа.

Дальнейшие исследования видятся в детальной проработке отраслевых кейсов внедрения конкретных BPM-методик на российских нефтегазовых предприятиях, а также в анализе эффективности различных моделей процессных офисов в условиях холдинговых структур.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что современные методики управления бизнес-процессами

обладают значительным потенциалом для повышения эффективности и инновационного развития нефтегазового сектора России. Успешная цифровая трансформация отрасли возможна только на основе целостного, процессно-ориентированного подхода. Технологическим ядром трансформации должны стать платформы, обеспечивающие интеллектуальную автоматизацию и сквозную оркестровку процессов, интегрированные с IoT-инфраструктурой. Это позволит перейти от реагирования на проблемы к проактивному и предиктивному управлению. Основным организационным элементом является создание процессного офиса, который обеспечит методологическое единство, вовлечение персонала и непрерывное улучшение процессов на всех уровнях управления. Управление, основанное на данных (Data-Driven BPM), становится конкурентным преимуществом, позволяя принимать более обоснованные операционные и стратегические решения. При этом для минимизации рисков внедрения необходим комплексный подход, включающий не только выбор технологий, но и активную работу с персоналом, усиление кибербезопасности и поэтапную реализацию проектов с быстрым получением измеримых результатов. На основе проведенного исследования предложена авторская разработка — Итеративная модель BPM-трансформации для нефтегазовых компаний (ИМБПМ-НГК), которая визуализирует циклический и целостный подход к внедрению современных методик управления бизнес-процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, О.Ф. Цифровая трансформация бизнес-модели предприятия нефтегазовой отрасли / О.Ф. Васильева, М.П. Галимова // Вестник научных конференций. — 2023. — № 12-1(100). — С. 23–27.
2. Современные подходы к управлению бизнес-процессами // AppTask. — URL: <https://apptask.ru/blog/sovremennyye-podkhody-k-upravleniyu-biznes-processami> (дата обращения: 25.09.2025).
3. ТОП-13 систем для управления бизнес-процессами в 2025 году // Kickidler. — URL: <https://www.kickidler.com/ru/info/top-sistem-dlya-upravleniya-biznes-processami> (дата обращения: 25.09.2025).
4. Тренды BPM-систем в 2025 году // Comindware. — URL: <https://www.comindware.ru/blog/bpms-trends/> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Тренды автоматизации бизнес-процессов в 2025 году // 42Clouds. — URL: <https://42clouds.com/ru-ru/blog/trends/trendy-avtomatizacii-biznes-processov-v-2025-godu/> (дата обращения: 25.09.2025).
6. Управление бизнес-процессами: руководство 2025 // Active Sales Group. — URL: <https://activesalesgroup.ru/upravlenie-biznes-protsessami/> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Устаревшие ERP-решения становятся камнем на шее для нефтегазовых компаний // КОРУС Консалтинг. — URL: <https://korusconsulting.ru/press-centr/ustarevshie-erp-resheniya-stanovyatsya-kamnem-na-shee-dlya-neftegazovykh-kompaniy/?ysclid=mg0g0vfbmb226024775> (дата обращения: 25.09.2025).
8. VI ежегодная конференция «Системная практика управления бизнес-процессами-2025» // Business Studio. — URL: https://www.businessstudio.ru/events/event/vi_ezhegodnaya_konferentsiya_sistemnaya_praktika/ (дата обращения: 25.09.2025).
9. Reale B. S. 2025 Predictions for Business Process Automation (BPA) and Orchestration // ProcessMaker. — URL: <https://www.processmaker.com/blog/2025-predictions-for-business-process-automation-bpa-and-orchestration/> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Top 10 Business Process Automation Trends to Watch in 2025 // FlowForma. — URL: <https://www.flowforma.com/blog/business-process-automation-trends> (дата обращения: 25.09.2025).

© Синельников Михаил Дмитриевич (2rist89@rambler.ru); Бодунов Павел Артемович (pavel.art36@gmail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОТРАСЛЯХ СВЯЗИ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

PROBLEMS OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE COMMUNICATIONS AND TELECOMMUNICATION INDUSTRIES

S. Sternik

Summary. The Russian communications and telecommunications industries are currently forced to operate under unprecedented geopolitical pressure, expressed in large-scale sanctions imposed by Western countries in the form of significant restrictions on the supply of critical telecommunications equipment and technologies to the Russian Federation. Under these conditions, the import substitution of equipment in the communications and telecommunications industries is becoming one of the key factors in ensuring the functioning of the telecommunications infrastructure, maintaining the competitiveness of domestic operators and, ultimately, the technological sovereignty of the country. The article highlights the threats to the competitiveness of companies in the communications and telecommunications industries in Russia under sanctions pressure. The author summarizes the problems of import substitution in the communications and telecommunications industries in the Russian Federation and develops proposals for their solution. The article will be of interest to managers and specialists of telecommunications companies, as well as to researchers dealing with issues and problems of import substitution and economic security in the face of external constraints.

Keywords: import substitution, investments, investment strategies, innovations, competitiveness, communications and telecommunications industry, sanctions, telecommunications infrastructure, telecommunications equipment.

Стерник Сергей Геннадьевич

д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН;
профессор, Финансовый университет
при правительстве РФ
sergey-sternik@yandex.ru

Аннотация. Российские отрасли связи и телекоммуникаций в настоящее время вынуждены функционировать в условиях беспрецедентного геополитического давления, выраженного в масштабных санкциях, введенных странами Запада в виде существенных ограничений на поставки критически важного телекоммуникационного оборудования и технологий в Российскую Федерацию. В этих условиях импортозамещение оборудования в отраслях связи и телекоммуникаций становится одним из ключевых факторов обеспечения функционирования телекоммуникационной инфраструктуры, сохранения конкурентоспособности отечественных операторов и, в конечном итоге, технологического суверенитета страны. В статье выделены угрозы конкурентоспособности компаний отраслей связи и телекоммуникаций в России в условиях санкционного давления. Автором обобщены проблемы импортозамещения в отраслях связи и телекоммуникаций в Российской Федерации и разработаны предложения по их решению. Статья будет представлять интерес для менеджеров и специалистов телекоммуникационных компаний, а также для исследователей, занимающихся вопросами и проблемами импортозамещения и экономической безопасности в условиях внешних ограничений.

Ключевые слова: импортозамещение, инвестиции, инвестиционные стратегии, инновации, конкурентоспособность, отрасль связи и телекоммуникаций, санкции, телекоммуникационная инфраструктура, телекоммуникационное оборудование.

Отрасли связи и телекоммуникаций составляют основу шестого технологического уклада и таким образом обеспечивают эффективность функционирования всех прочих отраслей и хозяйственных комплексов страны. Именно поэтому от состояния оборудования отраслей связи и телекоммуникаций будут во многом зависеть и общая производительность труда в масштабах национального хозяйства, и темпы экономического роста, и многие другие отраслевые, региональные и макроэкономические показатели.

Что касается российской экономики, то отечественные отрасли связи и телекоммуникаций в процессе своего функционирования вынуждены приспосабливаться к работе в условиях антироссийских санкций со стороны стран Запада, в рамках которых страны Европейского со-

юза и США ввели ограничения на экспорт в Россию полупроводников, телекоммуникационного оборудования, электронных компонентов и других важных технологических элементов.

В этих условиях особый интерес для теоретиков и практиков представляет исследование проблем импортозамещения оборудования в российских отраслях связи и телекоммуникаций. Именно это и выступает целью нашего исследования

Следует отметить, что проблемам импортозамещения в отраслях российской промышленности в российской науке уделяется достаточно много внимания. В частности, российские ученые рассматривают механизмы управления интенсификацией импортозамеще-

ния на основе технологических инноваций (Т. А. Оруч [1], С. В. Ильина [2], И. Н. Макаров и др. [3]), акцентируя внимание на том, что импортозамещение выступает фактором экономической безопасности страны (О. Г. Горцевская [4]).

Что касается специфики функционирования отраслей связи и телекоммуникаций, то оценивая их современное состояние и перспективы развития, эксперты пишут о том, что «телекоммуникационные технологии являются основой современной цифровой экономики, обеспечивая передачу данных, связь и интернет-доступ» (С. Чарыев, Д. Базарова, Г. Гуртмырадова, С. Мухаммедов [5, С. 18–19]). П.А. Симаев, проводя обзор отрасли телекоммуникаций в России, делает вывод о том, что «мобильные технологии и подключения доминируют в телекоммуникациях сегодня, и нет никаких сомнений в том, что этот тренд будет только усиливаться в связи с потенциалом развертывания сетей следующего поколения (5G)», при этом «рынок услуг связи и телекоммуникаций в России продолжает переживать значительные преобразования, связанные с тенденцией консолидации, а также с тем, что инновационное развитие общества предъявляет более высокие требования к отрасли» [6, С. 18–23]. Многие авторы рассматривают угрозы конкурентоспособности компаний отраслей связи и телекоммуникаций в России. В частности, об этом пишут Д.С. Ивкина [7], А. Сигарев, М. Косов [8]. Говоря об угрозах конкурентоспособности компаний отраслей связи и телекоммуникаций в России, в качестве первоочередной угрозы следует выделить сокращение возможностей для экстенсивного развития инфраструктуры, обусловленное не только прекращением доступа к ключевому телекоммуникационному оборудованию от ведущих мировых поставщиков, но и общесистемным снижением способности генерировать внутренние инвестиции. При этом на фоне общего инфляционного фона в экономике отрасль сталкивается с феноменом удешевления услуг связи, что снижает маржинальность бизнеса и ограничивает финансовый ресурс для проведения необходимого импортозамещения и внедрения инноваций. Более того, увеличение требовательности потребителей к качеству услуг связи вступает в противоречие с вынужденной тактикой операторов по поддержанию работоспособности сетей за счет имеющихся запасов, что сдерживает инновационное развитие и замедляет сокращение продолжительности технологических циклов.

Несомненно, огромную роль в процессе решения проблем, стоящих перед отраслями связи и телекоммуникаций, принадлежит государству. В данном контексте М.А. Квасникова отмечает, что важнейшей функцией государства является стимулирование национальных и иностранных инвестиций в сферу телекоммуникаций [9, С. 237–241], а Л.В. Улезлова указывает на то, что «проводимая государством тарифная политика в отрасли, по-

зволяет достичь конкурентоспособности в отрасли связи и телекоммуникаций при помощи антимонопольного законодательства», при этом «государственное регулирование оказывает влияние на инвестиционную привлекательность отрасли, повышение конкурентоспособности и дальнейшее своевременное развитие отрасли связи и телекоммуникаций» [10, С. 59–63].

Важно подчеркнуть, что вопросы импортозамещения в отраслях связи и телекоммуникаций российские ученые начали поднимать уже более 10 лет назад. Еще в 2015 г. А.Р. Маннапов, Т.Я. Якубов, А.В. Гаврилов в своем исследовании выявили значимые причины предпочтения потребителями телекоммуникационного оборудования зарубежного производства, а в качестве иллюстрации негативного положения дел привели примеры использования разнообразных программных и аппаратных «закладок», создания «экономических ловушек» для российских потребителей со стороны иностранных вендоров, отказов в поставках и сервисном обслуживании приобретенного оборудования для сетей связи [11, С. 2–14]. Соответственно, 10 лет назад А.Р. Маннапов, Т.Я. Якубов, А.В. Гаврилов писали о целесообразности серьезных ограничений (вплоть до полного запрета) использования телекоммуникационного оборудования иностранного происхождения при построении критически важных российских сетей и предлагали практические соображения по импортозамещению в области телекоммуникационного оборудования в части разработки базовых платформ и формирования продуктовых линеек для решения задач модернизации и развития существующих сетей связи или строительства новых [11, С. 2–14].

Р.Ф. Абдрашитов, Н.М. Кучукова, анализируя проблемы импортозамещения, пришли к выводу о том, «что отрасль телекоммуникаций в России продолжит развиваться, сменив нынешний драйвер роста — сотовую связь на экосистемные приложения и сервисы информационной безопасности» [12, С. 119–129]. Кроме того, рассматривая отрицательное влияние санкционных ограничений на развитие отрасли телекоммуникаций в России, Р.Ф. Абдрашитов, Н.М. Кучукова среди ключевых проблем указывают «дефицит оборудования и рост цен на него, а также сжатые сроки импортозамещения, требуемые от производителей», и проблемы дефицита кадров [12, С. 119–129].

Н.Е. Холодов в статье, посвященной оценке уровня импортозависимости отраслей экономики Российской Федерации в условиях санкций, отмечает, что масштабный экзогенный шок, спровоцированный выводом из российского рынка ключевых международных поставщиков телекоммуникационного оборудования — в частности, таких корпораций, как Nokia, Ericsson и Cisco — оказал деструктивное воздействие на функ-

ционирование отрасли связи и телекоммуникаций [13, С. 106]. Первоочередной проблемой, возникшей вследствие этого, является дефицит критически важного оборудования, необходимого для поддержания и развития сетевой инфраструктуры. Анализ альтернативных инвестиционных стратегий, включая потенциальное переключение на сотрудничество с крупными азиатскими производителями, не может служить долгосрочным решением. Подобная переориентация несет в себе стратегический риск, поскольку сохраняется высокая вероятность возникновения новых политико-экономических ограничений, что, в свою очередь, нивелирует возможность формирования устойчивых отечественных конкурентоспособных аналогов и, следовательно, подрывает цели импортозамещения. В текущих условиях операторы вынуждены были перейти к тактике поддержания операционной устойчивости существующих каналов связи. Это выражается в вынужденной приостановке программ развития инфраструктуры и свертывании долгосрочных инвестиционных программ. Для обеспечения базовой работоспособности систем используется декомпозиция имеющихся ресурсов: задействуются складские запасы и осуществляется перераспределение телекоммуникационного оборудования с наименее загруженных участков сети на более критичные и высоконагруженные сегменты. Критическим следствием данного дисбаланса является невозможность обеспечения качественного технологического развития. Увеличение нагрузки на мобильные сети, вызванное перманентным ростом абонентской базы и трафика (тенденция, сохраняющаяся с 2021 г.), в условиях отсутствия поставок нового оборудования и невозможности его локализованного производства, объективно препятствует повышению качества и скорости связи, а также сдерживает инновации в секторе. По мнению Н.Е. Холодова, сохранение санкционного режима несет в себе перманентную угрозу полной остановки технологической модернизации отрасли [13, С. 106]. Более того, общий вывод таких экспертов, как Л.С. Зеленцова, Е.В. Солодовник, Т.С. Романишина и других, звучит следующим образом: в целом телекоммуникации являются весьма импортозависимой отраслью, и быстрых изменений в ней не предвидится [14, С. 310–312].

Следует подчеркнуть, что телекоммуникационное оборудование является активом, который достаточно быстро устаревает, т.е. подвергается моральному и физическому износу. Срок службы активного телекоммуникационного оборудования (серверов, коммутаторов, маршрутизаторов и т.д.) обычно составляет 5–10 лет, после чего требуется их замена или модернизация для обеспечения эффективной работы. Срок службы пассивного телекоммуникационного оборудования, такого как кабели, разъемы и т.д., намного выше и может достигать 25 лет. Но данный тип оборудования не является критически важным.

Несмотря на всю сложность геополитической обстановки, после ухода с российского рынка западных компаний-вендоров (Cisco, Huawei и других) в России уже достигнуты определенные успехи в сфере импортозамещения телекоммуникационного оборудования. В частности, объем российского рынка телекоммуникационного оборудования по итогам 2024 г. вырос на 10 % по сравнению с 2023 г. и достиг 350 млрд руб. [15]. Это, конечно, слабо сопоставимо с мировыми масштабами. Так, по данным за 2024 г. объем мирового рынка телекоммуникационного оборудования оценивается в 314,6 млрд долл. США со среднегодовыми темпами роста в размере 7,5 %, в том числе на 2025–2034 гг. [16]. Тем не менее среднегодовые темпы роста рынка в 10 % позволяют надеяться на то, что импортозамещение телекоммуникационного оборудования в России имеет хорошие перспективы.

Среди ведущих российских компаний, выпускающих телекоммуникационное оборудование, можно отметить Eltex, Fplus, Qtech и Yadro.

Кроме того, достаточно динамично развивается и российский рынок серверного оборудования. В 2024 г. доля российских производителей серверов достигла 43,0 % [17]. На этом рынке российская компания Yadro является одним из крупнейших производителей.

Проведенное исследование позволяет обобщить существующие проблемы импортозамещения в отраслях связи и телекоммуникаций в Российской Федерации и предложить некоторые пути их решения (см. таблица 1).

Таблица 1 наглядно демонстрирует многообразие проблем, возникающих в процессе импортозамещения в отраслях связи и телекоммуникаций России. Среди основных трудностей выделяются высокая степень зависимости от иностранных поставок, недостаточный собственный производственный потенциал, нехватка квалифицированных специалистов, необходимость быстрой адаптации к изменениям рынка и сложность сертификации отечественной продукции. Вместе с тем для эффективного преодоления указанных проблем представляется необходимой разработка и реализация мер государственной поддержки, развитие локальных производств, улучшение кадрового состава и активизация научно-технических исследований.

В целом, хотя проблема импортозамещения остается актуальной и сложной, активные шаги правительства и бизнеса позволяют постепенно преодолевать препятствия и укреплять позиции российских компаний в телекоммуникационной отрасли.

Таблица 1.
Проблемы импортозамещения в отраслях связи
и телекоммуникаций в Российской Федерации
и предложения по их решению

№ п/п	Проблемы импортозамещения	Предложения по их решению
1.	Высокая зависимость от импорта комплектующих, достигающая 90 %. Сложности с доступом к технологиям и компонентам из-за действующих санкций	Развитие внутреннего производства и разработка собственных аналогов. Поддержка совместных российско-китайских и других международных проектов, переориентация на Восток
2.	Отсутствие полноценной замены иностранному оборудованию, способному обеспечить надежную и качественную работу сети	Стимулирование инвестиций в разработку и внедрение современных отечественных решений
3.	Дефицит кадров, недостаточная квалификация инженерно-технического персонала для обслуживания нового оборудования	Организация специализированных курсов и повышение квалификации сотрудников. Привлечение молодых специалистов через образовательные программы и стажировки
4.	Ограниченность ресурсов и финансирования, замедляющая темпы импортозамещения	Увеличение бюджетных ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
5.	Необходимость адаптации существующих стандартов и требований к российскому оборудованию	Корректировка законодательной базы и технических регламентов
6.	Угроза кибербезопасности вследствие использования иностранного оборудования, потенциально подверженного воздействию извне	Создание и внедрение отечественных систем информационной безопасности
7.	Медленные темпы принятия новых решений и недостаточное доверие к качеству отечественной продукции	Активная работа с предприятиями-заказчиками и демонстрация эффективности отечественных решений
8.	Необходимость повышения конкурентоспособности российских предприятий в условиях глобального рынка телекоммуникаций	Повышение качества продукции, снижение себестоимости, расширение ассортимента выпускаемой продукции
9.	Низкий уровень локализации производства компонентов и отсутствие полной производственной цепочки в пределах одной страны	Формирование полного цикла производства на территории России

№ п/п	Проблемы импортозамещения	Предложения по их решению
10.	Недостаточный объем исследований и разработок в области передовых телекоммуникационных технологий	Расширение сотрудничества с научными организациями и университетами
11.	Невысокая мотивация пользователей переходить на новое оборудование из-за опасения сбоев и нестабильной работы	Проведение масштабных пилотных испытаний и демонстрации стабильности и надежности отечественного оборудования
12.	Сложности стандартизации и сертификации отечественного оборудования, затрудняющие его продвижение на внутренний и внешний рынки	Упрощение процедур сертификации и гармонизация стандартов
13.	Необходимость быстрого освоения и развертывания инновационных технологий, обеспечивающих конкурентоспособность российских компаний	Государственное стимулирование исследовательской деятельности и создание благоприятных условий для коммерциализации идей
14.	Трудности интеграции российских решений в существующие инфраструктуру и процессы международного взаимодействия	Участие в разработке международных стандартов и сотрудничество с международными партнерами
15.	Высокие затраты на обновление устаревшего оборудования, приобретенного ранее	Постепенный переход на новую технику с использованием лизинга и кредитных инструментов
16.	Ограниченные производственные мощности	Модернизация заводов
17.	Недостаточно эффективное взаимодействие между наукой, промышленностью и государственными структурами	Создание интегрированной системы координации действий между всеми участниками процесса импортозамещения
18.	Нехватка финансовых стимулов для привлечения инвесторов в долгосрочные проекты импортозамещения	Предоставление налоговых льгот и гарантий инвесторам, заинтересованным в развитии импортозамещающего производства

Источник: Составлено автором на основании [18, 19]

ЛИТЕРАТУРА

1. Оруч Т.А. Механизм управления интенсификацией импортозамещения в промышленности на основе технологических инноваций / Т.А. Оруч // Первый экономический журнал. — 2023. — № 8(338). — С. 97–103. — DOI 10.58551/20728115_2023_8_97.
2. Ильина С.В. Роль и перспективы производства компонентов в российском машиностроении на пути к импортозамещению. На примере производства гидравлики / С.В. Ильина // Первый экономический журнал. — 2024. — № 12(354). — С. 33–40. — DOI 10.58551/20728115_2024_12_33.
3. Макаров И.Н. Трансформация институциональных основ и механизмов экономической политики как фактор импортозамещения в России в условиях санкционного давления и внешнеэкономических угроз / И.Н. Макаров и др. // Экономические отношения. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 651–670. — DOI 10.18334/eo.12.4.116909.
4. Горцевская О.Г. Импортозамещение как фактор экономической безопасности / О.Г. Горцевская // Первый экономический журнал. — 2025. — № 3(357). — С. 34–44. — DOI 10.58551/20728115_2025_3_34.
5. Чарыев С. Телекоммуникационные технологии: современное состояние и перспективы развития / С. Чарыев, Д. Базарова, Г. Гуртмырадова, С. Мухаммедов // Символ науки: международный научный журнал. — 2025. — Т. 1, № 3-1. — С. 18–19.
6. Симаев П.А. Обзор отрасли телекоммуникаций в России за период 2015–2021 года / П.А. Симаев // Обществознание и социальная психология. — 2022. — № 3-2(33). — С. 18–23.
7. Ивкина Д.С. Методы оценки конкурентоспособности организации, применимые для отрасли связи и телекоммуникаций / Д. С. Ивкина // Теория и практика мировой науки. — 2020. — № 9. — С. 30–34. — DOI 10.35524/2542-0143_2020_09_30.
8. Сигарев А. Угрозы для конкурентоспособности телекоммуникационных компаний России в современной экономике / А. Сигарев, М. Косов // Финансовая жизнь. — 2016. — № 4. — С. 4–8.
9. Квасникова М.А. Роль государства в регулировании экономических отношений в сфере телекоммуникаций / М.А. Квасникова // Педагогика и психология современного образования: теория и практика: Материалы 73-й научно-практической конференции, Ярославль, 05–06 марта 2019 года / Под научной редакцией Л.В. Байбуродовой. Том Часть 4. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. — С. 237–241.
10. Улезлова Л. В. Регулирование отрасли связи и телекоммуникаций: состояние и перспективы развития / Л. В. Улезлова // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — № 5(87). — С. 59–63.
11. Маннапов А.Р. Импортозамещение в области телекоммуникационного оборудования: национальные интересы и безопасность / А.Р. Маннапов, Т.Я. Якубов, А.В. Гаврилов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11, № 14(299). — С. 2–14.
12. Абдрашитов Р.Ф. Вопросы финансовой безопасности и тенденции развития отрасли телекоммуникаций в условиях кризиса и геополитических рисков / Р.Ф. Абдрашитов, Н.М. Кучукова // Дискуссия. — 2024. — № 12(133). — С. 119–129. — DOI 10.46320/2077-7639-2024-12-133-119-128.
13. Холодов Н.Е. Оценка уровня импортозависимости отраслей экономики Российской Федерации в условиях санкций / Н.Е. Холодов // Территория науки и образования. — 2024. — № 1. — С. 105–109.
14. Зеленцова Л.С. Импортозамещение в экономической политике России / Л.С. Зеленцова, Е.В. Солодовник, Т.С. Романишина [и др.] // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 8. — С. 310–312.
15. Российский телеком-рынок достиг 350 млрд рублей на фоне программы импортозамещения // Digital Report, 13.08.2025. URL: <https://digital-report.ru/rossiyskiy-telekom-rynok-350-blrd-importozameshchenie/> (дата обращения: 28.10.2025).
16. Размер рынка телекоммуникационного оборудования, по компонентам, по технологиям, по инфраструктуре, по отраслям конечного использования, прогноз роста 2025–2034 гг. // Global Market Insights, январь 2025. URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/telecom-equipment-market> (дата обращения: 28.10.2025).
17. Вышел отчет российского рынка серверного оборудования // Ассоциация разработчиков и производителей электроники, 14.05.2025. URL: https://arpe.ru/news/Vyshel_otchet_rossiyskogo_rynka_servernogo_oborudovaniya/ (дата обращения: 28.10.2025).
18. Гузаков Н. Три года под санкциями: как отечественный рынок телекоммуникационного оборудования обернул их в свою пользу / Н. Гузаков // Новости ИТ-канала, 20 февраля 2025 г. URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=182871> (дата обращения: 28.10.2025).
19. Гузаков Н. Импортозамещение телекоммуникационного оборудования: куда движется рынок? / Н. Гузаков // itWeek, 30.01.2025. URL: <https://www.itweek.ru/business/article/detail.php?ID=231574> (дата обращения: 28.10.2025).

© Стерник Сергей Геннадьевич (sergey-sternik@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ

ECONOMIC SECURITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: TOOLS FOR INTEGRATION PROTECTION

D. Sychev

Summary. The article examines the mechanisms for ensuring the economic security of the Eurasian Economic Union at the supranational level. An analysis of legal instruments for protecting the economic interests of member states of the integration association has been carried out. It is noted that the existing system is characterized by fragmented regulation and the absence of a unified strategic framework. It was revealed that the processes of harmonization of national legislation in the field of economic security are uneven. It has been determined that the formation of comprehensive integration protection mechanisms requires the development of specialized EAEU legal acts and the creation of coordination structures. It is concluded that strengthening the economic security of the Union is possible through the synchronization of national strategies and the development of supranational tools to counter threats.

Keywords: EAEU economic security, integration protection, supranational regulation, harmonization of legislation, Eurasian integration, economic threats, legal mechanisms.

Сычев Даниил Романович

Аспирант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
danyasychev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы обеспечения экономической безопасности Евразийского экономического союза на наднациональном уровне. Проведен анализ правовых инструментов защиты экономических интересов государств-членов интеграционного объединения. Отмечено, что существующая система характеризуется фрагментарностью регулирования и отсутствием единой стратегической базы. Выявлено, что процессы гармонизации национального законодательства в сфере экономической безопасности протекают неравномерно. Определено, что формирование комплексных механизмов интеграционной защиты требует разработки специализированных правовых актов ЕАЭС и создания координационных структур. Сделан вывод о том, что укрепление экономической безопасности Союза возможно через синхронизацию национальных стратегий и развитие наднациональных инструментов противодействия угрозам.

Ключевые слова: экономическая безопасность ЕАЭС, интеграционная защита, наднациональное регулирование, гармонизация законодательства, евразийская интеграция, экономические угрозы, правовые механизмы.

Формирование Евразийского экономического союза в 2015 году открыло качественно новый этап интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве. Современные геополитические реалии, характеризующиеся нарастанием санкционного давления, волатильностью мировых рынков и трансформацией глобальных цепочек создания стоимости, актуализируют проблематику обеспечения экономической безопасности интеграционных объединений. Согласно Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года¹, защита экономических интересов государств-членов в условиях интеграции становится приоритетным направлением деятельности регуляторных органов.

Экономическая безопасность ЕАЭС представляет собой многоуровневую систему, включающую нацио-

нальные механизмы защиты каждого государства-члена и наднациональные инструменты коллективного реагирования на угрозы. Как справедливо отмечают Непранов Р.Г. и Позднышов А.Н., процессы гармонизации и унификации права оказывают непосредственное влияние на обеспечение национальной безопасности России в аспекте евразийской интеграции. Вместе с тем, анализ действующей правовой базы ЕАЭС свидетельствует об отсутствии комплексных функциональных документов стратегического характера в сфере обеспечения экономической безопасности на наднациональном уровне [7].

Научная новизна исследования заключается в систематизации существующих инструментов интеграционной защиты экономической безопасности ЕАЭС и обосновании необходимости создания единой стратегической платформы противодействия угрозам. Актуальность работы подтверждается неоднородностью национального законодательства государств-членов в данной сфере и потребностью в выработке согласо-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 N 1388-р (ред. от 12.07.2024) «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 21.10.2025).

ванных подходов к идентификации рисков и управлению ими.

Цель исследования состоит в анализе существующих инструментов интеграционной защиты экономической безопасности ЕАЭС и разработке рекомендаций по совершенствованию наднациональных механизмов противодействия экономическим угрозам.

Материалы исследования включают учредительные документы ЕАЭС, национальные стратегии экономической безопасности государств-членов, аналитические доклады Евразийской экономической комиссии, научные публикации российских и зарубежных исследователей интеграционных процессов. Особое внимание уделено работам, опубликованным в период 2020-2025 годов, отражающим актуальное состояние проблематики в условиях трансформации международных экономических отношений.

Методами исследования являются сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить особенности национальных подходов к обеспечению экономической безопасности; системный анализ, применяемый для исследования взаимосвязи элементов интеграционной защиты; метод обобщений, используемый при формулировании выводов и рекомендаций. Применение метода сравнений и аналогий дало возможность сопоставить опыт ЕАЭС с практикой других интеграционных объединений.

Концептуальное осмысление экономической безопасности в отечественной науке берет начало с фундаментальных работ Л.И. Абалкина, который еще в 1994 году определил экономическую безопасность как состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития страны [1]. Современные исследователи расширили предметную область, включив в нее интеграционное измерение.

Андропова И.В. в коллективной монографии «Экономическая безопасность ЕАЭС» рассматривает данную категорию через призму независимости, устойчивости и защиты коллективных экономических интересов государств-членов [9]. Автор справедливо указывает, что экономическая безопасность интеграционного объединения не сводится к простой сумме безопасностей отдельных стран, а представляет собой качественно новое явление, требующее специфических механизмов обеспечения.

Господарик Е.Г. и Ковалев М.М. в своем исследовании акцентируют внимание на необходимости формирования сводных индикаторов коллективной экономической безопасности ЕАЭС [3]. Исследователи предлагают дополнить существующие пороговые значения по отдельным индикаторам комплексным показателем, тренды

которого позволят отслеживать динамику безопасности Союза в целом и вклад каждого государства-члена в её укрепление. Подобный подход открывает перспективы для создания системы раннего предупреждения о возникающих угрозах.

Красавина Л.Н. и Лукьянович Н.В. обращают внимание на то, что интеграционное взаимодействие само по себе может служить инструментом обеспечения экономической безопасности, поскольку расширяет возможности государств по противодействию внешним вызовам и укрепляет их рыночные позиции [5]. Углубление интеграции в ЕАЭС создаёт эффект взаимного усиления экономического потенциала участников.

Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, экономическая безопасность ЕАЭС сталкивается с рядом специфических проблем, обусловленных различиями в уровне экономического развития государств-членов, асимметричностью их участия в интеграционных процессах и неравномерностью распределения выгод от интеграции.

Анализ договорно-правовой базы Евразийского экономического союза показывает, что вопросы экономической безопасности упоминаются в учредительных документах лишь фрагментарно. Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года² содержит отдельные положения о защите внутреннего рынка, координации макроэкономической политики, противодействии недобросовестной конкуренции, однако целостная концепция обеспечения экономической безопасности на наднациональном уровне в нём отсутствует.

Существенную роль в системе интеграционной защиты играют инструменты таможенного регулирования. Согласно исследованию Р.А. Лаптева и коллег, таможенные органы государств-членов выполняют важнейшую функцию обеспечения экономической безопасности через контроль за перемещением товаров, защиту прав интеллектуальной собственности, противодействие контрабанде и легализации доходов, полученных преступным путем [6]. Колесникова Н.А. и Томашевская Л.А. подчеркивают, что таможенный аспект экономической безопасности приобретает особое значение в условиях функционирования единой таможенной территории ЕАЭС [4].

Сидоренко Г.Г. и Прасолов В.И. отмечают, что обеспечение безопасности в сфере таможенной деятельности требует не только совершенствования национального законодательства, но и гармонизации подходов всех государств-членов к идентификации и классификации угроз [8]. Различия в правоприменительной практике

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф»

создают риски использования наиболее уязвимых звеньев интеграционной цепи для проникновения запрещенных товаров и уклонения от таможенных платежей.

Критический анализ национальных стратегий экономической безопасности государств-членов ЕАЭС выявляет существенные различия в подходах к определению приоритетов, классификации угроз и выбору инструментов противодействия им. Россия, Казахстан и Беларусь имеют формализованные документы стратегического планирования в данной сфере, тогда как Армения и Киргизия на момент написания статьи находятся на этапе формирования соответствующих концепций. Подобная неоднородность затрудняет выработку согласованной политики обеспечения экономической безопасности на наднациональном уровне [2].

Существующая система инструментов интеграционной защиты экономической безопасности ЕАЭС носит преимущественно координационный характер и объединяет несколько взаимосвязанных элементов.

Важную роль играют механизмы информационного обмена между государствами-членами о потенциальных угрозах и рисках. Евразийская экономическая комиссия выполняет функцию аналитического центра, обобщающего данные национальных органов и готовящего сводные обзоры экономической ситуации. Однако полнота и оперативность такого обмена остаются недостаточными, что снижает эффективность превентивных мер.

Система также включает инструменты торговой защиты внутреннего рынка ЕАЭС: антидемпинговые, специальные защитные и компенсационные меры. Применение данных инструментов регулируется соответствующими приложениями к Договору о ЕАЭС и требует проведения расследований на наднациональном уровне. Практика показывает, что процедуры расследований являются достаточно длительными, что в условиях быстро меняющейся конъюнктуры рынков может снижать их действенность.

Координация макроэкономической политики направлена на предотвращение дисбалансов и кризисных явлений. Консультативный комитет по макроэкономической политике рассматривает прогнозы социально-экономического развития государств-членов, оценивает риски и вырабатывает рекомендации по их нивелированию³.

Таможенные и пограничные механизмы контроля обеспечивают защиту единой таможенной территории

от проникновения запрещенных товаров, контрафактной продукции, товаров, не отвечающих установленным требованиям безопасности. Согласно Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, цифровизация таможенных процедур и развитие системы управления рисками должны повысить эффективность данного направления защиты.

Действуют также инструменты защиты конкуренции, призванные предотвращать монополизацию рынков, картельные сговоры и злоупотребления доминирующим положением на трансграничных рынках. Евразийская экономическая комиссия наделена полномочиями по контролю за соблюдением конкурентного законодательства в отношении трансграничных сделок экономической концентрации и антиконкурентных соглашений.

Несмотря на наличие перечисленных инструментов, система интеграционной защиты экономической безопасности ЕАЭС характеризуется рядом существенных недостатков. Отсутствие единой стратегии экономической безопасности Союза приводит к рассогласованности действий государств-членов при реагировании на общие угрозы. Слабость наднациональных институтов и ограниченность их полномочий не позволяют обеспечить оперативное принятие и реализацию решений в критических ситуациях.

Перспективным направлением развития системы интеграционной защиты представляется создание специализированного органа или рабочей группы при ЕЭК, ответственных за мониторинг угроз экономической безопасности ЕАЭС и координацию мер противодействия. Целесообразна разработка Стратегии экономической безопасности ЕАЭС, определяющей общие приоритеты, механизмы реагирования на кризисные ситуации и систему индикаторов для оценки уровня защищенности интеграционного объединения.

Таким образом, проведенное исследование показало, что наднациональная система обеспечения экономической безопасности ЕАЭС носит фрагментарный характер и опирается на неравномерно гармонизированное национальное законодательство, что снижает ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам. Для преодоления разрывов необходима единая стратегическая база Союза, дополняемая специализированными правовыми актами и постоянной координационной структурой при ЕЭК. Приоритетами выступают: синхронизация национальных стратегий, внедрение сводных индикаторов и системы раннего предупреждения, ускорение процедур торговой защиты, а также углубление цифровизации и риск-ориентированного контроля в таможенной сфере. Комплексная реализация этих мер позволит повысить оперативность и согласованность реагирования, укрепить конкурентоспособность общего рынка и сформировать устойчивый контур интеграционной защиты ЕАЭС.

³ Положение о Консультативном комитете по макроэкономической политике»: утв. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 июня 2025 г. № 59. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b5e/cot0q3okt0ox2levvyvdje31jpulr7y/Polozhenie-o-KK.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин, Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражения / Л. Абалкин // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 5.
2. Баранова, А.Ф. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС в эпоху цифровой трансформации / А.Ф. Баранова, С.Н. Мамедов, Е.С. Канторина // E-Management. — 2022. — Т. 5, № 2. — С. 121–126. — DOI 10.26425/2658-3445-2022-5-2-121-126. — EDN DVGZZE.
3. Господарик, Е.Г. Коллективная экономическая безопасность ЕАЭС: постановка проблемы, индикаторы, сводный индекс / Е.Г. Господарик, М. М. Ковалев // Белорусский экономический журнал. — 2022. — № 2(99). — С. 23–33. — DOI 10.46782/1818-4510-2022-2-23-33. — EDN GLZCZD.
4. Колесникова, Н.А. Экономическая безопасность: таможенный аспект: учебное пособие / Н.А. Колесникова, Л. А. Томашевская. — Москва: ФЛИНТА, 2016. — 274 с. — ISBN 978-5-9765-2826-0.
5. Красавина, Л.Н. Интеграционное взаимодействие государств — участников Евразийского экономического союза как фактор обеспечения их национальной экономической безопасности / Л.Н. Красавина, Н.В. Лукьянович // Мир новой экономики. — 2017. — № 4. — С. 55–62. — EDN YMPJEV.
6. Лаптев, Р.А. Исследование роли таможенных органов стран ЕАЭС в обеспечении экономической безопасности национальных государств и интеграционного объединения в целом / Р.А. Лаптев, В.В. Коварда, Е.А. Болычева // Вестник Евразийской науки. — 2021. — № 2. — URL: <https://esj.today/PDF/48ECVN221.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).
7. Непранов, Р.Г. Национальная безопасность России в контексте евразийской интеграции / Р.Г. Непранов, А.Н. Позднышов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2023. — № 2(153). — С. 59–63. — EDN DUIQGN.
8. Сидоренко, Г.Г. Обеспечение безопасности в сфере таможенной деятельности: учебник / Г.Г. Сидоренко, В.И. Прасолов. — Москва: Прометей, 2022. — 368 с. — ISBN 978-5-00172-286-1.
9. Экономическая безопасность ЕАЭС / И.В. Андропова, И.Н. Белова, М.В. Ганеева [и др.]. — Москва: Российский университет дружбы народов, 2020. — 430 с. — ISBN 978-5-209-10195-6. — EDN AKYHCT.

© Сычев Даниил Романович (danyasychev@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КНР НА ПРИМЕРЕ Г. ХЭФЭЙ

PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PROJECTS OF CHINA ON THE EXAMPLE OF G. HEFEI

**Wu Kuikui
E. Isupova**

Summary. The article analyzes the experience of implementing investment projects in the city of Hefei (PRC), which in recent years has become one of the leading scientific and industrial centers in the country. The study uses a comprehensive interdisciplinary approach, including benchmarking and the case method, to identify the underlying mechanisms and specifics of the city's investment development. Particular attention is paid to the role of the state and cluster structures, as well as the combination of the scientific base and institutional support. The novelty of the work lies in the consideration of Hefei's local experience as a model for regional investment policy, which can be useful for Russian regions. The material provides a better understanding of how to integrate regional and national development strategies.

Keywords: investment projects, Hefei, China, high technologies, government support, clusters, scientific and technological development.

У Куйкуй

Аспирант,

Новосибирский государственный университет

Kuikui.wu@yandex.ru

Исупова Екатерина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент,

Новосибирский государственный университет

e.meltenisova@g.nsu.ru

Аннотация. Статья анализирует опыт реализации инвестиционных проектов в городе Хэфэй (КНР), который за последние годы стал одним из ведущих научно-промышленных центров страны. Исследование использует комплексный междисциплинарный подход, включая сравнительный анализ и кейс-метод, чтобы выявить основные механизмы и специфику инвестиционного развития города. Особое внимание уделено роли государства и кластерных структур, а также сочетанию научной базы и институциональной поддержки. Новизна работы заключается в рассмотрении локального опыта Хэфэя как модели для региональной инвестиционной политики, что может быть полезно для российских регионов. Материал позволяет лучше понять способы интеграции региональных и национальных стратегий развития.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, Хэфэй, Китай, высокие технологии, государственная поддержка, кластеры, научно-техническое развитие.

Введение

Китайская Народная Республика устойчиво развивается в новых экономических условиях, модернизируя технологическую базу и активно перераспределяя инвестиции в высокотехнологичные отрасли. Инвестиционные проекты способствуют формированию индустриальных кластеров, поддержке инновационного бизнеса и росту регионального научного потенциала. Примером эффективной региональной инвестиционной политики служит Хэфэй, который за двадцать лет изменился от аграрного центра до динамичного инновационного хаба. Здесь реализованы крупные проекты в микроэлектронике, квантовых технологиях, ИИ и «зелёной» промышленности с привлечением разных форм капитала. Хэфэй выбран объектом исследования благодаря своей комплексной поддержке науки, гибкой инвестиционной политике и способности быстро внедрять передовые решения, превращаясь в экспериментальную площадку новых моделей инвестиционного развития.

Данная статья направлена на изучение специфики внедрения инвестиционных проектов в Хэфэе, ана-

лиз механизмов, приводящих к их успешности, а также на выработку выводов, способных быть адаптированы для других регионов Китая и зарубежья.

Одним из ключевых условий инвестиционной привлекательности Хэфэя служит развитая сеть образовательных и исследовательских организаций. В городе работают более 60 университетов и научных учреждений, среди которых Китайский университет науки и техники, признанный одним из лучших технических вузов страны. Такая инфраструктура способствует притоку специалистов, формированию исследовательских коллективов, развитию стартапов, научных парков и современных лабораторий, укрепляя тем самым инновационный потенциал региона. Преобразование Хэфэя во многом стало возможным благодаря политике государственно-частного взаимодействия и субсидированию приоритетных отраслей, среди которых микроэлектроника, квантовые технологии, а также производство аккумуляторов и электромобилей. При поддержке властей были реализованы крупные проекты компаний NIO, BYD, BOE, CXMT и других, что способствовало притоку как внутренних, так и зарубежных инвестиций. Существенным фактором

остаются усилия муниципального руководства: предоставление налоговых стимулов, упрощение административных процедур и развитие индустриальных парков формируют привлекательную деловую среду. Кроме того, включённость Хэфэя в национальные стратегические программы, такие как «Сделано в Китае 2025» и политика «двойной циркуляции», дополнительно укрепляет его позиции на инвестиционной карте страны.

Хэфэй служит примером результативной региональной стратегии, опирающейся на инвестиции в образование, науку и технологическую базу. Практики этого города могут быть востребованы как другими провинциями Китая, так и странами с аналогичными задачами развития. Такой подход способствует формированию устойчивой инновационной экономики и позволяет достигать устойчивого роста, особенно в рамках приоритетного направления — новой инфраструктуры [22, с. 1–9].

При этом следует отметить, что инициирование и реализация проектов в области новой инфраструктуры в КНР осуществляются преимущественно как раз на региональном уровне [12, с. 425–437]. И, в целом, данная инициатива предусматривает реализацию именно масштабных высокотехнологичных инфраструктурных и инвестиционных проектов [17, с. 1–25].

Учитывая все вышеперечисленное, Китай демонстрирует продуманную стратегию инвестирования в будущее, несмотря на текущие экономические и геополитические вызовы [21, с. 6245]. Очень важным здесь является комплексный характер предпринятых мер, охватывающих как базовую инфраструктуру, так и специализированные направления цифровой экономики [21, с. 6245]. Инвестиционная политика Хэфэя реализуется через масштабные проекты в таких передовых отраслях, как микроэлектроника, квантовые технологии, электромобили и возобновляемая энергетика. Анализ этих инициатив требует определения особенностей управления инвестициями и факторов их успешности. К примеру, во время Всемирного конгресса обрабатывающей промышленности в 2021 году было подписано 703 соглашения на общую сумму 582,8 млрд юаней (около 91,1 млрд долларов США) [4, с. 145–157].

Одним из ключевых проектов последних лет стал промышленный кластер NeoPark, созданный при поддержке муниципальных властей Хэфэя в партнерстве с компанией NIO, ведущим производителем электромобилей в Китае. Запущенный в 2021 году, NeoPark охватывает более 16 тысяч гектаров и объединяет производственные площадки, исследовательские центры, а также логистическую и образовательную инфраструктуру. Ключевым элементом является участие администрации Хэфэя в капитале совместного предприятия, что обеспечило приток инвестиций примерно в 7 миллиардов юаней

и позволило муниципалитету получить долю в NIO. Такая схема не только помогла компании справиться с финансовыми трудностями, но и усилила технологический статус Хэфэя в сфере новой энергетики [14, с. 50–53].

ChangXin Memory Technologies (CXMT) реализует в Хэфэе крупнейший национальный проект по производству DRAM-чипов с инвестициями свыше 20 миллиардов долларов США. CXMT стала первой компанией в Китае, освоившей коммерческий выпуск этой категории памяти, имеющей стратегическое значение для технологической независимости страны. Проекту оказали существенную поддержку местные органы власти, предоставив налоговые льготы, земельные гарантии, субсидии на оборудование и обучение кадров. Формирование всей производственной цепочки полупроводников в Хэфэе значительно снизило зависимость Китая от импорта [7, с. 114–126].

Создание Национального центра квантовых вычислений при поддержке Китайского университета науки и технологий и Академии наук КНР позволило Хэфэю стать лидером квантовых исследований. Государственное финансирование центра подчёркивает высокую значимость направления, в том числе развитие квантовых коммуникаций и супервычислений. Прототип квантового компьютера Jiuzhang, представленный в 2020 году, ещё больше укрепил положение города как передового научного и технологического центра [1, с. 23–29]. Реализация подобных проектов опирается на стратегическую координацию, эффективное взаимодействие власти и бизнеса и приоритетное развитие инфраструктуры, формируя в Хэфэе устойчивую инновационную экосистему. Эффективность инвестиционных проектов Хэфэя во многом обеспечивается комплексной государственной поддержкой, включающей институциональные и финансово-экономические механизмы.

Государственная поддержка в Хэфэе формирует комплексную основу для привлечения инвестиций, объединяя финансовые, административные и институциональные инструменты и обеспечивая условия для успешной реализации как местных, так и транснациональных инициатив. Хэфэй демонстрирует эффективную модель, способную быть примером для регионов Китая и других стран, стремящихся усилить собственную инвестиционную политику. Наряду с вложениями со стороны государства, важную роль играет развитое венчурное финансирование на различных уровнях власти, что позволило городу обеспечить высокую доходность инвестиций. В сферах, где влияние государственных компаний ограничено, лидирующие технологические корпорации, такие как Baidu, Alibaba и Tencent, активно развивают инфраструктурные проекты, например, создание Baidu сети 5G для «умных» автомобилей в Хэфэе [5, с. 127–150]. Особую значимость приобретают совре-

менные формы государственно-частного партнерства, успешно применяемые в Китае и выступающие убедительным свидетельством эффективности сочетания усилий государства и бизнеса для устойчивого развития экономики [9, с. 33–39].

Изучение китайского подхода к инвестициям и инфраструктурному развитию за последние годы вызвало широкий интерес в международной научной среде. Китайские аналитики (например, Фань Цзяньюн [16, с. 3–33], Чжоу Чжэ [23, с. 20–28]) выделяют решающую роль притока иностранного капитала и эффективности региональных стратегий в формировании социально-экономических различий между регионами страны; иностранные инвестиции, по их мнению, не только подстегивают экономический рост восточных провинций, но и провоцируют структурные трансформации и новые дисбалансы. Российские исследователи преимущественно рассматривают пример КНР как показатель успешного объединения государственного регулирования и частных инициатив, особо отмечая значение государственно-частного взаимодействия для цифровизации и развития инновационной инфраструктуры (А.Н. Родионов [10, с. 33–39], Ф.Ф. Шарипов, М.А. Дьяконова, С.Б. Макеева [6, с. 177–178]). Такой опыт китайской интеграции часто предлагается в России как модель при реализации собственных проектов импортозамещения. Европейские авторы, в свою очередь, анализируют китайский опыт с точки зрения устойчивости и сравнительной эффективности, обращая внимание на комплексность инфраструктурных инициатив (Ф. Шефер [19, с. 805–825], Дж. Мохан). При этом они рассматривают не только экономические и политические аспекты, но и указывают на вызовы, связанные с геополитикой и рисками от чрезмерной зависимости от госконтроля, несмотря на высокие темпы технологического прогресса благодаря налоговым преференциям, технопаркам и особым экономическим зонам.

Американские исследователи чаще обращают внимание на влияние китайской инвестиционной политики на глобальные экономические процессы. Например, Барри Дж. Нотон [18] подчеркивает, что развитие восточных провинций и поддержка инновационных секторов укрепляют экспортные позиции Китая, одновременно создавая вызовы для мировых рынков. Он также выделяет ключевое отличие модели КНР, основанной на активном участии государства, от западных практик, где приоритет остаётся за рыночным регулированием и независимостью частного бизнеса. В отличие от большинства предыдущих работ, сосредотачивавшихся на национальных стратегиях Китая, данное исследование впервые комплексно анализирует местный опыт Хэфэя и рассматривает его возможное применение в условиях реализации инвестиционных проектов в российских регионах.

С 2008 года власти Хэфэя инвестировали в предприятия ключевых отраслей, включая полупроводники, квантовые технологии и искусственный интеллект. Примером такого подхода можно считать вложение около \$950 млн в BOE Technology Group, что позволило привлечь ещё примерно \$1,6 млрд из сторонних источников. Эта стратегия принесла значительный эффект: к 2021 году компания заняла лидирующую позицию на мировом рынке ЖК-экранов, обойдя Samsung, а в городе было создано несколько десятков тысяч рабочих мест. Успех подобной политики отражает важность локальных инвестиционных решений для развития высокотехнологичных секторов и общего экономического роста. Динамика роста Хэфэя за счёт реализации инвестиционных проектов наглядно представлена на рисунке [2, с. 3–12].

Несмотря на впечатляющие успехи, инвестиционная политика Хэфэя сталкивается с определёнными внутренними и внешними трудностями, которые могут отразиться на её стабильности и долгосрочной эффективности.

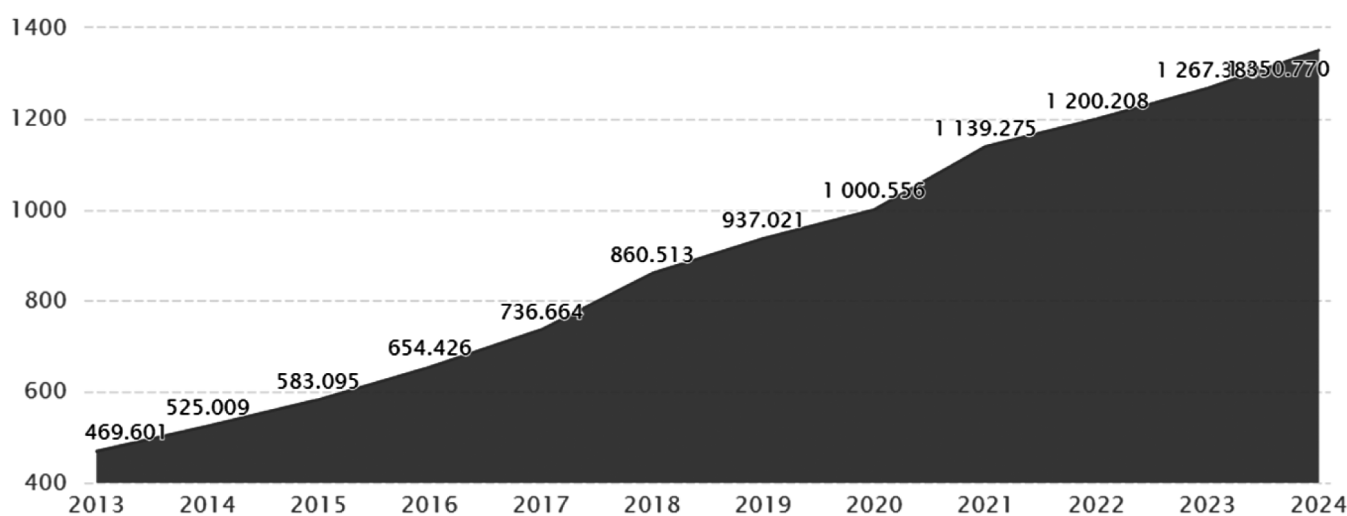

Рис. 1. Динамика ВВП г. Хэфэй, 2000–2024 гг., млрд юаней (по данным CEIC)

Выявление таких рисков позволяет выстраивать продуманную стратегию, снижать уязвимости и укреплять конкурентоспособные позиции города [20, с. 17–26]. Стратегические перспективы будущего инвестирования связаны прежде всего с дальнейшим укреплением научно-промышленной кооперации и курсом на технологическую самостоятельность. Особенно динамично развивается полупроводниковый сектор: под давлением внешних ограничений на поставки оборудования со стороны США и ЕС с 2019 года, Хэфэй становится одним из централизованных узлов импортозамещения электронных компонентов. В частности, здесь располагается ChangXin Memory Technologies (CXMT), которая первой в Китае наладила массовое производство DRAM-памяти и занимает лидирующее положение в отрасли.

К 2024 году CXMT производит около 200 тысяч пластин DRAM в месяц и контролирует 5 % мирового рынка, что способствует снижению импортной зависимости Китая. Хэфэй становится ключевым центром развития микроэлектроники и технологического импортозамещения. Параллельно город усиливает позиции в секторах электромобилей, «зелёной» энергетики и квантовых технологий, а также расширяет международное сотрудничество. Однако Хэфэй сталкивается с вызовами — технологической зависимостью, межрегиональной конкуренцией, кадровыми и экологическими проблемами, а также макроэкономическими и геополитическими рисками.

При сохранении нынешних темпов модернизации Хэфэй способен оставаться одним из лидеров научно-технического и промышленного развития страны. Для дальнейшего движения вперёд потребуются устранение структурных барьеров, повышение институциональной адаптивности и расширение международных экономи-

ческих связей. Статус Хэфэя как ведущего центра импортозамещения подтверждается размещением передовых предприятий в области микрочипов (CXMT) и квантовых технологий, активным государственным участием в капитале стратегических компаний, масштабными инвестициями в современное производство, интеграцией в национальные программы (Made in China 2025, «двойная циркуляция») и развитой университетской системой подготовки кадров. В силу этих обстоятельств Хэфэй рассматривается как ключевой экспериментальный полигон для политики импортозамещения Китая.

Одним из ключевых факторов успеха инвестиционных инициатив в Хэфэе стало внедрение модели «тройной спирали», предполагающей тесное взаимодействие государства, бизнеса и научно-образовательных организаций. Этот подход обеспечивает концептуальную основу для инновационного развития и роста инвестиционной привлекательности региона [3, с. 243–254], учитывая особенности китайской политико-экономической системы и стратегию технологической независимости.

Хэфэй демонстрирует заметные достижения в наращивании инновационного потенциала, однако сталкивается с рядом существенных ограничений, замедляющих дальнейший прогресс. В городе ощущается острый дефицит квалифицированных кадров, усиливается зависимость от полупроводникового сектора, а распространение энергоёмких производств усугубляет экологические проблемы. К этим трудностям добавляются интенсивная конкуренция со стороны других технологических центров Китая и внешние геополитические вызовы.

Для преодоления таких барьеров Хэфэй уделяет особое внимание совершенствованию образовательных программ, расширяет спектр промышленных отраслей,

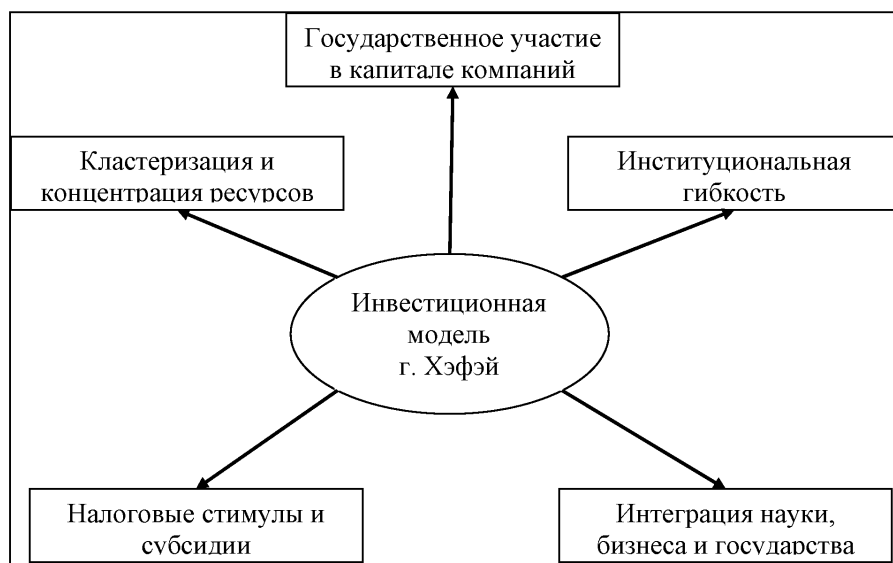

Рис. 2. Особенности реализации инвестиционных проектов в г. Хэфэе

внедряет экологически ориентированные решения и искусственный интеллект, а также активно формирует международные научные связи и кооперацию. Российские регионы могут использовать опыт Хэфэя, особенно применяя интеграцию образовательных и промышленных систем, государственное софинансирование, а также инструменты поддержки «единого окна» для инвесторов.

Сегодня в Хэфэе создано развитое инновационно-промышленное пространство с мощной государственной активностью, тесным взаимодействием власти, бизнеса и исследовательских институтов, стратегиче-

ским размещением ресурсов и адаптивной финансовой инфраструктурой. Реализация крупных проектов, таких как NIO, CXMT и Национальный центр квантовых технологий, подтверждает, что государство эффективно выступает не только инвестором, но и ключевым координатором изменений. Тем не менее сохраняются угрозы, связанные с технологической уязвимостью, нехваткой специалистов, экологическими вызовами и внешнеполитическими ограничениями, что требует гибкой и продуманной политики. Комплексный опыт города Хэфэй может быть успешно адаптирован для построения высокотехнологичных кластеров и инновационных экосистем в российских регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анваркызы Қ.Ж. Роль квантовых технологий в развитии современной физики и их влияние на глобальную науку //Endless light in science. 2025. №31. С.23–29.
2. Зацаринный А.А., Ионенков Ю.С. Трансфер информационных технологий: особенности и проблемы //Информационные технологии и вычислительные системы. 2023. №3. С.3–12.
3. Каменский Е.Г. Модель «тройной спирали» как инструмент экономического развития страны на примере оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т.13. №6. С.243–254.
4. Коледенкова Н.Н. Промышленность Китая: основные направления развития //Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.). 2022. С.145–157.
5. Лемутов В.А. Технологии как драйвер экономического развития: риски и перспективы политики «новой инфраструктуры» в КНР //Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №3. С.127–150.
6. Макеева С.Б. Причины, эволюция и последствия неравномерного регионального развития КНР в современный период истории: обзор подходов и практик в китайской науке //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т.13. №2. С.177–188.
7. Макушин М. Битва за будущее микроэлектроники //Электроника: Наука, Технология, Бизнес. 2021. №2. С.114–126.
8. Мозиас П.М. Урбанизация в Китае: Прошлое и настоящее //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. №1. С.121–155.
9. Родионов А.Н., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Развитие инновационной инфраструктуры Китая с использованием механизма государственно-частного партнерства // Вестник ГУУ. 2024. №3. С.33–39.
10. Родионов А.Н., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Развитие инновационной инфраструктуры Китая с использованием механизма государственно-частного партнерства // Вестник ГУУ. 2024. №3. С.33–39.
11. Сазонов С.Л., Сяо Ч. Китай форсирует развитие автомобилей на новых источниках энергии //Общество и государство в Китае. 2017. Т.47. №1. С.405–418.
12. Си Фуюань. Оценка реализации социальной составляющей устойчивого развития: опыт России и Китая //Экономика и управление. 2024. Т.30. №4. С.425–437.
13. Цзюньтао В., Любина Д.Е. Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги //Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. №1. С.111–118.
14. Чжан К., Голик В. Тенденции развития автомобильного рынка Китая //Наука и инновации. 2024. №3. С.50–54.
15. Ямпольская Д.О., Сюй Г. Опыт внедрения цифровых технологий в КНР //Human Progress. 2021. Т.7. №3. С.1–19.
16. Fan Jianyong. Zhongguo diqu chaju yanbian jiqi jiegou fenjie. Global governance, 2002. №5. Pp. 3–13.
17. Jongho Lee & Keun Lee Catching-up National Innovations Systems (NIS) in China and Post-Catching-up NIS in Korea and Taiwan: Verifying the Detour Hypothesis and Policy Implications //Innovation and Development. 2021. Vol. 11. Pp. 1–25
18. Naughton, Barry J., 2018. «The Chinese Economy: Adaptation and Growth, second edition». MIT Press Books. 2018. 571 p.
19. Schaefer, F., & Mohan, G. Conceptualising Chinese transnational infrastructure projects in Europe and beyond. Progress in Human Geography. 2024. No48(6). Pp.805–825.
20. Sustainable Competitive Advantages for Regional Development: An Exploratory Study of the China (Anhui) Pilot Free Trade Zone //Journal of Asian Finance Economics and Business. №9. Pp. 17–26.
21. Wu J., Zhang Y, Shi Z. Crafting a Sustainable Next Generation Infrastructure: Evaluation of China's New Infrastructure Construction Policies // Sustainability. 2021. Vol.13. No.11. Pp.6245
22. Zhao J.Z, Su G., Li D. Financing China's unprecedented infrastructure boom: The evolution of capital structure from 1978 to 2015 // Public Money & Management. 2019. No. 39. Pp. 1–9.
23. Zhou Zhe. Zhongguo diqu jian jingji fazhan bu pingheng. Journal of Shanxi University of Finance and Economics, 2012. №4. Pp. 20–28.

© У Куйкуй (Kuikui.wu@yandex.ru); Исупова Екатерина Николаевна (e.meltenisova@g.nsu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОТРАСЛЕВЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

INTELLECTUAL INNOVATIONS IN INDUSTRY ENTERPRISE MANAGEMENT

**G. Fedotova
B. Kheychieva
K. Dakhnovich**

Summary. This paper analyzes the application of artificial intelligence in agricultural enterprises, which has enabled industry leaders to reduce their own production risks and develop predictive workflows. The potential of generative and analytical artificial intelligence for building fundamentally new process control systems in the industry is explored. It is proven with a high degree of certainty that global sales of these technologies will continue to grow, requiring the necessary foundation for their implementation. It has been established that intellectual innovations are already being applied in almost all sectors of the national economy. A mechanism for implementing predictive analytics technology in the field for data collection and accumulation is studied. It is established that the emergence of intelligent agricultural machinery not only allows for resource conservation but also the creation of agricultural production bases in regions with unfavorable agro-climatic conditions.

Keywords: innovation, artificial intelligence, industry, enterprises, management.

Федотова Гиян Васильевна

Д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
ФИЦ ИУ РАН (г. Москва)
g_evgeeva@mail.ru

Хейчиева Баира Игоревна

К.э.н., ассистент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет» (г. Элиста)
z_baira@mail.ru

Дахнович Кирилл Алексеевич

Аспирант, Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
dakhnovich.kirill@gmail.com

Аннотация. В работе были проанализированы практики применения искусственного интеллекта на предприятиях агропромышленного комплекса, которые позволили лидерам отрасли снизить собственные производственные риски и развить прогностические направления работы. Изучены возможности генеративного и аналитического искусственного интеллекта в построении принципиально новых систем управления производственными технологическими процессами в отрасли. Доказано с высокой степенью достоверности, что мировые объемы продаж технологий будут продолжать расти, что требует подготовки необходимой базы для их внедрения. Установлено, что интеллектуальные инновации уже применяются практически во всех отраслях народного хозяйства. Изучен механизм реализации технологии предсказательной аналитики в полевых условиях сбора и накопления данных. Установлено, что появление интеллектуальной сельскохозяйственной техники позволяет не только экономить ресурсы предприятий, но и создавать сельскохозяйственные производственные базы в регионах с неблагоприятными агроклиматическими условиями.

Ключевые слова: инновации, искусственный интеллект, отрасль, предприятия, управление.

Применение интеллектуальных инноваций становится повседневной производственной практикой в самых различных областях экономики и общественной жизни. Отраслевые предприятия (в частности АПК) не стали исключением и постепенно наращивают свой накопленный опыт внедрения и эксплуатации систем искусственного интеллекта. Преимущества, которые открывают производителям инновации искусственного интеллекта позволяют повышать эффективность и прогнозируемость агропроизводственных и агроклиматических рисков в различных отраслях сельского хозяйства. Кроме того, в условиях сокращения сельского населения, отсутствия желания у молодого поколения работать в отраслях сельского хозяйства, а также роста требований по качеству и безопасности производимой

продукции, именно данные технологии позволяют обезопасить производственный процесс и исключить человеческий фактор и зависимость предприятий от него [1].

Сегодня в АПК наиболее востребованными и активно эксплуатируемыми интеллектуальными технологиями выступают биоинформационный анализ с полевых датчиков, метеостанций и датчиков с техники, цифровое картирование полей, исследование и сбор информации агродронами, анализ и контроль климатического фона в овоще- и плодохранилищах, роботизация производства на животноводческих и птицеводческих фермах, системы дистанционного управления и контроля за работой ферм или производственным оборудованием. Спектр применения интеллектуальных технологий по-

стоянно расширяется, так как появляются новые производственные задачи, которые быстро и эффективно можно решить без человеческого фактора.

Особенности искусственного интеллекта заключаются в накоплении данных — формировании архивов Big Data, которые подвергаются анализу и на их основе генерируется новое знание о происходящих процессах. Преобразование накопленных информационных ресурсов позволяет контролировать сигнальные показатели работы предприятий, а также своевременно выявлять проблемы и их причины. Высокие риски сельскохозяйственной деятельности не устраняются исключительно страхованием, так как могут привести к полной потере урожая или массовому падежу животных и птицы [2]. Поэтому своевременная диагностика и идентификация потенциальных проблем средствами прогностической аналитики, машинного обучения или нейросетевого анализа тенденций позволит избежать убытков и повысит устойчивость производственной системы.

Предварительные оценки экономического эффекта от применения технологий искусственного интеллекта в практике сельскохозяйственных предприятий достигают 2–2.9 млрд долл. операционной прибыли, 1.6–3.2 млрд долл. операционной прибыли у обслуживающих отраслей АПК [3]. Практически происходит интеллектуализация сельскохозяйственного производства по 2 основным направлениям: аналитический AI и генеративный AI. Особенности их применения заключаются в оптимизации бизнес-процессов, прогнозировании прибыли, а также в выстраивании новых сценариев развития отрасли.

Аналитический искусственный интеллект основан на эксплуатации алгоритмов, которые были предварительно кодифицированы естественным интеллектом, что в итоге будет повышать автоматически эффективность посредством оценок и использования выявленных закономерностей. Заложена основа естественного интеллекта позволяет понимать и интерпретировать логику работы таких моделей. Работа таких систем и платформ должна быть четко структурирована и решать заранее обозначенные задачи и иметь елевые установки. Применение аналитического AI очень эффективно при работе с массивами данных, для анализа закономерностей, прогнозирования развития на основе имеющейся статистики.

Генеративный искусственный интеллект отличается большей вариативностью в моделировании процессов, сценариев, видео- и аудиофайлов, различных текстовых контентов. У данных моделей нет четкой структуры или заданным параметров работы, поэтому практически невозможно предсказать их будущее развитие или поведение. Невозможно сформализовать, стандартизировать их действия или подчинить их правилам, скриптам,

что не позволяет полноценно мониторить их работу. Работа данных моделей отличается креативностью, новизной и высоким уровнем вариативности.

Таким образом видим, что 2 векторных направления развития систем искусственного интеллекта несут в себе новые возможности и качества для повышения эффективности и креативности работы производственных систем. Кроме того, сочетания моделей аналитического и генеративного искусственного интеллекта будет дополнять производственные системы не только аналитикой и структурированием данных, но и формировать новые прорывные технологии и направления развития бизнеса. Отрасли АПК сегодня выступают массовыми производствами продовольственного сырья, которые несут большие потери по причине высокорисковости и непредсказуемости агроклиматических условий в сельскохозяйственной деятельности, отсутствия достаточных трудовых, финансовых или технологических ресурсов в сельских регионах, что отражается на их доходности и снижает их привлекательность. В этой связи постепенная модернизация традиционных технологических процессов и интеллектуализация основных этапов производство и переработки продукции позволит оптимизировать работу и снизить сопутствующие риски.

Мировой опыт применения таких инновационных технологий доказал, что экономический эффект от их внедрения достигается во всех направлениях АПК (растениеводстве, животноводстве, сельскохозяйственном машиностроении, производстве удобрений): рост производительности продукции и сырья, сокращение расходов предприятий на оплату труда персоналу, низкий уровень отходов и производственных браков. В совокупности данные эффекты могут достигать до 40–50 % от общей суммы операционной прибыли, что практически полностью покрывает дополнительные расходы на обслуживание такого оборудования и приобретение комплектующих. Также стоит отметить, что исключение человеческого фактора из ряда производственных и перерабатывающих процессов повышает качество (снижает риск халатности или усталости) и безопасность (снижает риск заражения бактериями) готовой продукции, что позволяет ее реализовывать по другим категориям стандартизации.

Безусловно, отрасли, обслуживающие АПК или производящие для него оборудование, материалы и т.п. будут максимизировать данные эффекты, так как именно они выступают флагманами внедрения интеллектуальных систем в своем производстве. Только при условии их полной модернизации и переориентации на новые подходы к производству будет возможно комплексная перестройка производительной сферы АПК. Как было сказано ранее, для перехода сельскохозяйственного производства на умные системы нужна технологически

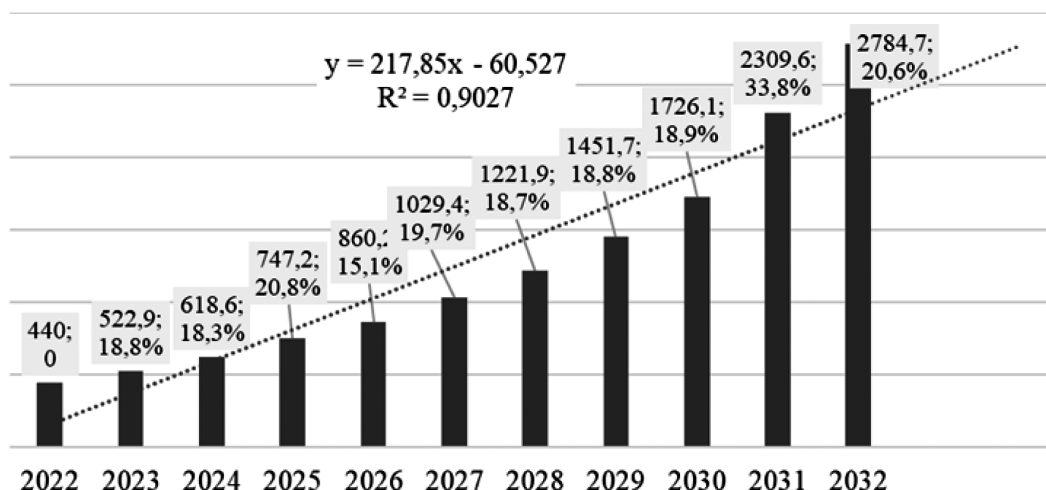

Рис. 1. Линейный прогноз динамики Глобального рынка ИИ, млрд долл. [4]

подготовленная база (трактора с умными системами управления, компьютеры с высокими программными возможностями, роботы, устойчивое интернет-соединение).

Практика применения систем искусственного интеллекта будет продолжать развиваться по мере усложнения задач, стоящих перед производством в условиях сокращения ресурсов. Рассмотрим прогнозы развития рынка ИИ (Рис. 1).

Особенности роста продаж на глобальном рынке искусственного интеллекта демонстрируют устойчивый тренд роста с 2022 по 2032 гг. Если оценить темпы роста продаж по годам видим, что максимальный прирост продаж планируется в 2031 году на 33,8 %. При этом отметим, что прогноз просчитан посредством уравнение простой линейной регрессии, которое имеет вид простой линейной регрессии:

$$y = b_0 + b_1 X_1, \quad (1)$$

где y — зависимая переменная,
 x — независимая переменная,
 b_0 — наклон линии линейного тренда,
 b_1 — точка пересечения с осью y .

Для данного статистического ряда данных уравнение линейной регрессии имеет следующий вид:

$$y = 217,85x - 60,527$$

$$R^2 = 0,9027$$

При этом коэффициент аппроксимации равен 0,9027, что свидетельствует о высокой степени достоверности представленного линейного прогноза рынка и согласованности подобранных данных.

Определенно технологии искусственного интеллекта нашли применение в различных отраслях народного хозяйства с учетом того эффекта, который они привносят:

- в отраслях, связанных с транспортировкой и логистикой — автоматизированные технические устройства погрузки, перемещения, складирования, технического обслуживания транспорта;
- в добывающих отраслях — устройства по перемещению материалов и грузов, системы планирования и геологоразведки;
- в финансовом секторе — интеллектуальные системы оценки рисков, анализа и прогноза кредитоспособности, финансового управления и финансовой разведки;
- в медицине — разработка и тестирование новых лекарственных препаратов, телемедицина, устройства для дистанционной диагностики инфекционных заболеваний и проведения несложных операций;
- в обрабатывающем секторе — системы управления качеством продукции, системы управления производственными технологическими процессами, системы интеллектуального планирования и прогнозирования развития отрасли;
- в телекоммуникационной сфере — аналитика данных, прогнозирование производительности приложений, систему управления сетями и цифровой безопасностью;
- в торговле и ритейле — аналитика рынка и потребительских предпочтений, роботизация онлайн-торговли, аналитика финансовых потоков и платежей;
- в сельском хозяйстве — системы точного земледелия и картографирования местности, применение БПЛА, роботизация рабочих процессов на фермах, мониторинг здоровья и состояния животных и птицы на фермах [5, 6].

Приведенный выше перечень — это только небольшой список тех возможностей, которые открывает ИИ

для общества и его качества жизни. Такие производственные отрасли экономики как сельское хозяйство, отличающиеся сильной зависимостью от агроклиматических условий, получают в помощь новые технологические устройства, позволяющие частично заменить человеческий труд на рутинных и непривлекательных производственных этапах [6]. Системы прогнозирования и мониторинга состояние почвы, животных, климатических подвижек позволяют снизить риска потери урожаев и продуктивности за счет введения превентивных мер [7].

Активное внедрение интеллектуальных инноваций в отрасли АПК продиктовано ростом потребности растущего населения Земли в продовольственном сырье. Ограниченность природного потенциала пределами нашей планеты заставляет наращивать интенсивность производства и сокращение потерь при производстве продовольственного сырья, его транспортировке и переработке. Совместные усилия со стороны государства, бизнес-структур, технологических компаний откроют новые горизонты для эксплуатации последних достижений технологической революции в решении социально-экономических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гущина, А.А., Пчелинцева, Н.В., Шацкий, В.А. Применение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности данных // В сборнике: Инженерное обеспечение инновационных технологий в АПК. Материалы Международной научно-практической конференции. Мичуринск-наукоград РФ, 2021. С. 79–81.
2. Таранова, И.В., Куренная, В.В., Аливанова, С.В., Скребцова, Т.В., Пайтаева, С.Т. Инновационная система АП как основа поэтапной модернизации // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №2/2023 производственного сектора региона / Научный журнал фармацевтических, биологических и химических наук. 2018. Том 9. № 6. — С. 1836–1840.
3. Бережнов, Г.В. Интеллектуализация деятельности предприятия / Г.В. Бережнов // Креативная экономика. — 2007. — № 2 (2). — С. 84–91.
4. Искусственный интеллект: мировые и российские достижения 2024, планы на 2025 год. Режим доступа: https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plany-na-2025-god/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 23.10.2025).
5. Полещенко, К.Н. О возможностях интеллектуальной поддержки инновационной деятельности / К.Н. Полещенко, В.И. Разумов, В.П. Сизиков // Инновации. — 2008. — № 10 (120). — С. 121–124.
6. Цыганов, В.В. Интеллектуальное предприятие: механизмы овладения капиталом и властью (теория и практика управления эволюцией организации) / В.В. Цыганов, В.А. Бородин, Г.Б. Шишкин. — М.: Университетская книга, 2004. — 768 с.
7. Батьковский, А.М., Батьковский, М.А., Мерзлякова, А.П. Модели оценки и прогнозирования финансовой устойчивости высокотехнологичных предприятий // Проблемы экономики и менеджмента. 2011. № 1 (1). С. 35–37.
8. Булава, А.С. Роль инноваций для предприятий, вовлеченных в международный бизнес // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2017. № 1-1. — С. 181–185.

© Федотова Гилян Васильевна (g_evgeeva@mail.ru); Хейчиева Баира Игоревна (z_baira@mail.ru);

Дахнович Кирилл Алексеевич (dakhnovich.kirill@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Эшматов Шарафчон Аскарлович

Ассистент, Таджикский государственный университет
коммерции, Худжанд. Республика Таджикистан
sss616410@inbox.ru

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE ASSESSMENT OF LABOR MARKET TRANSFORMATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Sh. Eshmatov

Summary. This scientific article examines the methodological approaches to assessing the transformations occurring in the labor market in the context of the digital economy's development in the Republic of Tajikistan. The paper emphasizes that Tajikistan has set a course for the transition to an innovative model of economic growth, a direction solidified in documents like the National Development Strategy for the period up to 2030. Digital technologies are viewed as a key component of this innovative development³. The article provides an overview of existing methods for assessing the level of digitalization, including approaches proposed by the **Boston Consulting Group** and **McKinsey**, as well as technological and industry-specific approaches. Special attention is given to analyzing the impact of digitalization on the labor market, which is systematically categorized into five main areas: labor demand, labor supply, productivity, compensation structure, and forms of employment. The author identifies three key stages in the methodology for assessing the impact of digitalization on the labor market: the preparatory, analytical and computational, and conclusive stages. The article notes that the transition to a digital economy in Tajikistan is in its initial phase, and many aspects related to its influence on labor resources require further research. Overall, the study underscores that digital transformation is one of the central trends in the country's economic development, affecting both the public and private sectors.

Keywords: digital economy, labor market, digitalization, innovations, assessment methods, digital transformation, labor resources.

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются методологические подходы к оценке трансформаций, происходящих на рынке труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Таджикистан. В работе подчёркивается, что Таджикистан взял курс на переход к инновационной модели экономического роста, что закреплено в таких документах, как Национальная стратегия развития на период до 2030 года. Цифровые технологии рассматриваются как ключевой компонент этого инновационного развития. В статье приводится обзор существующих методик оценки уровня цифровизации, включая подходы, предложенные Бостонской консалтинговой группой (Boston Consulting Group) и McKinsey, а также технологический и отраслевой подходы. Особое внимание уделяется анализу воздействия цифровизации на рынок труда, систематизированному по пяти основным направлениям: спрос на труд, предложение рабочей силы, производительность, структура вознаграждения и формы занятости. Автор выделяет три ключевых этапа в методике оценки влияния цифровизации на рынок труда: подготовительный, аналитико-расчётный и заключительный. В статье отмечается, что процесс перехода к цифровой экономике в Таджикистане находится на начальном этапе, и многие аспекты, связанные с её влиянием на трудовые ресурсы, требуют дальнейшего исследования. В целом, исследование подчёркивает, что цифровая трансформация является одним из центральных трендов экономического развития страны, затрагивающим как государственный, так и частный секторы.

Ключевые слова: цифровая экономика, рынок труда, цифровизация, инновации, методы оценки, цифровая трансформация, трудовые ресурсы.

В ряде нормативно-правовых документов, определяющих стратегические ориентиры развития Республики Таджикистан на долгосрочную перспективу, закреплён курс на переход к инновационной модели экономического роста. В частности, в Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года рассматриваются три возможных сценария развития страны, один из которых — третий сценарий — ориентирован на реализацию инновационного типа экономического развития.

На наш взгляд, данному курсу способствовало осознание необходимости повышения конкурентоспособно-

сти национальной экономики, формирования системы эффективного управления имеющимся ресурсным потенциалом, неуклонного улучшения уровня благосостояния населения и реализации других ключевых приоритетов, направленных на обеспечение вхождения страны в число экономически развитых государств мира.

В достижении указанных целей ключевую роль играет инновационный путь развития, неотъемлемым компонентом которого является внедрение цифровых технологий. Иными словами, цифровые технологии по своему содержанию являются самостоятельной формой инноваций, а цифровизация, в свою очередь, высту-

пает важнейшим фактором, определяющим условия для развития инновационной деятельности в различных отраслях и сферах экономики.

Действительно, принятие нормативно-правовых актов, концепций и специализированных государственных программ, направленных на внедрение цифровых технологий как на общенациональном, так и на региональном уровнях, свидетельствует о признании ключевой роли, места и социально-экономического значения перехода к цифровой экономике. В подтверждение этого тезиса представим перечень основных нормативно-правовых документов, регламентирующих процессы цифровизации экономики в Республике Таджикистан, в табличной форме:

Таблица 1.

Институциональные основы цифровизации экономики Республики Таджикистан

№	Наименование нормативного правового акта	Форма правового акта и дата принятия
1	Закон Республики Таджикистан «Об информации»	Закон от 10 мая 2002 года № 55
2	Закон Республики Таджикистан «О защите информации»	Закон от 2 октября 2002 года № 71
3	Государственная программа развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в Республике Таджикистан	Программа от 3 декабря 2004 года № 468
4	Концепция формирования электронного правительства в Республике Таджикистан	Концепция от 30 декабря 2011 года № 643
5	Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан	Концепция от 30 декабря 2019 года № 642
6	Закон Республики Таджикистан «Об электронной коммерции»	Закон от 16 декабря 2022 года № 338
7	Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан до 2040 года	Государственная стратегия, 2022 год
8	Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы	Программа от 3 марта 2022 года № 62
9	Закон Республики Таджикистан «Об электронных документах и электронных подписях»	Закон от 15 марта 2023 года № 374
10	Указ Президента Республики Таджикистан «О мерах по расширению безналичных расчетов»	Указ от 22 июня 2023 года № 586

В частности, в дополнение к вышеуказанным инициативам, в Послании Основоположника мира и националь-

ного единства — Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, озвученном в декабре 2024 года, были обозначены приоритетные направления для продвижения цифровой экономики на ближайшие пять лет. В Послании подчёркивается необходимость:

1. Оперативного совершенствования нормативно-правовой базы и принятия соответствующих документов, обеспечивающих переход к цифровой экономике;
2. Развития цифровой инфраструктуры до уровня сетей 5G, создания дата-центров, а также построения эффективной национальной платформы данных;
3. Полной цифровизации государственных услуг и формирования единой платформы их предоставления;
4. Развития человеческого капитала через подготовку и повышение квалификации специалистов в сфере информационных технологий как внутри страны, так и за её пределами, а также повышения цифровой культуры населения;
5. Широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в процессы предоставления услуг и функционирования системы государственной регистрации;
6. Принятия эффективных мер по обеспечению кибербезопасности информационных платформ;
7. Формирования цифрового предпринимательства и активного развития электронной торговли. [10]

В современных условиях, как в национальной экономике Республики Таджикистан, так и во всем мире, одной из ключевых проблем всестороннего развития цифровизации является отсутствие единого методологического подхода, а также наличие множества различных методов как для оценки уровня цифровизации, так и для определения степени влияния цифровизации на экономику.

Учитывая, что основная цель нашего исследования заключается в выявлении степени изменений на отечественном рынке труда под воздействием цифровизации, в настоящей статье анализируется именно второй подход — оценка влияния цифровизации на экономические процессы. Однако прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, необходимо кратко охарактеризовать существующие методические подходы к оценке цифровизации экономики, представленные в научной литературе и практической деятельности.

Среди различных методик оценки уровня цифровизации наиболее часто применяемым и широко распространённым является подход, предложенный Бостонской консалтинговой группой (Boston Consulting Group). Согласно их методике, измерение цифровизации осуществляется посредством расчёта интегрального индекса цифровизации. Этот индекс формируется на основе трёх субиндексов, включающих в себя:

- охват населения сетью Интернет и уровень её доступности;
- расходы на онлайн-услуги;
- активность пользователей Интернета. [12]

В экономической науке также применяется альтернативный подход, предложенный консалтинговой группой McKinsey, предусматривающий расчет индекса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), известного в англоязычной среде под названием DESI (Digital Economy and Society Index). В рамках данного подхода основное внимание уделяется использованию ИКТ в ключевых секторах экономики: домашних хозяйствах, предприятиях и организациях, а также в государственном секторе. [2]

Кроме вышеупомянутых методов, в экономической практике широко применяется так называемый технологический подход к оценке уровня цифровизации. В соответствии с этим подходом рассчитываются три основные группы индексов:

- индекс готовности к сетевой экономике;
- индекс готовности к электронной коммерции;
- индекс информатизации общества. [8]

Помимо технологического, в практике оценки уровня цифровизации используется также так называемый отраслевой подход. В рамках данного подхода расчет базируется на следующих ключевых показателях:

- развитие инновационной инфраструктуры;
- заинтересованность потребителей в новых технологиях;
- охват экономики инновационными продуктами;
- уровень потребления инновационных товаров и услуг;
- привлекательность отраслей для привлечения инвестиций в процессы внедрения новых технологий. [15]

При анализе отраслевого подхода вышеуказанные критерии рассматриваются на уровне отдельных отраслей экономики. Так, например, российские учёные Стефанова М.А., Демкина О.В., Борисова В.В. и Сибирская Е.В. предложили меры по совершенствованию методики оценки уровня цифровизации предприятий, отраслей и сфер экономики. Их разработки направлены на более точное и комплексное измерение цифрового развития на разных уровнях экономической системы. [6]

На наш взгляд, все рассмотренные методики взаимодополняют друг друга и в совокупности вносят значительный вклад в совершенствование методологических основ оценки уровня цифровизации экономики.

В связи с этим в экономической литературе справедливо отмечается следующее: «сущность цифровой

экономики в работах исследователей разных лет определялась в зависимости от технологических нововведений, активно развивавшихся в тот или иной период». Так, если в 1990-х годах ключевым признаком цифровой экономики выступали интернет-технологии, то начиная с 2000-х годов основное внимание сместилось к мобильным и беспроводным сетям, облачным вычислениям и технологиям Big Data. [3]

В современных условиях становление и развитие цифровой экономики сопровождается глубокими структурными преобразованиями в динамике отраслевого роста, изменениями в функционировании различных сфер и на отраслевых рынках. Наиболее остро и чувствительно данные изменения проявляются в трансформации рынка труда, что обуславливает особую значимость оценки влияния цифровой экономики на его текущее состояние и перспективы развития. Цифровая трансформация оказывает прямое и директивное воздействие на параметры функционирования рынка труда в каждой конкретной стране, что актуализирует необходимость всестороннего анализа, переосмысления существующих подходов и разработки эффективных методик оценки.

Логично предположить, что уровень цифровизации и характер изменений на рынке труда должны демонстрировать сходную направленность. С одной стороны, распространение и активное внедрение цифровых технологий может стать стимулом для качественного развития трудовой сферы. С другой — при отсутствии адаптационных механизмов существует риск возникновения регрессивных процессов.

В рамках обобщённого теоретического подхода влияние цифровой экономики на рынок труда можно систематизировать по следующим основным направлениям.

1. **Влияние цифровизации экономики на спрос на рынке труда.** Внедрение цифровых технологий, таких как автоматизация и роботизация производственных процессов, ведёт к изменению потребности в определённых профессиях, компетенциях и уровнях квалификации. Это трансформирует структуру спроса на трудовые ресурсы, смещая акцент в сторону специалистов с цифровыми и инженерно-техническими навыками.
2. **Влияние цифровизации на предложение рабочей силы.** В данном аспекте рассматривается наличие квалифицированных профессиональных кадров как внутри страны, так и за счёт внешней трудовой миграции, а также потенциал системы образования и переобучения в формировании кадрового резерва. Дополнительно оцениваются масштабы создания новых рабочих мест и уровень укомплектованности вакантных позиций.
3. **Воздействие цифровых технологий на производительность труда.** Расширение исполь-

зования цифровых решений способствует росту производительности за счёт автоматизации, сокращения доли ручного труда и повышения эффективности технологических процессов. При этом важную роль играет уровень охвата отраслей инновационными разработками и степень механизации труда.

4. **Влияние цифровизации на уровень и структуру материального вознаграждения.** Здесь анализируются изменения в заработной плате, отражающие уровень квалификации, знаний и опыта работников, особенно в сегментах, связанных с передовыми цифровыми технологиями. Особое внимание уделяется вопросам формирования справедливой системы оплаты труда в условиях цифровой экономики.
5. **Трансформация форм и типов занятости под воздействием цифровизации.** Цифровая трансформация приводит к возникновению новых профессий и форм занятости, таких как фриланс, аутсорсинг, гибкие и удалённые формы трудовой деятельности. Одновременно наблюдается сокращение ряда традиционных видов занятости, что требует адаптации системы трудовых отношений к новым реалиям.

Все обозначенные выше направления воздействия цифровизации на рынок труда поддаются количественной и качественной оценке с использованием современных методов статистического анализа, факторного моделирования, а также социологических подходов, таких как анкетирование, интервью и экспертные опросы. Совокупное применение этих методов позволяет получить объективную картину трансформации трудовых процессов под влиянием цифровых технологий.

В настоящее время становится очевидной высокая степень взаимосвязи между цифровыми преобразованиями и состоянием рынка труда. Последовательный переход к цифровым технологиям находит отражение как в изменении структуры спроса на труд, так и в трансформации параметров предложения рабочей силы. Оба аспекта обладают собственной системой индикаторов, на основании которых можно оценить уровень трудовой обеспеченности экономики, ориентированной на цифровое развитие.

Одним из ключевых направлений формирования кадрового потенциала в условиях цифровизации является повышение адаптивности системы образования к стремительно изменяющимся требованиям цифровой экономики. Совершенствование образовательных учреждений в соответствии с запросами цифровой трансформации выступает базовой предпосылкой обеспечения конкурентоспособности, как отдельных предприятий, так и регионов и национальной экономики в целом.

Для эффективного регулирования процессов на рынке труда в условиях цифровой трансформации необходимо стимулировать внедрение и распространение цифровых решений, развитие цифровой инфраструктуры и информатизацию хозяйственной деятельности. Существенное значение в этом контексте имеет обеспечение доступности высокоскоростного интернета на всей территории страны, расширение цифровой инклюзии и устранение языковых барьеров при использовании онлайн-ресурсов.

Всё вышесказанное предопределяет необходимость активного привлечения инвестиций в развитие цифровой инфраструктуры и технологий как фундамента новой экономической модели.

На основании анализа современных научных источников можно выделить три ключевых этапа, формирующих методику оценки влияния цифровизации на рынок труда. Каждый из этапов представляет собой логически обоснованную составляющую единого аналитического процесса:

I этап — Подготовительный. На данном этапе проводится комплексный анализ внешней и внутренней среды, формируется система показателей, отражающих влияние цифровых технологий на рынок труда. Включаются как абсолютные, так и относительные индикаторы, характеризующие как технологическую зрелость, так и социально-экономическую адаптацию. Особую сложность представляет определение достоверных источников данных, организация сбора и обработки информации. В этой связи оправдано применение широкого спектра методов сбора данных, включая мониторинг, наблюдение и автоматизированную обработку информации.

II этап — Аналитико-расчётный. Этот этап является ключевым в рамках оценки, поскольку включает проведение расчетов, формирование выводов и выявление устойчивых трендов развития рынка труда под воздействием цифровизации. Здесь осуществляется расчет региональных показателей занятости, анализируются количественные и качественные характеристики, выявляются межрегиональные различия и степени вариативности. На базе полученных данных формируются субиндексы, отражающие уровень влияния цифровизации на региональные рынки труда. В последние годы возрастающую популярность приобретает использование интегральных показателей, формируемых на основе комплексных индикаторов, что обеспечивает более системное понимание происходящих изменений.

III этап — Заключительный. На завершающем этапе осуществляется систематизация и интерпретация полученных данных, анализ направлений и глубины

выявленных изменений. Составляются итоговые аналитические и научные отчёты, содержащие обоснованные выводы и рекомендации для принятия управленческих решений в сфере трудовой политики и цифровой трансформации экономики.

С нашей точки зрения, при оценке уровня цифровизации экономики целесообразно определить и конкретизировать характер и содержание цифровых процессов в различных отраслях и сферах хозяйственной деятельности. В современных условиях затруднительно однозначно классифицировать тот или иной вид экономической деятельности как исключительно цифровой или традиционный, поскольку цифровые технологии тесно интегрированы в структуры традиционной экономики. Во многих случаях проведение четкой границы между цифровой и недигитализированной экономикой представляется затруднительным. Это обусловлено высокой скоростью развития и широким распространением информационно-коммуникационных технологий, которые в возрастающей степени внедряются в деятельность большинства экономических субъектов. Указанные процессы могут быть представлены в виде следующей схемы:

Таблица 2.

Структурное соотношение традиционных и цифровизированных компонентов в различных отраслях экономики

Отрасли экономики	Традиционная часть	Цифровизированная часть
Промышленность	Производственные мощности, использующие аналоговые технологии; ручной труд	Автоматизация производственных процессов, системы промышленного Интернета вещей (IIoT), цифровое проектирование
Сельское хозяйство	Традиционные агротехнические методы, механизированные процессы	Прецизионное земледелие, использование GPS, беспилотные технологии и агродроны, цифровой мониторинг урожайности
Образование	Очное обучение, бумажные учебные материалы, традиционные лекции	Онлайн-курсы, электронные образовательные платформы, ИИ-ассистенты, цифровые библиотеки
Банковская система	Операции через отделения, бумажный документооборот	Интернет-банкинг, мобильные приложения, блокчейн-технологии, финтех-решения
Транспорт	Ручное управление транспортом, бумажные логистические схемы	Умные транспортные системы, телематика, цифровая логистика, автономный транспорт

Представленные данные таблицы 2 иллюстрируют наличие как традиционных, так и цифровых компонентов в ключевых отраслях экономики, что подтверждает сложность их четкой классификации и свидетельствует о высокой степени интеграции цифровых технологий в экономическую деятельность.

Быстрое распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в настоящее время наблюдается во всех отраслях и сферах экономики. Тем не менее, в экономике Республики Таджикистан изучение перспектив развития отраслей хозяйственной деятельности в условиях цифровизации находится на начальной стадии. В частности, остаются недостаточно проработанными ключевые вопросы, касающиеся определения роли цифровизации в управлении ресурсами, включая трудовые ресурсы, особенно в контексте повышения уровня благосостояния населения.

Кроме того, пока не представляется возможным однозначно оценить вклад цифровизации в решение важнейших социально-экономических задач, таких как обеспечение занятости населения, улучшение качества жизни и повышение устойчивости экономической активности. Недостаточно исследованы и связи между цифровыми трансформациями и обеспечением устойчивого развития предприятий, а также с организацией труда в условиях цифровой экономики.

Следует признать, что в настоящий момент нельзя с высокой степенью точности и научной обоснованности ответить на обозначенные вопросы, поскольку многие аспекты цифровизации ещё не подверглись всестороннему и системному исследованию. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что процесс перехода к цифровому обществу и цифровой экономике в Таджикистане находится на начальном этапе.

С нашей точки зрения, переход к цифровой экономике в настоящее время является одним из центральных трендов экономического развития страны. Этот процесс охватывает все секторы экономики — как государственные, так и частные. В условиях ускоренного технологического прогресса цифровизация постепенно превращается в ключевой фактор экономического роста и трансформации национальной экономики.

В этом контексте исследование ряда методологических аспектов развития рынка труда под воздействием формирования цифровой экономики представляется объективной необходимостью. Цифровая экономика обладает специфическими характеристиками, отличающими её от традиционной модели хозяйствования, что требует пересмотра существующих подходов к анализу трудовых процессов, занятости и управления человеческими ресурсами. Уместно привести мнение российско-

го исследователя Н.С. Верховского, который отмечает: «Цифровая трансформация — это новая революция, которая изменит все сферы жизнедеятельности». [4]

Действительно, повсеместное внедрение новых технологий в хозяйственную деятельность предприятий вносит принципиально новое содержание в трудовые отношения, придавая им особый характер. Особенно важно, что под влиянием цифровизации трансформируются ключевые направления стратегического развития организаций. По этому поводу в экономической литературе справедливо отмечается: «Цифровая трансформация меняет не просто технологии — она меняет принципы построения бизнеса, стратегию и способы принятия решений». [9]

Несомненно, за последние годы, особенно за последние десять лет, внедрение информационно-коммуникационных и цифровых технологий на отечественных предприятиях стало важным критерием их конкурентоспособности и стимулом интенсивного развития. Иными словами, благодаря цифровизации большинство хозяйствующих субъектов смогли существенно укрепить свои позиции, как в производственной, так и в финансовой, логистической и маркетинговой сферах, обеспечив тем самым повышение эффективности своей деятельности.

Исходя из этого, исследование существующих методик оценки уровня цифровизации предприятий представляет значительный научно-методический и практический интерес. В современной экономической науке разработано множество подходов, направленных на количественную и качественную оценку степени цифровизации организаций.

Хотя детальный анализ данных методик выходит за рамки настоящего исследования, целесообразно привести примеры некоторых из них для подтверждения значимости инновационного характера организации производственных процессов на предприятиях. Так, например, аудиторская и консалтинговая корпорация Deloitte предлагает показатель, отражающий степень цифровой зрелости рынка — модель цифровой зрелости (Digital Maturity Model). [1]

При оценке уровня цифрового развития в рамках исследования были охвачены все ключевые аспекты хозяйственной деятельности предприятий. Иными словами, анализ проводился с учётом внедрения инновационных технологий в производственные процессы, потребление, технологические решения и организационные формы.

Среди применяемых методик оценки цифровизации можно выделить модель «цифровых чемпионов», предложенную корпорацией PVS. Данная модель ориентиро-

вана на комплексное использование цифровых технологий в трёх основных направлениях:

- взаимодействие с клиентами;
- организация производственного процесса;
- управление персоналом. [5]

Другой подход представлен Германской академией наук и инженерии, которая предлагает оценивать уровень цифровизации предприятий на основе индекса цифровой зрелости. Этот индекс разрабатывается с опорой на концепцию «Индустрии 4.0» [16], и отражает степень внедрения соответствующих технологий в такие сферы, как производство, логистика, маркетинг и другие ключевые бизнес-процессы.

В дополнение к зарубежным методикам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) разработал собственный подход к оценке уровня цифровизации предприятий. [7] Он основан на принципах системного анализа, включает в себя оценку эффективности внедрённых цифровых технологий, анализ потенциальных преимуществ их использования, а также учёт как количественных, так и качественных показателей цифрового развития.

Алгоритм расчета предполагает 4 этапа:

1) расчёт индекса показателя активности субъектов цифровизации (Q_{mij}):

$$Q_{mij} = \frac{x_j}{k_{max}}$$

где x_j — значение показателя цифровизации j -го субъекта;

k_{max} — максимальное значение показателя цифровизации в совокупности всех исследуемых субъектов.

2) Расчет индекса активности субъектов цифровизации региона ($I_{цj}$):

$$I_{цj} = \frac{(Q_{mij1} + Q_{mij2} + \dots + Q_{mij17})}{17}$$

3) расчет индекса активности субъектов цифровизации региона (P_{nij}):

$$P_{nij} = \frac{y_j}{k_{max}}$$

где y_j — значение показателя условий цифровизации субъекта;

k_{max} — максимальное значение показателя цифровизации в совокупности всех исследуемых субъектов.

4) Расчет индекса условий цифровизации региона ($I_{уц}$):

$$I_{уц} = t_1 \times \frac{P_{nij1} + \dots + P_{nij3}}{3} + t_2 \times \frac{P_{nij4} + \dots + P_{nij5}}{2} + \\ + t_3 \times \frac{P_{nij6} + \dots + P_{nij7}}{2} + t_4 \times \frac{P_{nij8} + \dots + P_{nij9}}{2} + \\ + t_5 \times \frac{P_{nij10} + \dots + P_{nij12}}{3} + t_6 \times \frac{P_{nij13} + \dots + P_{nij14}}{2}$$

где $t_1 - t_6$ весовые коэффициенты условий цифровизации.

Данная методика предполагает исчислять интегральный показатель как среднюю величину нормированных частных показателей:

$$I_{цн} = \frac{\sum_{i=1}^n p_i^{norm}}{n}$$

где $I_{цн}$ — интегральный индекс уровня развития цифровой инфраструктуры субъекта;

p_i^{norm} — i -й показатель, характеризующий уровень развития цифровой инфраструктуры субъекта;

n — число показателей, характеризующий уровень развития цифровой инфраструктуры субъекта.

Для получения интегральной оценки уровня развития цифровой экономики в регионах данные показатели нормируются по формуле:

$$x_{ij}^0 = \frac{|x_{ij} - x_j^0|}{\max / \min x_j - x_j^0}, t=1,2,3,\dots, n; j=1,2,3,\dots, m$$

где x_0 — наихудшие значения (по каждому показателю) из всех встречающихся;

$\max/\min$ — наиболее отличающиеся от значения показатели;

n — количество исследуемых субъектов;

m — число показателей, использованных для расчетов ($m=3$).

Следует подчеркнуть, что в большинстве существующих методик оценки уровня цифровизации предприятий ключевыми индикаторами выступают следующие параметры:

- степень автоматизации, роботизации и интеграции цифровых решений в производственные процессы;
- способность предприятий к применению и эффективному использованию технологий обработки больших данных (Big Data);
- внедрение инструментов искусственного интеллекта в процессы управления ресурсами.

В настоящее время активно развиваются научные исследования, направленные на формирование и совершенствование методологических основ оценки уровня цифровизации как на уровне отдельных предприятий, так и на уровне регионов и национальной экономики в целом.

В частности, одной из методик оценки цифровизации регионов является подход, основанный на системе из 29 индикаторов, сгруппированных по четырём основным направлениям:

1. Показатели, отражающие состояние научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР);
2. Показатели, характеризующие уровень инновационной деятельности;
3. Показатели, описывающие условия для осуществления инновационной деятельности;
4. Показатели, отражающие уровень инновационной активности.

Комплексный анализ по этим направлениям позволяет получить объективную оценку уровня цифрового развития региона и провести сравнительный межрегиональный анализ, что особенно важно при разработке эффективных управленческих решений и реализации государственной цифровой политики. [11]

Следует отметить, что в большинстве случаев под методиками оценки цифровизации фактически подразумеваются подходы к оценке уровня инновационного развития. Особенно это касается исследований на региональном уровне, где цифровизация рассматривается как важнейший фактор формирования и функционирования инновационной экономики.

При оценке условий для реализации инновационной деятельности в регионах, как правило, в расчёт принимаются следующие базовые показатели цифровизации:

1. Наличие широкополосного доступа к сети Интернет со скоростью более 100 Мбит/с — учитывается доля организаций, имеющих доступ к таким каналам связи;
2. Доля пользователей Интернета среди взрослого населения — отражает степень вовлечённости населения в цифровую среду;
3. Доля организаций, предоставляющих цифровые образовательные услуги — показывает уровень развития цифровой инфраструктуры в сфере образования.

Кроме того, в современной экономической науке существует подход, основанный на использовании интегральных индексов. Эти методики направлены на комплексную оценку цифрового развития и включают два ключевых компонента:

- Оценку базовых условий цифровизации, включающую степень информатизации, доступность циф-

ровой инфраструктуры и характеристики интернет-соединения (скорость, стабильность, охват);

— Индекс цифровой активности субъектов, охватывающий степень вовлечённости в цифровую экономику основных участников — населения, бизнеса и государственных институтов. [15]

Таким образом, интегральный подход позволяет получить сбалансированную и объективную картину цифровой трансформации на уровне региона, сочетая как технологические, так и социально-экономические аспекты.

В экономической литературе широкое распространение получил метод оценки уровня цифровизации, известный как E-Intensity Index. Суть данного подхода заключается в интегральной оценке трёх ключевых групп индикаторов, отражающих степень цифрового развития страны или региона. [12]

Первая группа включает показатели, характеризующие развитие цифровой инфраструктуры, а именно:

- наличие доступа к сети Интернет;
- качество интернет-соединения;
- доступность (стоимость подключения и использования Интернета);
- скорость фиксированного и мобильного Интернета.

По оценке экспертов Бостонской консалтинговой группы (Boston Consulting Group), вес данной составляющей в общем интегральном индексе должен составлять около 50%, поскольку именно инфраструктура определяет базовые возможности для цифровой трансформации.

Вторая группа охватывает уровень электронных расходов, в том числе:

- расходы, связанные с ведением электронной коммерции;

- инвестиции в цифровую рекламу;
- другие формы затрат на цифровые бизнес-модели.

Согласно рекомендациям BCG, удельный вес данного компонента составляет порядка 25 % в структуре индекса.

Третья группа индикаторов отражает уровень цифровой активности различных субъектов экономики, включая:

- распространённость использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) среди населения;
- уровень цифровизации бизнес-структур;
- степень внедрения цифровых решений в государственных учреждениях.

Весовой коэффициент этого компонента, по мнению экспертов, должен составлять около 25 %.

Несмотря на популярность методики E-Intensity, следует отметить, что каждая система оценки уровня цифровизации обладает как достоинствами, так и ограничениями, связанными с доступностью данных, актуальностью индикаторов и степенью охвата разных сфер экономики.

В связи с этим представляется целесообразным применение комплексного подхода, опирающегося на открытые статистические данные и учитывающего как количественные, так и качественные параметры цифрового развития.

В целом, внедрение цифровых технологий в различные отрасли и сферы экономики выступает не только важнейшим фактором повышения конкурентоспособности, но и оказывает многостороннее влияние на социально-экономическую динамику и устойчивое развитие национальной экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital Maturity Model. Achieving Digital Maturity to Drive Grow. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deloitte.com>
2. Авдеевская Е.А. Анализ и рекомендации по дополнению индекса цифровизации экономики и общества / Цифровая экономика / Индустрия 4.0: тенденции 2025. Сборник трудов научно-практической конференции с международным участием. Под ред. А.В. Бабкина. 2019. С.312–316.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. №2. С. 143–172.
4. Верховский Н.С. Цифровая трансформация — это новая революция, которая изменит все сферы жизнедеятельности. Московская школа менеджмента «Сколково». [Электронный ресурс]. URL: <http://trends.skolkovo.ru>
5. Глобальное исследование цифровых операций в 2018 году. «Цифровые чемпионы». Как лидеры создают интегрированные операционные экосистемы для разработки комплексных решений для потребителей. PwC России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru>
6. Демкина О.В., Борисова В.В., Шаламова Н.Г. Вопросы построения рейтинговой оценки готовности России к цифровизации / Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Smart Nations: экономика цифрового равенства / Материалы III Международного научного форума. Министерство науки и высшего образования РФ, Государственный университет управления. 2020. С.337–349., Стефанова, Н.А. Оценка эффективности цифровой экономики / Н.А. Стефанова Т.Э. Рахманова // Карел. науч. журн. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 301–304, Сибирская Е.В. Различия в подходах и оценки уровня технологического развития государства // ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». 2018.С. 266–267.
7. Кевеш М.А., Филатов Д.А. Индекс цифровизации бизнеса // Цифровая экономика: экспресс-информация. — 2019. — № 12(121). — с. 1–3.

8. Лыщикова Ю.В. Пространственное цифровое неравенство: подходы к измерению / Цифровая трансформация экономики и промышленности. Сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием. Под ред. А.В. Бабкина. 2019. С.330–338.
9. Минг Зенг Умный бизнес: что успех компании Alibaba приоткрывает о будущем стратегии». Московская школа менеджмента «Сколково». [Электронный ресурс]. URL: <http://trends.skolkovo.ru>
10. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики. (28.12.2024). — Душанбе; изд-во «Шарки озод», 2024. — С. 7–8.
11. Рада А.О., Федулова Е.А., Косинский П.Д. Разработка методики оценки эффективности внедрения цифровых технологий в агропромышленном комплексе // Техника и технология пищевых производств. — 2019. — № 3. — с. 495–504.
12. Россия Онлайн? Догнать нельзя отстать, The Boston Consulting Group (BCG). 2016.
13. Россия онлайн? Догнать нельзя, отстать. Июнь 2016 / Б. Банке и др. [Электронный ресурс] // The Boston Consulting Group. — С.48–49.
14. Степанова В.В., Уханова А.В., Григоришин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка цифровых экосистем регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. №2.
15. Шашкина Е.О. Измерение степени цифровизации национального финансового рынка на примере банковского сектора // Финансы и кредит. — 2018. — Т. 24, № 10. — С. 2316–2330.
16. Шу Г., Андерл Р., Гауземайер Ю. Индекс зрелости Индустрии 4.0. Управление цифровым преобразованием компаний. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.acatech.de>

© Эшматов Шарафчон Аскарлович (sss616410@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА САУДОВСКОЙ АРАВИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «SAUDI ARABIA VISION 2030»

PENSION REFORM IN SAUDI ARABIA IN THE CONTEXT OF THE «SAUDI ARABIA VISION 2030»

**O. Grigorieva
A. Nikulshin**

Summary. In the modern world, the Kingdom is regarded as a welfare state characterized by a high level of social protection. However, the growing proportion of retirees places an additional fiscal burden on the national budget. In response, Crown Prince Mohammed bin Salman launched the comprehensive economic programme *Saudi Arabia Vision 2030*, which included a landmark pension reform. Despite a number of shock measures—such as equalizing and raising the retirement age for men and women to 65, and increasing pension contribution rates—the reform is regarded as a unique and progressive model of social security, potentially serving as a benchmark for countries in the Middle East. The study is based on an analysis of the provisions of the Saudi Arabian Social Security Law 2024 in relation to the current socio-economic situation in the country, its development prospects, and the political vision for the further development of the Kingdom.

Keywords: Saudi Arabia, pension reform, retirement age, pension contributions, social insurance, minimum pension, old-age benefits.

Григорьева Ольга Геннадьевна

д.ю.н., профессор, Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России
5618861@mail.ru

Никольшин Александр Андреевич

соискатель, Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
alex.nikulshin@yandex.ru

Аннотация. В современном мире Королевство Саудовская Аравия считается государством «всеобщего благоденствия» с высоким уровнем социальной защищенности граждан. Однако увеличение доли пенсионеров возлагает на бюджет Королевства дополнительную финансовую нагрузку по их социальному обеспечению. Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман инициировал новую комплексную экономическую программу «Saudi Arabia Vision 2030», в рамках которой была проведена и пенсионная реформа, которая, не смотря на ряд шоковых нововведений (уравнивание пенсионного возраста мужчин и женщин и его повышение до 65 лет, рост тарифов пенсионных взносов и др.), оценивается, как уникальная и наиболее передовая в плане социального обеспечения граждан, достойная стать модельной для стран Ближневосточного региона. Исследование основано на анализе норм Закона Саудовской Аравии о социальном страховании 2024 г. в соотношении с текущей социально-экономической ситуацией в стране, перспективами ее развития, политическим видением дальнейшего развития Королевства.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, пенсионная реформа, пенсионный возраст, пенсионные взносы, социальное страхование, минимальная пенсия.

Введение

Демографическая ситуация в Королевстве Саудовская Аравия (далее — КСА) характеризуется снижением рождаемости и одновременным значительным ростом численности населения за счет иммигрантов. Данная проблема активно исследуется в литературе [1,2]. Так, в 1960 г. в КСА проживало 4 млн чел., в 2024 г. — 35,3 млн чел. [3] Те есть за 64 года население страны увеличилось почти в 9 раз! Не смотря на довольно высокий уровень занятости — 66,3 %, власти озабочены проведением пенсионной реформы, поскольку рождаемость снижается, а продолжительность жизни возрастает.

В течение 2021–24 гг. КСА проводило пенсионную реформу, которая стала прорывной для региона: Всемирный банк назвал её «значительным скачком» в трансформации пенсий и моделью для стран Ближнего Востока. Она одновременно повышает долгосрочную

финансовую устойчивость системы (благодаря более позднему выходу и росту взносов) и способствует гендерному равенству (уравнивая пенсионный возраст). Безусловно, политически такие меры проводить крайне сложно, поэтому уникальный опыт Саудовской Аравии достоин внимания исследователей.

Д. Мошашаи, А. Лебер и Дж. Сэвидж, анализируя проводимые в КСА реформы, пишут о том, что в ответ на стремительное падение мировых цен на нефть наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман представил новую экономическую программу «Saudi Arabia Vision 2030» («Видение Саудовской Аравии 2030») и сопутствующий ей Национальный план трансформации, которые позволят Королевству диверсифицировать свою сильно зависящую от нефти доходную базу, сократить растущий бюджетный дефицит, сбалансировать бюджет и способствовать долгосрочному экономическому росту [2].

Основные результаты проведенной в КСА пенсионной реформы освещены ниже, представляют читателю возможность собственной оценки и сравнения с пенсионными реформами других стран.

Дореформенное состояние пенсионной системы

По данным Генеральной организации социального страхования КСА (General Organization for Social Insurance, (الهيئة العامة للتأمينات الاجتماعية) (da-lee — GOSI), общее число получателей пенсионных выплат на конец 2023 г. составило около 697,4 тыс. человек, что на 21,1 тыс. больше, чем годом ранее.[4] Сюда относятся, как пенсионеры по старости, так и лица, получающие пенсии по случаю потери кормильца. По данным GOSI динамика численности пенсионеров показывает устойчивый рост: например, число пенсионеров гражданской службы увеличилось с ≈ 194 тыс. в 2015 г. до 363 190 человек к концу 2022 г. Это означает рост более чем на 167 % за последние годы. Ежегодный прирост ускоряется: только в 2022 г. количество новых выходов на пенсию (по всем категориям) составило 26,7 тыс., что на 14,8 % больше, чем в 2021 г. [5].

До недавнего времени в КСА существовал сравнительно ранний выход на пенсию, что отразилось на возрастном профиле пенсионеров. Значительную долю составляют лица трудоспособного возраста, досрочно оставившие работу. Например, в 2018 г. крупнейшей возрастной группой среди пенсионеров были 50–54-летние (25 % всех пенсионеров), следующей — 45–49-летние (20 %), тогда как пенсионеры 60–64-летние составляли около 19 %.[6] Доля самых старших возрастов (70 лет и более) была относительно невысока. Такая структура указывает на популярность раннего выхода на пенсию, особенно среди отдельных категорий (например, военнослужащих и госслужащих), и создает нагрузку на пенсионную систему.

В литературе отмечается, что Саудовская Аравия добилась значительных успехов в повышении продолжительности жизни своего населения, и общая тенденция имеет восходящую и положительную динамику. На это повлияли политическая стабильность и соответствующая государственная политика, благоприятные социально-экономические факторы, что в конечном итоге отражается на здоровье населения. Система государства всеобщего благосостояния в КСА действительно выделяется на фоне других стран. Основными столпами благосостояния граждан КСА являются система перераспределения земли, пенсионная система, социальные пособия, здравоохранение и образование [7].

Основное число пенсионеров проживает в столичном регионе Рияд и крупнейшей провинции Мекка — на них вместе приходится примерно половина всех

пенсионеров. К другим крупным кластерам относятся Восточная провинция (Эш-Шаркия) и Медина. Меньше всего пенсионеров проживает в малонаселенных регионах Северной границы и Наджран (в 2022 г. — лишь несколько тысяч человек в каждом).

Исторически пенсионный возраст в КСА составлял 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Существовали также условия досрочного выхода на пенсию: после 25 лет (300 месяцев) «стажа saudi» можно было оформить пенсию независимо от возраста.[8] Такая система привела к росту числа относительно молодых пенсионеров и финансовым рискам для пенсионного фонда. В ответ на вызовы старения населения и с целью повысить устойчивость пенсионной системы в 2024 г. проведена масштабная пенсионная реформа.

Основные нововведения пенсионной реформы

Основным законодательным актом, регулирующим вопросы пенсий, в КСА является новый Закон о социальном страховании (Social Insurance Law), утвержденный Королевским указом D/273 от 26 Зуль-Хиджа 1445 (соответствует 3 июля 2024 г.) по предложению Совета министров от 2 июня 2024 г. и с одобрения Меджлис аш-Шуры (консультативного органа по политическим и законодательным вопросам).

Закон опубликован в «Умм аль-Кура» (عقلا م) [9] 13 июля 2024 г. — официальной правительственной газете КСА, в которой с 1924 г. публикуются королевские указы, решения Совета министров, законы и поправки к ним, регламенты, уведомления государственных органов. Отметим, что именно публикация в «Умм аль-Кура» является юридическим подтверждением вступления в силу закона или указа. Без этой публикации акт не считается официально действующим в правовой системе Королевства. Поиск необходимого акта в базе «Умм аль-Кура» осуществляется по дате или номеру Королевского указа.

Закон о социальном страховании 2024 г. — полностью новый акт, заменивший предыдущий закон о социальном страховании (Social Insurance Law) от 29 ноября 2000 (утвержденный Королевским указом M/33/1421), в полном объеме вступает в силу с 1 июля 2025 г.

Пенсия по старости. Пожалуй, самое непопулярное нововведение — **повышение пенсионного возраста**. Возраст выхода на пенсию для новых поколений работников увеличен до 65 лет. Для тех, кто в настоящее время работает, вводится поэтапное повышение: для застрахованных моложе 48,5 лет на дату реформы пенсионный возраст будет постепенно повышаться до значения до 65 лет в зависимости от года рождения. Фактически для 48-летних он увеличится на 4 месяца, и с каждым по-

следующим годом — еще на +4 месяца, таким образом самые молодые (до 29 лет) получат планку пенсионного возраста — 65 лет. Важно отметить, что эта мера уравнила возраст для мужчин и женщин, устранив прежний более ранний выход для женщин [10].

Женщины и мужчины теперь имеют одинаковый пенсионный возраст — 65 лет. Л. Альхокайл отмечает, что в Саудовской Аравии в настоящее время резкий рост включения женщин в рынок труда — до 35,5 % и выше [11]. Постепенно в саудовском обществе формируется новое отношение к женщине, как к работнику, профессионалу, и законодатель стремится стимулировать найм женщин на работу. Отметим, что на это направлено такое нововведение реформы, как оплата отпуска по беременности и родам из фонда социального страхования (ранее это оплачивал работодатель). Традиционно саудовские женщины посвящали себя заботам о семье и доме, но в настоящее время женщины стремятся к большей вовлеченности в труд и общественную жизнь.

Увеличение стажа для досрочного выхода на пенсию. Теперь досрочный выход на пенсию возможен не ранее достижения 55 лет (для новых сотрудников) при увеличенном требуемом стаже. Минимальный стаж для досрочной пенсии повышен с 25 до 30 лет (360 месяцев). Для работников, уже имевших большой стаж на момент реформы, сделаны послабления: если к июлю 2024 г. у застрахованного было ≥ 19 лет стажа, для него требуемый стаж остался 25 лет; далее за каждый недостающий год сверх 15 лет добавляется +12 мес., вплоть до 30 лет для тех, у кого < 15 лет стажа. Кроме того, досрочную пенсию теперь можно оформить не более чем за 10 лет до достижения нового пенсионного возраста.[8] Эта мера призвана ограничить слишком ранний выход на заслуженный отдых, соответственно, отсрочить пенсионные выплаты.

Новые требования особенно контрастируют с существовавшим ранее положением, когда право досрочного выхода наступало сразу при достижении льготного стажа и вне зависимости от возраста.

Рост тарифов пенсионных взносов — еще одно ужесточение проводимой пенсионной реформы в КСА. Ранее страховые взносы в пенсионный фонд суммарно составляли 18 % фонда заработка — по 9 % от работодателя и работника. С 2025 г. ставка увеличивается ежегодно на 0,5 % для каждой стороны до достижения суммы 22 % (11 % + 11 %) в 2028 году.[8] Таким образом, общий тариф на пенсионное страхование вырастет с 18 % до 22 % от зарплаты, что укрепит финансирование пенсионной системы, но и одновременно увеличит финансовую нагрузку на работодателя и работника. Отметим, что из зарплаты удерживаются взносы и на другие социальные цели, например на страхование от безработицы и производственных травм. Вместе с тем, рост тарифа

пенсионных взносов оценивается отдельными экспертами, как испытание, вызов.[12]

Изменена формула расчета годового коэффициента начисления. Так, если до реформы начислялось 2,5 % за каждый год стажа, то теперь этот коэффициент снижен до 2,25 %. Максимальный размер пенсии по-прежнему ограничен 100% от среднего заработка. Для расчета берется средняя зарплата за последние 24 месяца трудовой деятельности. Таким образом, ранее 40-летний трудовой стаж обеспечивал полную пенсию (100 % зарплаты), а теперь потребуется ~44,5 лет для того же результата.

Унификация пенсионной системы для всех саудовских работников. Ранее в КСА существовало два агентства социального страхования — GOSI, который обслуживал частный сектор, и PPA (Public Pension Agency, *مؤسسة التأمين العامة*), занимался социальным обеспечением государственных служащих. В июне 2021 г. Совет министров КСА одобрил слияние PPA и GOSI в один общий страховой и пенсионный фонд на основе GOSI для повышения эффективности, избежания дублирования полномочий и пенсионных дел, унификации управления актами и стандартов обслуживания. А Закон 2024 г. ввел еще и единые пенсионные условия для работников всех секторов.

Безусловно данное нововведение повышает мобильность рынка труда, делает более комфортным переход работников из госсектора в частный и наоборот.

Цифровые сервисы GOSI позволяют гражданам получить персональную информацию о том, как их затронула пенсионная реформа (актуальный пенсионный возраст, право на досрочную пенсию и др.). Для получения информации требуется ввести свой ID.

Минимальная пенсия. Законодательство КСА гарантирует минимальный уровень пенсионного обеспечения. Если рассчитанная по формуле сумма оказывается слишком низкой, пенсия повышается до установленного минимума — 1 983,75 SAR в месяц (около 530 долларов США). Этот минимум защищает низкооплачиваемых работников с небольшим трудовым стажем от бедности в старости.

Надбавки к пенсии на иждивенцев. Пенсионная система КСА учитывает семейное положение пенсионера. Если на его иждивении находятся нетрудоспособные члены семьи (например, несовершеннолетние дети или супруг(а) без собственного дохода), к его пенсии добавляются надбавки: +10 % за одного иждивенца, +15 % за двух, +20 % за трёх и более.[5] Эти проценты рассчитываются от основной суммы пенсии. Например, если пенсия по выслуге лет составила 2000 SAR, то при нали-

чий двоих иждивенцев выплата увеличится на 15 % (еще +300 SAR). После смерти пенсионера его семья (вдова, дети) получают пенсию по случаю потери кормильца, размер которой также рассчитывается исходя из его прав (обычно 50 % пенсии — если один получатель, 75 % — если двое, и 100 % делятся, если трое и более иждивенцев).

Пособие по старости (без права на пенсию). Законодательство КСА учитывает ситуации, когда работник увольняется, не получив права на досрочную пенсию и не имеет инвалидности, т.е. не имеет права на ежемесячную пенсию. В таких случаях предусмотрена разовая выплата («старостное пособие» или «пособие по старости»). Оно рассчитывается по следующей формуле:

- первые 5 лет работы — за каждый месяц стажа начисляется 10 % от средней зарплаты (за последние 2 года),
- с 6 года и далее — 12 % за каждый месяц.[13]

Например, при 10-летнем трудовом стаже единовременное пособие составит около 13,2 среднемесячных окладов единовременно. Такая система обеспечивает определенную поддержку от государства тем, кто по различным причинам не получил право на пенсию.

Пособие по инвалидности. В КСА предусмотрены пенсии по инвалидности (не связанной с производственной травмой) при наличии хотя бы 12 месяцев трудового стажа, если инвалидность наступила до 60 лет. Размер пенсии по инвалидности не может быть ниже минимальной пенсии (1 983,75 SAR) или составляет 50 % от среднего заработка — для размера пенсии берется большее из этих значений. Если инвалид нуждается в постоянном уходе, его пенсия увеличивается на 50 % (но не более чем на 3500 SAR).[5]

Пенсия при потере кормильца. В случае смерти члена системы социального страхования его родственники получают пенсию по случаю потери кормильца (семейную) — она рассчитывается аналогично пенсии по инвалидности, но распределяется между иждивенцами. Семья неработавшего гражданина или не имевшего достаточного трудового стажа может претендовать на одноразовое пособие при потере кормильца.

Заключение

Пенсионная система КСА прошла активную трансформацию. Не смотря на целый ряд весьма жестких нововведений реформа заложила фундамент для долгосрочной финансовой стабильности населения: повышен пенсионный возраст, увеличен требуемый трудовой стаж, объединены пенсионные системы государственного и частного секторов, скорректирована формула расчета пенсий и др. Без этих нововведений в перспективе ближайших десятилетий пенсионной системе грозил серьезный дисбаланс из-за быстрого роста числа пенсионеров и повышения продолжительности жизни.

Пенсионная реформа не вызвала бури негатива в обществе, поскольку не затронула прав нынешних пенсионеров и право будущих пенсионеров получать пенсию в размере 100 % заработной платы, минимальная пенсия гарантирована, не затронуты права иждивенцев пенсионеров.

Несмотря на то, что молодым поколениям до пенсии придется работать дольше, взамен они получают стабильный финансовый фонд и гарантированные высокие пенсионные выплаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Basheikh, M.A., Balubaid, H., Mohammed, B.A., & Hashim, B. (2021). Kingdom of Saudi Arabia. *Int. J. Ageing Dev. Ctries*, 6, 141–154.
2. Moshashai, D., Leber, A.M., & Savage, J.D. (2020). Saudi Arabia plans for its economic future: Vision 2030, the National Transformation Plan and Saudi fiscal reform. *British journal of Middle Eastern studies*, 47(3), 381–401.
3. Саудовская Аравия — Население. <https://ru.tradingeconomics.com/saudi-arabia/population>
4. Официальный сайт финансового новостного портала Саудовской Аравии Argaam. <https://www.argaam.com/ar/article/articledetail/id/1729102>
5. Официальный сайт Генеральной организации социального страхования Саудовской Аравии (GOSI). [cdn.gosi.gov.sa: https://cdn.gosi.gov.sa/StatisticsAndData/files/GOSI2022StatisticsReport2022.pdf6](https://cdn.gosi.gov.sa/StatisticsAndData/files/GOSI2022StatisticsReport2022.pdf6)
6. albiladdaily.com/2020/01/09/1-8-%D9%85%D9%84%D9%8A%D9%88%D9%86-%D9%85%D8%AA%D9%82%D8%A7%D8%B9%D8%AF-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%85%D9%84%D9%83%D8%A9-%D8%B9%D8%A7%D9%85-2027
7. Aldosary, A.S., Nahiduzzaman, K.M., & Rahman, M.T. (2021). Financing the welfare state system in Saudi Arabia. In *Financing Welfare State Systems in Asia*, 88–101.
8. Официальный сайт страховой компании Lockton. Saudi Arabia introduces new social insurance reforms. <https://global.lockton.com/us/en/news-insights/saudi-arabia-introduces-new-social-insurance-reforms>
9. Официальный сайт правительственной газеты «Умм аль-Кура». <https://uqn.gov.sa/>
10. Saudi Arabia increases retirement age under new Social Insurance Law | Saudi Gazette <https://saudigazette.com.sa/article/644003>
11. Alhokail, L. (2025). The Inclusion of Women in the Labour Market: Saudi Arabia's Leap from 21.2% to 35.5% and Beyond. *World Journal of Women and Sustainable Development*, 1(1), 15–27.
12. Oxford Analytica, (2024). Saudi Arabia's labour market reform will face tests. *Emerald Expert Briefings*, (oxan-db).
13. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. Саудовская Аравия (EN) https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/pensions-at-a-glance-2023-country-notes_2e11a061/saudi-arabia_a558a928/9321a997-en.pdf

© Григорьева Ольга Геннадьевна (5618861@mail.ru); Никульшин Александр Андреевич (alex.nickulshin@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

FORMS AND METHODS
OF OBJECTIFICATION OF LEGAL
CONSCIOUSNESS

T. Danilenkova

Summary. The work is devoted to the study of the essence, nature, as well as the analysis of specific forms and methods of objectification of legal consciousness. In the course of the research, it was determined that the objectification of legal consciousness is both a formal and informal process of transformation of subjective representations, archetypes, values and ideas regarding the relationship of an individual and society to law and the legal system into an objective reality — that is, into specific legal regulators, norms of law, legal acts, or vice versa into informal forms of objectification, expressed in social norms, in socially expected patterns of personality behavior. As part of the analysis of various doctrinal approaches, it is concluded that formal methods of objectification of legal consciousness are burdened with a number of mandatory conditions on which the objectification procedure itself is based, while informal methods of objectification of legal consciousness are not burdened with such formal conditions, which, however, has negative consequences, expressed in the complexity of sustainable formation and strengthening of objective reflections of public opinion. legal awareness, in the duration of such a process, as well as the lack of mechanisms for the mandatory execution of such objectified products of legal awareness.

Keywords: objectification, subjectification, legal culture, legal awareness, social consciousness, formalization, rulemaking, law-making, social norms.

Даниленкова Татьяна Олеговна

Кандидат педагогических наук,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»
tany1085@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию сущности, природы, а также анализу конкретных форм и способов объективации правосознания. В процессе исследования определено, что объективация правосознания — это как формальный, так и неформальный процесс трансформации субъективных представлений, архетипов, ценностей и идей касательно отношения личности и общества к праву и правовой системе в объективную реальность — то есть в конкретные правовые регуляторы, нормы права, правовые акты или наоборот в неформальные формы объективации, выражающиеся в социальных нормах, в социально ожидаемых моделях поведения личности. В рамках анализа различных доктринальных подходов сделан вывод о том, что формальные способы объективации правосознания обременены рядом обязательных условий, на которых зиждется сама процедура объективации, в то время как неформальные способы объективации правосознания не обременены подобными формальными условиями, что, однако, имеет свои последствия негативного характера, выражающиеся в сложности устойчивого формирования и укрепления объективных отражений общественного правосознания, в длительности такого процесса, а также в необеспеченности механизмов обязательного исполнения таких объективированных продуктов правосознания.

Ключевые слова: объективация, субъективация, правовая культура, правосознание, общественное сознание, формализация, нормотворчество, правотворчество, социальные нормы.

Введение

Вопросы объективации правосознания были и остаются актуальными для российской социально-правовой действительности уже не одно десятилетие. В эпоху становления индивидуальной российской правовой системы, как никогда остаётся актуальным аспект, связанный с достижением как можно большего и всеобъемлющего эффекта права и реализации его специально-юридических функций в регулировании общественных отношений.

С постепенным развитием общества и наряду с этим права происходит поступательная объективация права наряду с объективацией правосознания для обеспечения более совершенной формы закрепления и легитимизации надлежащей, социально и юридически одобряемой формы поведения субъектов правоотношений.

В то же время в условиях информационного давления недружественных стран, в связи с тесной интеграцией информационно-коммуникационных сетей для обмена информацией и ростом из-за этого рисков диверсионной информационной работы против российского общества, как никогда остро встаёт вопрос об обеспечении надлежащей объективации правосознания, то есть о превращении субъективных правовых представлений в объективные, устойчивые и конкретные формы правовой культуры и восприятия.

Материалы и методы исследований

Теория объективации правосознания слабо развита как в отечественной, так и в зарубежной доктрине. Сама проблематика исследования находится на стыке предметных сфер и областей нормотворчества, юридической техники, социологии, психологии, политологии и философии права одновременно, из-за чего фундаменталь-

ных исследований по данному вопросу в научной среде относительно мало. В то же время, за основу исследования были взяты работы следующих учёных и исследователей: И.Г. Воропая; Ю.Е. Игнатовой; Р.А. Клычева; Д.В. Мантузовой; А.М. Нуштаева; Ю.К. Погребной; И.Н. Правкиной; Т.В. Рехачёвой; Р.В. Скиндерева; С.И. Тороховой; И.А. Хакимовой; Е.Ю. Языкова и др.

Эмпирический базис научного исследования определили материалы практики правоприменения, социологическая практика, в совокупности отражающие особенности объективации правосознания на современном этапе становления российской правовой системы и российского общества.

Методологическая основа научной работы определена следующими методами познания: анализ; обобщение; классификация; конкретизация; сравнение; сравнительно-правовой; догматический; дидактический; формально-юридический; системного анализа эмпирических материалов; абстрагирование и др.

Результаты исследования и обсуждения

На первоначальном этапе исследования представляется необходимым определить: что понимается под правосознанием? Так, учёный Ю.Е. Игнатов рассматривает правосознание через призму социокультурного и аксиологического аспекта. Ю.Е. Игнатов отмечает, что правосознание есть некоторая форма как коллективного, так и индивидуального сознания, которое отражает социальную символику культурно-правовых форм, как синергию одновременно социокультурной ценностно-ориентационной картины мира индивидуума и целого общества, так и такой нормативно-символической парадигмы. В конечном итоге, как заключает Ю.Е. Игнатов, правосознание является отражением ценностного отношения личности к праву и системе нормативного регулирования правоотношений [1, с. 109].

Исследователь Т.В. Рехачёва, рассматривая правосознание определённого толка как механизм преодоления конституционного нигилизма, отмечает, что оно, как форма социального (общественного) сознания, выражается в определённом субъективном отношении общества и отдельных индивидуумов к правовой системе и праву в целом. Такое отношение может выражаться во взглядах, идеях, ценностях, установках, а также в паттерне конкретного поведения (правомерного или неправомерного; пассивного или активного и т.д.) [7, с. 6].

Достаточно большая часть учёных отмечают, что правосознание является внутренним компонентом правовой культуры, выражающимся в особой форме субъективного сознания и отношения к праву, к правовому регулированию, к правовым институтам и регуляторам,

к правовому и неправомерному поведению [3, с. 86; 10, с. 144].

Следует справедливо дополнить, что и само правосознание представлено внутренней структурой, выражающейся в следующих элементах:

- правовое мышление (субъективная интерпретация и практическое применение норм права в правоотношениях и иных общественных отношениях);
- правовая идеология (система идей, ценностей, знаний касательно права и правовой системы, формирующая единое представление и отношение к институтам права);
- правовые установки (доминанция определённых ценностно-ориентационных установок относительно права и правовой системы, определяющих индивидуальную модель правового поведения личности или общества);
- юридические архетипы (устойчивые модели поведения и ценности, укоренившиеся в общественно-правовом сознании и правовой культуре, и передающиеся следующему поколению) [9, с. 7].

Внутренняя структура правосознания влияет на каждый из элементов. Правовая идеология и архетипы, формирующиеся в условиях историко-культурной обусловленности и специфики в результате правового мышления, формируют более устойчивые правовые установки, в конечном итоге влияющие на модель правового поведения личности и общества в целом, в частности, влияя и на правоприменительную практику в этом обществе, и на развитие правовой системы в государстве в целом.

Правосознание, являясь самостоятельной формой общественного сознания [4, с. 12], характеризуется динамичной моделью. Оно формируется в результате процессов постоянного трансформирования объективного в субъективное (субъективизация), а также субъективного в объективное (объективация). Учёный Р.В. Скиндерев замечает достаточно интересную закономерность, связанную с тем, что право, как интеллектуальный результат труда личности, а значит и культурный продукт человечества в целом, является к тому же результатом объективации правосознания, в рамках которого субъективное представление отдельно взятых людей и их общностей было преобразовано в более устойчивые, формальные и объективные отражения в виде правового содержания норм права и целых нормативных правовых актов [6, с. 34].

В то же время, как справедливо замечает Р.В. Скиндерев, продукт объективации права в конечном итоге является одним из источников, который берётся за основу дальнейшей субъективации — такого процесса

трансформирования норм права и правовой реальности в субъективные ощущения, ценности и установки, то есть, в такое правосознание [8, с. 52].

Дополняя представленную точку зрения, можно отметить, что право по своей природе вторично изначально-му общественному сознанию, однако, уже впоследствии после появления первых хоть и примитивных, но всё же правовых регуляторов, стало формироваться правосознание, основанное на первых источниках права.

Хотя, по сути данный вопрос является достаточно дискуссионным и нельзя исключать другую точку зрения, отражающую, что до возникновения права правосознание существовало и выражалось в личностных и общественных установках, выходящих за пределы неустойчивых социальных регуляторов, в связи с чем представляло собой более совершенную и формальную форму общественного сознания. При таком подходе правосознание в его примитивном виде стало предпосылкой и механизмом для создания первых правовых систем и права в целом, в то время как последнее стало источником для формирования и дальнейшего развития правосознания в процессе реализации права.

Рассматривая формы объективации правосознания, можно отметить, что в доктрине философии права, теории государства и права, а также конституционного права, как правило, выделяют две основные такие формы. Во-первых, объективация правосознания может быть представлена в виде воздействия норм права, правовых институтов и правовой системы в целом, в частности, правового поведения других членов общества на правосознание личности, а если быть точнее — на психологический уровень правосознания, в конечном объективируясь в конкретной модели поведения такой личности.

В таком случае правосознание является элементом саморегуляции личности, а внешним и объективным отражением правосознания человека или целого общества является конкретная парадигма правового поведения, которая, к примеру, может выражаться в пассивности правового поведения, в правовом нигилизме, в активном противостоянии праву и правовым институтам или наоборот в активном поведении, направленном на правомерную реализацию права, на обеспечение соблюдения установленных запретов, ограничений, императивных требований, а также на обеспечение защиты и охраны действующего правопорядка и сформированной системы правового регулирования.

В конце концов, результат объективации правосознания может выражаться в активной гражданской позиции членов общества, отражающей участие таких субъектов в опосредованном (косвенно через выражение своей правотворческой воли в деятельности представитель-

ных органов и должностных лиц) или непосредственном правотворчестве (непосредственно посредством замещения должности, позволяющей в рамках функциональных полномочий осуществлять правотворческие функции) [2, с. 70; 5, с. 78]. Это также может выражаться в научно-исследовательской деятельности, ориентированной на устранение проблем в области права и совершенствование действующей системы национального или международного правового регулирования.

Во-вторых, возможной формой объективации правосознания может выступать конкретное закрепление идей, ценностей, принципов и установок, сформированных в рамках правосознания, конкретно в формально-юридической форме в установленном административно-процессуальном порядке. Речь идёт о принятии конкретных законов, подзаконных нормативных правовых актов и иных документов, содержащих в своей структуре отдельные правовые положения, применимые для регуляции общественных и (или) публичных отношений.

Следует заметить, что нередко объективация правосознания через общественное поведение является первичным по отношению к объективации правосознания через формальные нормативные и иные правовые акты, которые могут быть приняты на основании устоявшихся архетипов общественного поведения. В таком случае социальные регуляторы, сформированные как на базе социального, так и правового сознания, трансформируются (объективируются) в конкретные и формально закреплённые правовые регуляторы, обеспеченные конкретным механизмом их применения и обеспечения действия.

Исходя из двух представленных форм объективации правосознания, можно отметить, что, по сути, все способы объективации можно разделить на формальные и неформальные. К формальным способам объективации правосознания можно отнести: законотворчество и подзаконное нормотворчество; нормотворчество, осуществляемое по инициативе и (или) с участием частных субъектов — носителей определённого состояния правосознания; судебное правотворчество (в особенности осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации); правотворчество, осуществляемое органами исполнительной власти в рамках издания разъясняющих ненормативных актов.

В то же время к неформальным способам объективации правосознания можно отнести следующие: формирование общественного мнения, архетипов и социальных норм в культуре поведения конкретного общества, общины или иной социальной группы, влияющих на определение модели и содержание правового поведения личности такого социума, посредством

средств массовой информации, научно-теоретической и практической деятельности, развития культуры (в том числе правовой) и иного участия граждан в формировании группового правосознания и его объективации через конкретные паттерны социально ожидаемого поведения.

Выводы

Подводя итоги исследованию, можно резюмировать, что объективация правосознания — это как формальный, так и неформальный процесс трансформации субъективных представлений, архетипов, ценностей и идей касательно отношения личности и общества к праву и правовой системе в объективную реальность — то есть в конкретные правовые регуляторы, нормы права, правовые акты или наоборот в неформальные формы объективации, выражающиеся в социальных нормах, в социально ожидаемых моделях поведения личности.

Можно также резюмировать, что формальные способы объективации правосознания обременены рядом

обязательных условий, на которых зиждется сама процедура объективации: легитимность объективирующего субъекта; соблюдение этим субъектом строго установленной процедуры; способность объективирующего субъекта правильно понять и оценить объективные общественные условия и выразить их в праве.

Неформальные способы объективации правосознания не обременены подобными формальными условиями, что, однако, имеет свои последствия негативного характера, выражающиеся в сложности устойчивого формирования и укрепления объективных отражений общественного правосознания, в длительности такого процесса (как правило — годы и даже десятилетия по сравнению с формальной процедурой объективации, в рамках которой процесс обычно может занимать от нескольких месяцев до 1–3 лет), а также в необеспеченности механизмов обязательного исполнения таких объективированных продуктов правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Игнатова Ю.Е. Социальное доверие как фактор развития правосознания в современной России: дисс. канд. фил. наук: 5.7.7 / Ю.Е. Игнатова; Новочеркасск, 2024. — 175 с.
- Клычев Р.А. Правотворчество России как процесс объективации права: исторический анализ / Р.А. Клычев, И.Г. Воропае // Вестник экспертного совета. — 2023. — №32. — С. 69–74.
- Мантузова Д.В. Правосознание и правовая культура: сущностные характеристики и проблемы формирования / Д.В. Мантузова, С.И. Торохова, В.В. Артамонова // Теория и практика общественного развития. — 2022. — №8. — С. 86–91.
- Нуштаев А.М. Понятие, структура и функции правосознания / А.М. Нуштаев // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 марта 2022 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. — С. 11–14.
- Погребная Ю.К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования: дисс. канд. юр. наук: 12.00.01 / Ю.К. Погребная; Москва, 2011. — 187 с.
- Правкина И.Н. Факторы формирования правомерного поведения / И.Н. Правкина, Н.А. Маркова // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 4. — С. 33–36.
- Рехачёва Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: дисс. канд. юр. наук: 5.1.2 / Т.В. Рехачёва; Омск, 2023. — 198 с.
- Скиндерев Р.В. Объективное и субъективное в праве: дисс. канд. юр. наук: 12.00.01 / Р.В. Скиндерев; Екатеринбург, 2006. — 187 с.
- Хакимова И.А. Правосознание в процессах реализации права: теоретико-методологический и структурно-функциональный аспекты: монография / И.А. Хакимова; Издательство Проспект, 2021. — 133 с.
- Языков Е.Ю. Формирование гражданско-правовой культуры обучающихся военных вузов: дисс. канд. пед. наук: 5.8.1 / Е.Ю. Языков; Майкоп, 2024. — 213 с.

© Даниленкова Татьяна Олеговна (tany1085@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

THE DIGITAL RUBLE IN THE ACTIVITIES OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

I. Zhestkov

Summary. The article examines the financial and legal aspects of the introduction of the digital ruble in the Russian Federation, analyzes the possibilities of using the digital ruble, including in the activities of commercial organizations. In conclusion, it is concluded that it is advisable to adopt a separate regulatory legal act on the financial activities of commercial organizations, taking into account the possibilities of using the digital ruble.

Keywords: digital ruble, commercial organizations, currency, settlements.

Жестков Игорь Александрович

кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
master767@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются финансово-правовые аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации, проводится анализ возможностей использования цифрового рубля, в том числе в деятельности коммерческих организаций. В заключении делается вывод о целесообразности принятия отдельного нормативно-правового акта о финансовой деятельности коммерческих организаций, учитывающего возможности использования цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, коммерческие организации, валюта, расчеты.

В настоящее время процесс цифровизации охватил все сферы финансово-правовой отрасли, и денежные отношения — не исключение. На фоне увеличения популярности «криптовалют», цифровых финансовых активов и цифровых кошельков, возник значимый участник — цифровой рубль, который появился в связи с принятием Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее — ФЗ о цифровом рубле). Российская Федерация является государством, в котором законодательно определено поэтапное внедрение в использование и расчеты цифровой валюты [2].

Как отмечает председатель Центрального Банка РФ Э.С. Набиуллина, цифровой рубль выйдет из пилотирования и поэтапно постепенно распространиться в реальной жизни [3]. Российская Федерация является одной из более чем 90 стран, в которых в настоящее время разрабатываются цифровые валюты.

В России выбран смешанный путь: Центробанк РФ разрабатывает платформу и ведет учет цифровых средств, а интерфейс взаимодействия с пользователями обеспечивают коммерческие банки. В Швеции предусмотрена прямая эмиссия и обслуживание валюты со стороны ЦБ. В Китае цифровой юань распространяется через банки. На Багамах цифровая валюта функционирует как эквивалент наличных.

Цифровой рубль — это третья форма российской национальной валюты, наряду с наличными и безна-

личными деньгами. Цифровой рубль эмитируется исключительно Центральным Банком РФ и хранится на его цифровой платформе, в отличие от безналичных денег, находящихся на счетах в коммерческих банках.

Технически, цифровой рубль реализован с применением технологий, аналогичных «криптовалютам», например, блокчейна, однако принципиально отличается от них централизованной природой, гарантией и обеспеченностью государством.

Внедрения цифрового рубля в расчеты возникла из-за двух ключевых факторов:

1. Активное развитие цифровых финансовых активов, которые формируют альтернативное пространство в денежных расчетах;
2. Повсеместная цифровизация платежей и появление запроса на более прозрачные, быстрые и удобные инструменты оплаты.

Внедрение цифрового рубля является частью долгосрочной стратегии государства по трансформации денежного обращения. Он должен стать дополнением к существующим формам рубля и повысить эффективность финансовой системы.

Также важно, что использование цифрового рубля в расчетах снижает транзакционные издержки: цифровые расчеты через платформу Центрального Банка РФ проходят без комиссии без и посредников, что делает их выгоднее как для граждан, так и для организаций.

Использование цифрового рубля позволяет обходить санкционные ограничения и внешние барьеры при

трансграничных расчетах, особенно в торговле с дружественными государствами.

Цифровой рубль не определяется, как замена наличных и безналичных денег. Это дополнительный финансовый инструмент, который должен существовать параллельно и давать организациям и физическим лицам выбор [4].

Один цифровой рубль равен одному наличному или безналичному. Его курс не отличается.

При устойчивом развитии цифровой инфраструктуры и массовом распространении практик использования цифрового рубля в расчетах, его доля будет расти, как это происходит и в других странах.

Важно отметить, что ни ФЗ о цифровом рубле, ни иные нормативно правовые акты Российской Федерации, не предусматривают обязанности использования цифрового рубля: организации и физические лица вправе самостоятельно выбирать удобную для себя форму расчетов. Использование цифрового рубля без подключения к интернету также возможно благодаря технологии офлайн-платежей через NFC.

Основными преимуществами цифрового рубля видится безопасность и защита от мошенников, удобство расчетов и возможность отслеживать движение средств, а также возможность переводов и расчетов без комиссий и взимания иных плат, сокращение на общее банковское обслуживание.

Использование цифрового рубля в деятельности коммерческих организаций, прежде всего должно:

1. Усилить прозрачность транзакций — особенно в рамках расходования бюджетных средств, предоставления целевых субсидий и государственных и муниципальных контрактов, где требуется полный контроль всех цепочек платежей, позволяющий отследить путь каждой суммы от бюдже-

тов бюджетной системы РФ до конечного получателя;

2. Снизить издержки за счёт отсутствия комиссий при переводах;
3. Ускорить расчеты благодаря отсутствию посредников;
4. Автоматизировать платежные операции.

Кроме того, переход от наличных и безналичных расчетов к цифровым платежам делает сложнее уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, что в свою очередь, повышает собираемость доходов в бюджет и в целом, обеспечивает финансовую безопасность хозяйствующих субъектов и государства.

От коммерческих организаций, также потребуется обновление ИТ-инфраструктуры, обучение сотрудников, перестройка финансовых процессов [5].

Представляется, что для коммерческих организаций внедрение цифрового рубля станет источником практических преимуществ. Использование цифрового рубля открывает возможности заключения «цифровых» договоров (контрактов) и автоматизации расчетов с контрагентами. В дальнейшем это упростит документооборот и снизит риски человеческого фактора в отношениях.

В заключении необходимо отметить, что цифровой рубль — это не просто цифровая финансовая и технологическая альтернатива наличным и безналичным деньгам, а системный элемент обновления денежной системы. Он способен сделать деятельность коммерческих организаций более эффективной и результативной, а финансовую сферу Российской Федерации более устойчивой, прозрачной и независимой.

В развитии данного тезиса, видится возможность разработки, рассмотрения и принятия отдельного нормативно-правового акта о финансовой деятельности коммерческих организаций, учитывающего возможности использования цифрового рубля в их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 24.07.2023 N 340-ФЗ (с изм и доп. от 28.12.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2023. — № 31 (Часть III), ст. 5766.
2. Федеральный закон от 23.07.2025 N 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2025. — № 30 (Часть II), ст. 4397.
3. Глава Центробанка Эльвира Набиуллина рассказала о применении цифрового рубля и искусственного интеллекта // Российская газета — Федеральный выпуск: №109(9648)
4. Шумилова В.В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 160.
5. Григорьев В.В. Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России /В.В. Григорьев // Экономика. Налоги. Право. — 2019. № 1. — С. 31.

© Жестков Игорь Александрович (master767@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О КОНЦЕПТАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

ON ADMINISTRATIVE LAW CONCEPTS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

M. Kobzar-Frolova

Summary. This article offers a brief chronology of events, providing an understanding of how the doctrine of administrative law developed in the first post-revolutionary years. This doctrine was distinct from bourgeois theory because it was based on the ideology in effect at the time, which was promoted and disseminated by the ruling party. At the same time, working under such difficult conditions, scholars of the 1930s and 1940s managed to distill the foundations of this ideology, devise a system of fundamental principles upon which the science is built, and characterize each element of this system. It would be criminal for a legal scholar to be ignorant of the works of their predecessors, especially if they are relevant, if they underpin modern theory, and if modern administrative law institutions develop on the basis of these works. This article may be useful to aspiring scholars, graduate students, teachers, and students.

Keywords: Semyon Sevast'yanovich Studenikin, administrative law, administrative legal norm, management, principles, legal norm, legal relationship, classification, characteristic features (traits).

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, ФГБУН Институт государства и права РАН
adminlaw@igpran.ru

Аннотация. Данная статья — краткая хронология событий, позволяющая составить представление о том, как в первые послереволюционные годы создавалось учение об административном праве. Это было, учение отличное от буржуазного, т.к. основано на действующей в то время идеологии, которая пропагандировалась и распространялась партией власти. В тоже время, работая в столь сложных условиях, ученые 30-х-40-х годов сумели выделить из этой идеологии основы науки, составить систему основных начал, на которых строится наука, дать характеристику каждому элементу этой системы. Для ученого юриста преступно не знать труды своих предшественников, тем более, если они актуальны, если на основе этих трудов строится современная теория и развиваются современные институты административного права. Статья может быть полезна начинающим ученым, аспирантам, преподавателям, студентам.

Ключевые слова: Семен Севастьянович Студеникин, административное право, административно-правовая норма, управление, принципы, юридическая норма, правоотношение, классификация, характерные признаки (черты).

«Русскому юристу, стыдно не знать
своих предшественников»
/Н.М. Коркунов/

Институционализация юридической науки прошла многовековой путь начиная с первых сводов законов (Русская правда, судебники Ивана III и Ивана IV Грозного, Соборного уложения и прочих) и сложилась ко второй половине XVIII века. XIX век стал временем господства права во всех сферах жизни Российской империи [18, С. 117] — утверждают академики РАН В.И. Жуков и А.Н. Савенков. Согласимся. Русская Правда содержала систему норм о запретах, правонарушениях и наказаниях за содеянное (условные гипотезы, диспозиции и вид наказания) не разделяя их на преступления и проступки [17]. Если кто совершил убийство без всякой ссоры, то люди за убийцу не платят, но пусть выдадут его (Суд Ярослава Владимировича, п. 7) [17]. В Судебниках Ивана IV Грозного встречаются юридические категории «вина», «обвинит», «казнь», «по суду», тюрьма. Там же была закреплена система наказаний и введены понятия: истец, ответчик, свидетель, иск, присяга, пошлина, и проч. [23]. Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.) содержит главу X — именуемую «О суде» [19].

Известно, что конец XVIII — начало XX века отмечены в истории как период величайшего прогресса в науке и образовании: в России открываются первые императорские университеты (Санкт-Петербургский академический университет (1725 г.), Императорский Московский университет (1755 г.)). Получает развитие университетская наука.

Университетской профессурой высоко было развито учение об уголовном праве, полицейском праве, гражданском (гражданском) праве, но не сложилось твердого представления об административном праве. Университетские библиотеки сохранили учебники по полицейскому (административному) праву и уголовному праву конца XVIII — начала XX века, например, лекции И.Е. Андреевского, Н.Н. Белявского, В.В. Ивановского, Н.С. Таганцева, И.Т. Тарасова, А.А. Рождественского. Листая эти учебники и курсы лекций обнаруживаем в них разделы о мерах регулирования, мерах предупреждения и пресечения, наблюдения, содействия, административный надзор [2, С. 70–155]; исполнение административного закона, виды полицейского принуждения, полицейский надзор [7, С. 174–201]; меры обеспечивающие, меры содействующие, охранение [1, С. 496–695]; право при-

нуждения и его формы [25, С. 66–89; 108–110; 123–131] и проч. Например, в лекциях И.Т. Тарасова имеется параграф «дисциплинарная ответственность» и «судебная ответственность». Применение мер дисциплинарной и судебной ответственности ученый связывал с понятием законность в управлении [25, С. 123–131].

В конце XIX — в начале XX века зарубежные криминалисты задались вопросом о разграничении уголовного преступления и полицейского деликта. Например, К. Биндинг выдвинул гипотезу о том, что полицейские деликты представляют собой деликты чистого непослушания [29]. Профессор Берлинского университета Ф. Лист утверждал, что полицейским деликтам в отличие от преступления момент опасности не присущ, для них характерно простое неповиновение [13, С. 147]. К слову сказать, в англо-саксонском уголовном праве была составлена в это время весьма система (область) проступков, объединенных общим наименованием — причинение общественного вреда. Число таких проступков было столь огромно, что они «охватывают область от чистки дымоходов до продажи крабов», но около 45 % проступков — это нарушения транспортные. При отсутствии материального определения преступления в англо-саксонском праве, проступки юридически не отличаются от легких преступлений, преследуемых в порядке суммарной юрисдикции, — писал исследователь, профессор Н.Н. Полянский [16, С.101].

Русский профессор Томского университета С.П. Мокринский, развивая представления о полицейских и административных деликтах, писал: «Характерное отличие уголовной неправды от полицейской заключается в том, что в первом случае ответственность наступает, если субъект сознавал или мог сознавать потенциальное значение действия для изменений, лежащих в основе репрессии, тогда как во втором не требуется ни сознания, ни возможности сознания потенциального момента действия, — требуется только, чтобы само действие, как таковое, было произведено сознательно» [15, С.394].

Надо сказать, что зарубежные и отечественные криминалисты изучали суть преступления в тесной связи со степенью и критериями общественной опасности, вредоносности, неправды. Интерес теоретиков проявлялся к системе наказаний, их видам, общественной опасности, субъективной стороне преступления и некоторым др.

Свершение Октябрьской революции, голод, разруха, беззаконие опосредовали разгул преступности. Советская власть была вынуждена в срочном порядке издавать декреты и иные правовые акты, направленные на пресечение противоправных деяний и устанавливать наказание за совершение преступлений и нарушение предписаний власти.

В 1922–1923 гг. издаются первые декреты о наказании. Принятие Уголовного кодекса стало срочной необходимостью. Постановлением ВЦИК в 1922 году был утвержден и принят кодекс об Уголовных наказаниях РСФСР. Обращает на себя внимание его цель — ограждение государства и правопорядка от его нарушителей и общественно-опасных элементов и установление твердых основ правосознания [27]. Согласно ст. 8 наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений. С.В. Маликов и А.Н. Чучаев в проблемном курсе «Уголовное право Российской Федерации» отмечают, что эволюция уголовного законодательства в послереволюционные годы происходила исходя из нормативных актов [14, С. 369], теория складывалась относительно действующих законов.

Если говорить об основах науки административного права, то как отраслевая юридическая наука она зародилась на рубеже XIX и XX веков и вышла из полицейского права, которое на тот момент стало довольно-таки узконаправленным, рассматривающим преимущественно процессуально-процедурные аспекты деятельности органов полиции по применению мер принуждения, включая наказание за уголовные правонарушения [6, С.470–489]. Первыми разработчиками административного права были русские полицейисты, профессора университетов Н.Н. Белявский, С.М. Берцинский, В.В. Ивановский, А.И. Елистратов, В.Л. Кобалевский и другие. Так, А.И. Елистратов отграничил административное право от полицейского, выявил его ядро (предмет науки), позволяющее идентифицировать науку как самостоятельное отраслевое юридическое образование. Им же был заложен фундамент теории административного права как отрасли, призванной упорядочить отношения между людьми в области государственного управления [5, С. 1]. Последнее необходимо для создания условий общежития. Именно это, — по мнению ученого, — дает оправдание господствующей власти «вторгаться» в жизнь отдельных людей и устанавливать правила, запреты, требования. Область государственного управления распространяется на: обеспечение безопасности, охранение здоровья народа, попечение об образовании, вмешательство в экономику.

Основное отличие науки административного права от полицейского состоит в различных подходах к вопросам полицейской опеки и функциям публичной службы. Главной задачей науки полицейского права являлась проблема правоприменения полицейских уставов и регламентов. У науки административного права другая

задача — познать правовой порядок деятельности публичных служб и какую пользу они приносят населению, используя свои полномочия.

Дореволюционные работы А.И. Елистратова и других профессоров отвечали по большей мере потребностям некоторой демократизации общественной жизни, обозначившейся в переходный период России от самодержавия к конституционной монархии, но не могли быть приняты советскими специалистами. В этой связи, требовались существенные усилия, для того чтобы серьезно переработать их труды и использовать применительно к основам науки советского права.

После революции на какое-то время развитие науки практически прекратилось. В 20-30-е годы XX века сформировавшая политическая идеология, политические репрессии, бессистемность в вопросах издания нормативных правовых актов, отсутствие специалистов, владеющих отраслевыми подходами к получению знаний и прочее не способствовали научному творчеству. В начале 30-х всерьез обсуждался вопрос о вредности идей, которые несли административисты (полицейсты), об их тяготении к сложившемуся буржуазному наследию. Регулирование отношений между органами государственного управления и гражданами только начинало складываться, и процесс этот был осложнен проявлениями классовых противоречий. В это время востребованными были практические темы: о государственном управлении народным хозяйством; вопросы компетенции, и методов деятельности государственных служащих; роль и значение общественных организаций и проч.

В июле 1938 г. по инициативе академика А.Я. Вышинского состоялась Всесоюзная конференция, посвященная вопросам науки советского права и государства [3, С. 65]. В своем докладе он поставил вопросы о существовании социалистического права и необходимости разработки теорий отраслевых юридических наук — уголовного, гражданского, административного, финансового, международного права. Особо им была выделена роль административного права в вопросах управления народным хозяйством и в деле социалистического строительства [3, С. 65]. Разработка основ советского административного права была поручена весьма немногочисленным в то время научным сотрудникам Института государства и права АН СССР.

Работа в данном направлении шла сложно. Для ее продвижения были приглашены дореволюционные специалисты не покинувшие родину и принявшие идеалы революции. Это И.Н. Ананов, С.М. Берцинский, А.И. Елистратов, И.Ф. Евтихийев, В.Л. Кобалевский и некоторые другие [8, С. 12–21].

Весьма логичным было создавать основы советского административного права с определения системы принципов — основных начал, которые должны быть положены в основу разработки данной теории. Принципы не только задают вектор развитию отношений, определяют их начало, но и устанавливают определенные рамки, за которые эти отношения не должны выходить. Эта работа была поручена С.С. Студеникину, который при ее (системе) разработке исходил из сути предмета административного права, а потому очевидно верно на тот момент времени, соотнес ее с нормами и системой принципов государственного управления. Последнее, как было выше сказано, направлено на «всемерное укрепление и развитие всех сторон социализма ..., на упрочение благосостояния советского народа, охрану прав граждан и обеспечение выполнения гражданами своих обязанностей...» [20, С. 19].

Первоначально, данная система включала всего четыре принципа: демократического централизма, социалистической законности, социалистического планирования, участия трудящихся в государственном управлении. Позже, в учебнике 1949 года С.С. Студеникин внесет в данную систему еще один принцип — равноправия национальностей во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, а принцип участия трудящихся в государственном управлении поставит на первое место.

Центральное место в системе принципов С.С. Студеникина было отведено принципу демократического централизма. Последний связан со «сосредоточением всей государственной власти в центральных органах и объединение ими деятельности всего государственного аппарата». Централизация необходима и присуща любому государственному строю. Из централизации выделяется лишь «местное самоуправление», которое формально «находится вне централизованного управления». «...это управление самих мест, осуществляемое населением через своих представителей» [20, С. 20–21]. Централизм, — по убеждению ученого, — сочетается с широчайшим демократизмом, плановостью, оперативностью, «максимальным развитием местной инициативы и творческой самостоятельности трудящихся масс» [20, С. 21–23]. Таким образом, ученый продемонстрировал его тесную связь централизма с иными принципами в общей системе.

Демократический централизм «дает возможность в максимальной степени учитывать особенности отдельных частей союзного государства, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п.».

Принцип

Разрабатывая и обосновывая принцип законности С.С. Студеникин исходил из понимания того, что дея-

тельность аппарата государственного управления подзаконна и подконтрольна. К характеристикам данного принципа, он отнес: 1) безусловная обязательность, 2) гарантии защиты законных прав и интересов граждан, 3) реальность, 4) равенство всех перед законом (и граждан, и органов, и должностных лиц). Закон есть общеобязательное правило. «Всей силой своего авторитета советское государство преследует нарушение закона независимо от того, кем он нарушается — должностным лицом или гражданином» [20, С. 23–24].

Цель «законности — охрана и защита интересов трудящихся». Небезынтересным является то, что, разрабатывая учение о данном принципе, С.С. Студеникин предпринял попытку оправдать сложившуюся политику преследований и репрессий. Со ссылкой на А.Я. Вышинского он пишет: «Чрезвычайные меры против врагов советского государства преследуют ту же цель, и потому грубым извращением является самое противопоставление чрезвычайных мер мерам законности. Чрезвычайные меры «имеют своим источником закон и потому являются вполне законными» [20, С. 25–28; 3, С. 22].

Принцип планирования — неотъемлемый принцип централизации в государственном управлении советского периода. Он был заложен в Конституции СССР 1936 года. Планирование осуществлялось в целях «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11) [10]. Планирование с юридических позиций означало издание нормативного акта — плана-директивы, имеющего общеобязательную силу. Деятельность каждого органа государственной управления основывалась на плане и принятых плановых заданиях. Государственное планирование выстраивалось в соответствии с утвержденной Конституцией единой системой плановых органов, включая центральный орган — Госплан СССР, Госпланы союзных и автономных республик, и прочие по иерархии.

Государственное планирование подразумевало: строжайшую дисциплину, исполнительность, подконтрольность, не допустимость самовольного изменения планов. Важнейшими инструментами планового хозяйства были учет и статистика. Нарушение плановой дисциплины влекло уголовную или дисциплинарную ответственность.

Заключительным, но не менее важным в системе был назван принцип участия трудящихся в государственном управлении. Его суть в 1945 году ученый раскрыл основываясь на существе вовлечения трудящихся в общественные организации и деятельности профсоюзов. А вот в учебнике 1949 года, опираясь на работы В.И. Ленина и И.В. Сталина он поставил этот принцип во главу

всей системы принципов. Государственное управление в СССР осуществляется трудящимися в интересах трудящихся, — пишет С.С. Студеникин. Это творческая организующая деятельность, которая тесным образом связана со сплочением трудящихся, развитием сотрудничества, самостоятельности и инициативы, вовлечением трудящихся в государственное управление, «повышения роли, значения и силы общественного мнения...» [22, С. 4].

Принцип равноправия национальностей (1949 г.) С.С. Студеникин раскрыл в тесной привязке к подлинной демократии. Одно без другого не может существовать и находит свое выражение при осуществлении государственного управления: 1) во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни; 2) равноправие национальностей не зависит от пола и расы. Расовая дискриминация, проповедь национальной исключительности караются законом, в силу Конституции [10, ст. 123]. 3) Права и обязанности всех (каждого из) народов представляют местные советы или иные местные исполнительные органы. Они формируются из жителей коренного населения и ведут работу на родном языке, знают быт, нравы, обычаи, язык местного населения.

Годами позже, не менее именитый ученый, научный сотрудник Института, Заслуженный юрист РСФСР, профессор Б.М. Лазарев напишет: предметом науки административного права является совсем не социально-политическая или техническая сторона публичной службы, относящихся к ведению особой науки — науки об управлении и иных связанных с ней технических дисциплин, а ее юридический порядок. Вопросы организации деятельности публичной власти изучает наука об управлении. Теория государственного управления, как видно из самого ее названия, призвана изучать государственное управление. Это есть особый вид государственной деятельности, его субъекты и объекты, реальные связи между ними и складывающиеся в ходе нее управленческие отношения, причем как урегулированные правом, так и не регулируемые им т.д. [12, С. 90–92, 98.]. Управление же при любой форме государственного устройства и правления имеет политический характер и является одним из каналов осуществления государственной власти [12, С. 90–92, 98.]. [9, С. 31–40].

Следующей важной задачей стала задача создания учения об административно-правовой норме. «Советская административно-правовая норма и ее применение» [22] — это тема докторской диссертации С.С. Студеникина (1949 год). Прежде всего, ученый сделал не вызывающий иного толкования вывод: советская административно-правовая норма — самостоятельное правовое образование, не вытекающее и не основанное на нормах полицейского права и нормах буржуазного административного права, поскольку цель, суть и на-

правленность у них совершенно разные. «Советская административно-правовая норма «выступает в роли одного из средств колоссальной преобразовательной деятельности социалистического государства...» и имеет свойство «не только закреплять уже сложившиеся отношения», но и «толкать, вызывать, способствовать к зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится» [22, С. 16].

Административно-правовая норма и все те группы общественных отношений, которые она регулирует до наших дней берут свое начало в тех самых принципах, которые были разработаны в середине 40-х годов лишь с некоторым уточнением и добавлением. С.С. Студеникин очертил этот круг правоотношений. По его мнению, это все те общественные отношения, которые возникают в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов государства. Они 1) определяют компетенцию (круг обязанностей, полномочий, ответственности), функции государственных органов и их должностных лиц; 2) закрепляют права и обязанности граждан в сфере государственного управления (в т.ч. на защиту, на обжалование незаконных действий должностных лиц и проч.); 3) закрепляют формы и методы исполнительно-распорядительной деятельности.

Остерегаясь исказить суть задумки С.С. Студеникина, приведу несколько цитат, отражающих ход размышлений и выводов. Ученый определяет административно-правовую норму как «сложное общественное явление» [22, С. 3]. Среди признаков нормы выделяет: 1) эта норма — «продукт взаимодействия многих различных социальных факторов, процессов, событий, явлений, но решающим и определяющим является, в конечном счете, экономический базис». «...нет и не может быть административно-правовой нормы без выражения в ней государственной воли»; 2) имеет непосредственное и материальное содержание, где первое — есть выражение воли народа, второе — материальные условия, обуславливающие содержание народной воли. 3) содержание административно-правовой нормы определяется ее формой. Формой выступает — закон, указ, правительственный акт и проч. Непосредственное содержание правовых норм, выступает в качестве одного из средств осуществления государственной политики и направлено на изменение общественной жизни, улучшение материальных условий существования народа и проч. [22, С. 3–4] 4) сфера применения — «исполнительно-распорядительная деятельность государства или, что одно и то же, советское государственное управление» [22, С. 4]. 5) «Правовые нормы выражают собой определенные требования государственных органов, формулируемые последними в конкретных исторических условиях. Они вызываются к жизни общественными отношениями...». 6) «...выражает государственную волю, охраняется государством». [22, С. 8].

Изучив особенности и области действия административно-правовых норм С.С. Студеникин составил их классификацию по следующим признакам: 1) по юридической силе нормы, 2) по содержанию и предмету регулирования, 3) по общности, 4) по характеру закрепляемых правил (требований, предписаний); 5) по форме выражения; 6) по степени определенности правил (требований, предписаний); 7) на кого направлены (по лицам); 8) по действию в пространстве; 9) по действию во времени [22, С.17].

Данная классификация позволила ученому сделать еще один важный вывод — предмет регулирования является основным признаком для построения системы административного права. Классифицируя административно-правовые нормы по признаку предмета, мы получим систему административного права. «Система административного права есть единство всех его отдельных частей» [22, С. 18].

Считая себя не только коллегой, но и ученицей С.С. Студеникина, профессор Ц.А. Ямпольская написала: Семен Севастьянович был в первых рядах тех, кто воссоздавал науку административного права. В Институте раскрылся его талант — глубокое понимание стоящих задач, «умение мобилизовать весь арсенал знаний...», ... «умение не только анализировать, но и синтезировать в науке». Оценивая результаты его научной деятельности, она отметила: «того, что сделал Семен Севастьянович за 25 лет своей научно-педагогической работы, достаточно, чтобы его имя прочно вошло в историю юридической науки». «...он был одним из немногих ученых, наверное даже первым среди них, кто закладывал основы... науки административного права. [28].

В заключение хочется сказать о том, что в конце 30-х — начале 40-х годов XX века сложились основы (концепты) современной науки административного права, возникла и стала успешно развиваться самостоятельная академическая научная школа административного права. Последователи этой научной школы, со временем приобрели заслуженный авторитет не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. В 70-е годы на академической площадке Института государства и права сформировался союз ученых административистов. Трудно назвать все фамилии и их научные труды, а главное, перечислить вклад каждого в развитие административного права и административного процесса. Назову докторов юридических наук, заслуженных юристов.

В качестве короткой справки [5, С.470–489]¹:

Александр Ефремович Лунев — соратник и соавтор С.С. Студеникина по первому в СССР учебнику по совет-

¹ Примечание: См. подробнее: Гришковец А.А. Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая научная школа административного права // Сибирское юридическое обозрение, Т. 21 №4, С.470–489.

скому военно-административному праву. А.Е. Лунев — пионер фундаментальной разработки проблем административной ответственности.

Цецилия Абрамовна Ямпольская внесла существенный вклад в развитие теории академической науки административного права, особенно в развитие вопросов законности в государственном управлении, вопросы укрепления государственной дисциплины, обеспечения гарантий прав граждан и др.

Юрий Александрович Розенбаум исследовал проблемы государственного управления, оставил научные труды в области свобод совести и конфессиональных отношений в государстве. Он был первым ученым-юристом, кто на академическом уровне сформулировал концепцию взаимодействия государства, церкви и религиозных организаций.

Матвей Дмитриевич Загряцков исследователь института административной юстиции, основоположник такого научного направления как защита субъективных прав граждан в сфере государственного управления.

Виктор Иванович Ремнев занимался разработкой проблем законности в деятельности аппарата советского государственного управления и правом жалобы, исследовал вопросы прокурорского надзора.

Надежда Георгиевна Салищева одна из авторов современной концепции административного судопроизводства в России. Она разрабатывала основы теории

российской административной юстиции и судопроизводства.

Борис Михайлович Лазарев и Михаил Иванович Пискотин заслуженно признаны разработчиками теории государственного управления. Наиболее значимым достижением Б.М. Лазарева стала монография «Компетенция органов управления». М.И. Пискотин — основоположник теории государственного бюджета, теоретически проработал вопросы организации работы министерств в условиях экономических реформ, юридические проблемы руководства и управления промышленностью и ряд других проблем,

Елена Викторовна Шорина исследователь проблем контроля. Весомая ее работа, направленная на решение вопросов укрепления дисциплины и законности в деятельности государственного аппарата, отдельных аспектов ответственности должностных лиц, охраны прав граждан, повышения эффективности государственного и общественного контроля.

Наталья Юрьевна Хаманева успешно развивала такое научное направление как вопросы защиты субъективных прав граждан в сфере государственного управления.

Все названные и другие ученые Института стояли у истоков науки административного права и административного процесса и развивали отдельные направления и области влияния административно-правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевский И.Е. Полицейское право. Сочинения в 2-х томах. Изд 2-е., СПб, 1874, 738 с.
2. Белявский Н.Н. Полицейское право (административное право) Конспект лекций, Изд 3-е, Петроград, Типография Екатерининское Печатное дело, 1915, 409 с.
3. Вышинский А.Я. Доклад: Основные задачи науки советского социалистического права. Опубликовано: М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938, 192 с. С. 65.
4. Елистратов А.И. Административное право, М.: Изд. Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1917 г, С.1.
5. Гришковец А.А. Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая научная школа административного права// Сибирское юридическое обозрение, Т. 21 №4, С.470–489.
6. Гришковец А.А. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: время и политика меняют подходы к пониманию и сущности (историографические и догматические аспекты)// Государство и право, № 10, 2024, С.169–182
7. Ивановский В.В. Учебник административного права. Казань, Типогр императорского университета, 1904, 578 с.
8. Кобзарь-Фролова М.Н. 85-лет на службе государству и академической науке: краткий обзор международной научной конференции 8 октября 2021 года// Правовая политика и правовая жизнь, №3 (1) 2021, С. 12–21.
9. Кобзарь-Фролова М.Н. Государственное управление: генезис понятия и сути в предмете административного права// Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения) 26 марта 2021 года//Под общ. ред. А.И. Каплунова, СПб 2021 СПб, С. 31–40, 0,5 п.л;
10. Конституция СССР, 1936 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936)// Известия ЦИК СССР и ВЦИК», N 283, 06.12.1936. Документ утратил силу. Режим доступа: КонсультантПлюс
11. Коркунов Н.М. История философии права. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908, Т. VI, 431с.
12. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М.: Юрид. лит., 1988. С. 90–92, 98.
13. Лист, Франц фон Учебник уголовного права: Общая часть / Франц фон-Лист, проф. Берлин. ун-та; В пер. изд. Ф. Ельяшевич; — М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1903. — XXIV, 334 с. С. 147. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714015/
14. Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 1. /под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. А.И. Чучаев. — М.: Проспект, 2022., 728 с. С.369.

15. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. Типогр. Моск. Ун-та, 1902-1905, Ч. III Казуальный и потенциальный моменты действия, 552 с. С. 394. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/904559>
16. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937, С.101, 248 с.
17. Русская правда (пространная редакция). В пер. М.Б. Свердлова. Библиотека литературы древней Руси. Т. IV. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14.
18. Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М.: ИГП РАН, 2018, 408 с.
19. Соборное уложение Алексея Михайловича (Ивана IV Грозного) (1649 г.) Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/
20. Студеникин, С.С. Советское административное право: учебник Юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1945 г. 237 с.
21. Студеникин, С.С. Советское административное право: учебник. М., Изд-во Юридическая литература, 1949 г., 311 с.
22. Студеникин С.С. Советская административно-правовая норма и ее применение: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / Воен.-юрид. акад. Вооруж. сил СССР. — М.: РИО ВЮА, 1949. — 47 с.
23. Судебник 1550г. Перевод В.Б. Цыганова / Режим доступа: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550>
24. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции / [соч.] Н. С. Таганцева. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — СПб.: Гос. тип., 1902.
25. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., Печатня С.П. Яковлева, 1897, 718 с.
26. Энциклопедия законоведения, докт А.А.Рожественский, С-Пб, Типогр. Э. Праца, 1863, 690 с.
27. Уголовный кодекс РСФСР (1922) (утратил силу)//Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mdd81ufsed344241870
28. Ямпольская Ц.А. Семен Севастьянович Студеникин (1905–1957) // Правоведение. 1979. № 4. С. 47–51.
29. Binding K. Die Normen und ihre Ubertretung, Bd. I, Leipzig, 1922, S. 324–327.

© Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (adminlaw@igpran.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS NEW TYPES OF CRIMES

N. Kostyleva

Summary. The author touches upon the problem of new types of crimes — cybercrimes. The article analyzes the criminal-legal characteristics of cybercrimes, revealing the identities and differences between crimes committed in the real and virtual worlds.

Keywords: cybercrime, crime, transformation of crime, classification of new types of crime, classification of cybercrime, scientific technologies.

Костылева Наталья Ивановна

Аспирант,
Дальневосточный федеральный университет
ekatmosc@icloud.com

Аннотация. Автор затрагивает проблему новых видов преступлений — киберпреступлений. В статье проводится анализ уголовно-правовой характеристики киберпреступлений, выявляя тождества и различия между преступлениями совершенными в реальном и виртуальном мире.

Ключевые слова: киберпреступления, преступления, трансформация преступлений, классификация новых видов преступлений, классификация киберпреступлений, информационные технологии.

С появлением информационных технологий, интернет-пространства, социальных сетей и мессенджеров преступность перешла на новый уровень: новые виды преступлений стали именоваться с приставкой «кибер», что означает преступления, совершенные в информационной среде. Среди наиболее известных и популярных киберпреступлений можно выделить кибермошенничество, киберкражи, кибертерроризм, кибербуллинг и другие. Киберпреступность наносит огромный вред государству, целью которого является соблюдение прав и свобод человека, защиты чести и достоинства личности, его здоровья и собственности [8, с.100–101]. Трансформация преступлений из реального мира в виртуальный сказалась и на уголовно-правовой характеристике преступлений, которые стали называть новыми. Исследование уголовно-правовой характеристики новых видов преступлений, совершенных в информационном пространстве и при помощи информационных технологий, стало актуальным и значимым в мире.

Проблемой изучения уголовно-правовой характеристики преступления, выявления тождеств и различий между преступлениями в реальном и виртуальном мире занимались и занимаются ученые-правоведы как в отечественной, так и зарубежной науке. В своей статье мы провели анализ научных статей по теме исследования и сослались на следующих авторов: Р.А. Абдусаламова, Ш.Д. Арсланова, А. Антонова, Е.Д. Василькова, Ю.А. Гудкова, В.Д. Зорькина, Н.И. Костылеву, Н.Д. Моисееву, А.М. Нагорную, Д.Л. Никишину, Д.О. Орешкову, Р.Р. Шерхова и других авторов, также опирались на нормативную литературу и статистические данные. Целью статьи ставится выявить уголовно-правовую характеристику новых видов преступлений, совершенных в информационной среде.

Уголовно-правовая характеристика преступления — это системное представление о преступлении, которое включает признаки, состав и другие элементы, на основании которых преступление можно классифицировать, доказать вину и определить наказание. С развитием информационных технологий состав и классификация преступлений меняются в силу использования технических средств и виртуального пространства, увеличивающегося количества пользователей и постоянного развития технологий в информационном пространстве.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий — это «информация, сведения и данные, позволяющие на законодательных основаниях охарактеризовать элементы состава уголовного преступления, совершаемого с применением информационных технологий» [3, 1819]. Анализ словарей по уголовному праву, криминалистике не дал результатов, интерпретации понятия «уголовно-правовая характеристика преступлений», нет его и в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) [15]. Проблема новых видов преступления актуальна, необходимо раскрыть, и обозначить признаки, состав и классификацию значений уголовно-правовой характеристики новых видов преступлений.

А. Антонов связывает развитие технологий как способ совершения большого количества новых преступлений, которые в свою очередь осуществляются из-за множества новых возможностей [2], автор приходит к мнению, что «новые технологии не являются причиной этих преступлений, а используются для облегчения их совершения» [2]. В результате необходимо создать условия, затрудняющие совершение преступлений в инфор-

мационном пространстве через ужесточение правовой системы, контроля и наказания. Информационные системы явились инструментом для совершения преступных деяний, выходом из глубин бессознательного пороков людской сущности («ОНО» З. Фрейда) и избытию творческого потенциала у граждан в совершении общественно опасных деяний. Преступления совершаемые с момента существования человека разумного, имеют множество форм, видов, факторов, влияющих на способы, которые применяет преступник при их совершении.

Ряд авторов утверждает, что образование может послужить одним из основополагающих факторов, влияющих на совершение преступления. Так, Г.Н. Демешев, И.С. Гнусов, придерживаются утверждения В.И. Кудрявцева, что чем «ниже уровень образованности преступников, тем грубее по характеру и примитивнее по мотивации совершаемое ими преступление и добавим, что данное утверждение наиболее подходит к характеристике преступника в реальном мире» [5]. Здесь хотим уточнить, что данные утверждения относятся к преступлениям, совершенным в реальном мире, а вот для преступлений в виртуальном мире уровень знаний влияет на выработку стратегии действий и знаниями работы в компьютере, сети Интернет и мессенджерах. Также необходим богатый словарный запас для разговоров с потенциальными жертвами при кибермошеничестве, умении вызвать доверие и в последствии совершить преступление.

Как пишет Е.Д. Васильков «преступники с каждым годом становятся все более и более изощренными, правонарушители придумывают все более интересные обходы систем защиты пластиковых карт, придумывают новые способы распространения запрещенной информации в сети, популяризации в глобальном информационном интернет пространстве азартных игр и многих других, запрещенных Уголовным кодексом Российской Федерации» [3, с.1810]. Трансформация новых видов преступлений обрастает новыми признаками, свойствами и характеристиками. Данное явление можно описать как эффект «Преступная гидра в информационном пространстве», когда правовая система пытается искоренить преступность через законотворчество, но уровень преступности растет в геометрической прогрессии, появляются новые виды и способы совершения преступлений, затрудняющие их раскрытие, что создает большие проблемы в правоохранительной системе.

Ю.А. Гудков и А.М. Нагорная в исследовании раскрываемости преступлений, совершенных в информационном пространстве, выявили, что «киберпреступность являясь частью преступности в целом, демонстрирует особые качественные характеристики, такие как:

- отсутствие места преступления в традиционном его понимании;

- преступление совершается в виртуальном пространстве;
- правовая природа остается не совсем определенной;
- целью преступных действий становятся объекты виртуальной собственности;
- высокая латентность и сложности организации и расследования преступления» [4, с.112].

В ряде статей о киберпреступлениях нами затрагивались проблемы растущей трансформации преступлений, изменения состава, признаков, классификаций преступлений в связи с переходом их из реального мира и в виртуальный. Виртуальная среда послужила причиной трансформации преступности в киберпреступность, где главными отличительными признаками можно назвать:

- наличие средств связи для выхода в сеть;
- на совершение преступления уходит меньше времени;
- анонимность;
- ограниченность общественными нормами;
- возможность совершения преступлений только при наличии Интернета.

Киберпреступность набирает обороты и количество пострадавших неуклонно растет, причиной служит увеличившееся количество пользователей Интернета, доверчивость и малограмотность населения [8, с.110], а также отсутствию географических границ.

Р.А. Абдусаламов, Ш.Д. Арсланов среди характеристик присущих киберпреступлениям выделяют трансграничный (транснациональный) характер большинства сетевых преступлений. Авторы объясняют данную характеристику следующим образом «трансграничным характером сетевых преступлений связано два важных обстоятельства. Во-первых, методы обеспечения анонимности в Интернете допускают использование специальных узлов сети, удаляющих информацию о реальном адресе отправки команд. Во-вторых, сетевой адрес нарушителя не всегда точно указывает на то, где физически расположен его компьютер» [1, с.117]. Преступник может находиться как близко, так и за тысячи километров от жертвы или в другой стране.

Классификация преступления помогает провести оценку действия или бездействия и конкретизирует общественно опасное деяние, заключающееся в установлении соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного нормами уголовного закона. Классификация — это процесс определения, какая статья УК РФ применяется к конкретному случаю через признаки объективности, истинности, точности и полноты охвата всех признаков совершенного преступления.

Уголовно-правовая характеристика преступления рассматривается через:

- объект (материальный и общественно-правовой);
- объективную сторону (деяние, социальная опасность, причинно-следственная связь, способы совершения, средства, приведшие к преступлению);
- субъект (физическое лицо, вменяемость, возраст, признаки субъекта);
- субъективную сторону (вина, умысел, небрежность, мотив, цель).

Совокупность данных элементов позволяет точно определить является ли деяние преступлением, есть ли в преступлении смягчающие или отягчающие обстоятельства и какое наказание применить к преступнику.

Исследование статистики правоохранительной системы [10] выявила тенденцию к ежегодному увеличению количества совершенных преступлений, см. диаграмму 1.

Из диаграммы видно, что общее количество преступлений в 2024 году составило 564 010 эпизодов, что на 74 966 случаев или на 15,3 % больше по сравнению с 2023 годом (489 044 эпизодов).

Д.Л. Никишин, Д.О. Орешкова в исследовании преступлений, совершенных при помощи компьютера, проанализировали 105 уголовных дел и дали характеристику преступления по субъекту (по возрасту), которые попадают под деяния главы 28 Преступления в сфере компьютерной информации УК РФ [13, с.116–120], см. диаграмму 2.

Из диаграммы видно, что характеристика преступления по субъекту (по возрасту) имеет нулевые показатели у возраста 14–18 лет и старше 50 лет. Это можно объяснить маленькой выборкой количества уголовных дел (105 шт.), а также, что лица старше 50 лет в наименьшей степени владеют навыками и умениями работы в компьютерах, далеки от умения использовать технические средства и мессенджеры.

Возрастная группа 36–50 лет чаще совершает преступления (37 %), что объясняется компьютерной грамотностью, психологическими особенностями кризиса среднего возраста, латентным желанием финансового благополучия, чувством безнаказанности из-за анонимности преступника в виртуальном пространстве. Характеристика по возрасту будет меняться, на наш взгляд: лица от 36–50 лет через несколько лет перешагнут возрастной рубеж 50 лет и статистика измениться.

Интересны данные о преступниках и их уровне образования, см. диаграмму 3.

Из диаграммы видна причинно-следственная связь между уровнем образования и совершением преступления при помощи информационных средств. Авторы выявили, что «большинство преступников занималось трудовой деятельностью, непосредственно связанной с доступом к компьютерному обеспечению. Их доля составляет около 90 %. Из общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по изученным делам, около 4 % были ранее судимыми. У всех преступников доминировала корыстная цель» [13, с.120–121]. У преступников с высшим уровнем образования больше способов совершить преступления в информационной среде или при помощи технических средств, применяя свои знания, умения и профессиональный опыт, чем у граждан с незаконченным высшим или средним уровнем образования.

Я.И. Гишинский выявил зависимость уровня образования и уменьшения преступности, относящейся к уличным видам (убийство, грабеж, разбой, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью), тогда как «беловоротничковая» преступность, остаётся стабильной либо растёт [4]. Образование, опыт, талант помогают преступнику совершить киберпреступление и избежать наказание. Данную проблему затрагивают на разных уровнях понимая, что проблема киберпреступности вышла за пределы одного государства и стала проблемой всего человечества.

Так, в докладе генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН), было заявлено, что причинами увеличившегося количества преступлений в информационном пространстве является «...появление все больше талантливых людей для изобретения новых уникальных способов совершения преступлений, особенно в области информационно-обрабатывающих технологий» [6], а значит каждый преступник вносит свою лепту, меняя признаки, состав и другие элементы уголовно-правовой характеристики и классификации через изощренный подход к совершению преступления.

В. Зорькин, председатель Конституционного суда РФ, предлагает «не нарушая конституционных прав граждан, усилить контроль за киберпространством. Незамедлительно реагировать на появление различного рода «групп смерти», иных подобных сообществ, призывающих к насилию и распространяющих идеологию преступного мира. Под особым контролем правоохранительных органов должен быть так называемый теневой интернет, где сейчас активным образом идет продажа наркотиков, оружия, а также вербовка для террористических организаций» [7], что поможет бороться с киберпреступностью и уменьшить количество киберпреступлений.

Е.Д. Васильков и Н.А. Мочалов прогнозируют увеличение количества киберпреступлений совершаемых

Диаграмма 1. Сравнение раскрываемости преступлений, совершенных в информационной среде

Диаграмма 2. Уголовно-правовая характеристика (возраст)

Диаграмма 3. Влияние уровня образования на совершение преступления.

дистанционным способом и считают, что в недалеком будущем «каждая статья УК РФ будет содержать в себе оговорку «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сетей (далее И-ТТиС) включая сеть «Интернет»» [3, с.1810]; [12, с.1820]. Проведя анализ статей по уголовным преступлениям, которые совершаются с помощью информационных технологий, они выявили в каких статьях УК РФ можно на сегодняшний день добавить И-ТТиС и классифицировать как новые: ст. 110, ст. 110.1, ст. 110.2, ст. 119, ст. 120, ст. 128.1, ст. 133, ст. 137, ст. 147, ст. 150, ст. 151, ст. 158, ст. 159, ст. 159.3, ст. 159.6,

ст. 171.2, ст. 183, ст. 205.2, ст. 228.1, ст. 242, ст. 242.1, ст. 242.2 [3, с.1810]; [12, с.1820]. Авторы считают, что из-за стремительного развития информационных технологий и увеличения количества новых преступлений статей станет больше.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Необходимо дать определение Уголовно-правовая характеристика нового вида преступления для понима-

ния сущности проблемы и умения дифференцировать по признакам, составу и другим элементам. На основании которых преступление можно классифицировать, доказать вину и определить наказание.

Уголовно-правовая характеристика нового вида преступления — это характеристика киберпреступлений, совершенных с помощью информационного пространства, знаниями и умениями работы с техническими средствами.

Уголовно-правовая характеристика киберпреступлений следующая:

- объект (информация, компьютерные системы, собственность, права и свободы личности);
- объективная сторона (использование компьютера, технических средств для совершения противоправных действий);
- субъект (физическое лицо, группа лиц, организация, возраст от 18 до 50 лет);
- субъективная сторона (выраженная виновность, умысел и корыстная цель).

Среди особенностей нового вида преступления выступают:

- совершение преступления в виртуальном пространстве;
- высокая латентность и сложности организации и расследования преступления;
- наличие средств связи для выхода в сеть;
- на совершение преступления уходит меньше времени;
- анонимность;
- ограниченность общественными нормами;
- высокий уровень образования и другие.

Для решения проблем, связанных уголовно-правовой характеристикой киберпреступлений, необходимо совершенствовать законодательство и правоприменение в сфере кибербезопасности, а также развивать специальные навыки и знания (информационно-правовую грамотность) у рядовых граждан, правоохранительных органов и судебных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов Р.А., Арсланов Ш.Д. Специфика и способы совершения преступлений в сети интернет // Юридический Вестник ДГУ. 2014. № 1. С. 117.
2. Антонов А. Развитие технологий рождает новые виды преступлений. // Адвокатская газета № 2 (403) от 18.01.2024 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.advogazeta.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Васильков Е.Д. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Научно-образовательный журнал для студентов StudNent. 2021. № 6. С.1810.
4. Гудков Ю.А., Нагорная А.М. О киберполиции в Российской Федерации // Юридический Вестник ДГУ. 2021. Т. 40, № 4. С. 112.
5. Демешев Г.Н., Гнусов И.С. Преступность и образование: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. — URL: <https://scienceforum.ru/2022/article/2018031570> (дата обращения: 27.05.2025).
6. Доклад Генерального Секретаря Организации Объединённых Наций «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» // В мат. Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вена, 13-23 апр., E/CN/15/1993/3.
7. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного форума. Российская газета. 2018. №7578 (115). С.4. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kstrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=5748> (дата обращения: 11.05.2025).
8. Костылева Н.И. Проблема кибербуллинга как нового вида преступления в современном обществе // Актуальные проблемы юриспруденции. Сб. статей по материалам LXXVII международной научно-практической конференции. № 12 (76), 2023. Новосибирск, 2023. 136 с.
9. Костылева Н.И. Трансформация уголовных преступления против личности в информационном пространстве // Юридический Вестник ДГУ. 2025. Т.53, № 1 (73). С. 110.
10. Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.05.2025).
11. Моисеев Н.Д., Шерхов Р.Р. Понятие преступности и ее криминологические характеристики // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 118.
12. Мочалов Н.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 11 (68) Том 4. С.1816–1820.
13. Никишин Д.Л., Орешкова Д.О. Краткий аналитический анализ уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2 С. 116–121.
14. Прокуратура г. Якутска разъясняет: причины роста преступлений в общественных местах и как их предотвратить. [Электронный ресурс]. — URL: <https://erpp.genproc.gov.ru/ru/web/> (дата обращения: 05.05.2025).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 12.05.2025).

© Костылева Наталья Ивановна (ekatmosc@icloud.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ ВОЛИ И СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ

THE RELATIONSHIP BETWEEN FREE WILL AND RELATED CATEGORIES

M. Lavshuk

Summary. The article examines the correlation between the concepts of free will, law enforcement discretion, and judicial discretion within the context of legal activity. The author proposes an original approach to defining the content of these categories, revealing their theoretical and legal foundations as well as their significance for law enforcement practice. A comparative analysis of the features of each category is conducted, identifying their common and distinctive characteristics, as well as the criteria for their differentiation. Particular attention is paid to the relationship between free will and both judicial and law enforcement discretion, which allows for clarification of the limits of discretion and the role of the legal actor in the implementation of legal norms.

Keywords: free will, judicial discretion, law enforcement discretion, legal activity, law enforcement practice, discretion of the legal actor, limits of discretion, foundations of judicial discretion.

Лавшук Максим Александрович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный
аграрный университет»
max555_95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий свободы воли, правоприменительного и судебного усмотрения в контексте правовой деятельности. Автор предлагает собственный подход к определению содержания данных категорий, раскрывает их теоретико-правовые основания и значение для правоприменительной практики. Проведён сравнительный анализ особенностей каждой из категорий, выявлены их общие и отличительные черты, а также критерии разграничения. Особое внимание уделяется взаимосвязи свободы воли с судебным и правоприменительным усмотрением, что позволяет уточнить пределы усмотрения субъекта права и его роль в процессе реализации правовых норм.

Ключевые слова: свобода воли, судебное усмотрение, правоприменительное усмотрение, правовая деятельность, правоприменительная практика, усмотрение субъекта права, пределы усмотрения, основания судебного усмотрения.

Вопрос соотношения понятий свободы воли и смежных категорий, связанных с проявлением свободы воли при реализации прав и обязанностей субъектами правовой деятельности, является значимым для современной правовой науки. Выявление общих и различных признаков указанных понятий позволит уяснить их сущность, практическую значимость, повысить уровень теоретической разработанности указанных явлений.

Рассматривая правоприменительную деятельность, можно выделить смежные с понятием свободы воли категории, такие как судебное и правоприменительное усмотрение. Для анализа вышеуказанных явлений, выявления общих и различных черт необходимо проанализировать понятие и признаки каждой правовой категории.

Говоря, свободе воли необходимо обратиться к нескольким подходам к ее пониманию. В различных источниках свободу воли рассматривают с точки зрения философии, юриспруденции, а также с точки зрения психологии. По нашему мнению, категорию свободы воли целесообразно рассматривать с позиции философии права.

В специальной литературе, под свободой воли понимается способность личности как автора-первоисточника вызывать волевые акты [1, С. 92]. Альтернативной точкой зрения является прагматичный юридический

подход, в рамках которого, свобода воли понимается как свобода действий и свобода выбора со стороны конкретного субъекта. Под свободой действия подразумевается беспрепятственное внешнее выражение сознательных явлений путем действия или бездействия. В свою очередь свобода выбора выражается в волевой возможности индивида выбирать модель поведения [2, С. 191–192]. По нашему мнению, под свободой воли понимается правовое явление, основанное на восприятии объективной реальности как системы социальных и правовых явлений, допускающих возможность выбирать ту модель поведения, которая позволяет реализовать интересы индивида. Свобода воли непосредственно связана с понятием автономии личности и принципом гражданской свободы, она обеспечивает возможность выбора и самоопределения, что является важным аспектом правового государства.

Под правоприменительным усмотрением понимают предоставленное правоприменителю полномочие свободы выбора одного решения из нескольких вариантов, закрепленных в правовой норме альтернативных, но в равной степени законных решений по рассматриваемому делу, основанных на его убеждении [3, С. 23]. Иной точки зрения придерживается И.А. Минникес, он утверждает, что правоприменительное усмотрение — это относительная свобода действий правоприменителя, предоставленная законом, с целью принятия в конкретной ситуации наиболее целесообразного и справедливого

решения [4, С. 321]. По нашему мнению, под правоприменительным усмотрением понимается закрепленная в нормативных актах, возможность должностного лица либо органа государственной власти при разрешении им конкретной правоприменительной ситуации выбирать приемлемый вариант решения, формирующегося под влиянием внешних и внутренних факторов, из нескольких альтернатив. Указанное понятие отражает некоторые обязательные признаки правоприменительного усмотрения, правоприменительное усмотрение присуще правоприменительным органам — в общем смысле органам государственной власти и их должностным лицам, варианты альтернативного поведения в обязательном порядке должны быть зафиксированы в нормативных актах, решение, принимаемое правоприменительным органом, формируется под влиянием внутренних и внешних факторов. К числу внутренних факторов можно отнести личность правоприменителя, к числу внешних — правовую ситуацию в обществе, степень развития политической системы, уровень правовой культуры в обществе.

Судебное усмотрение тесно связано со свободой воли индивида. Под судебным усмотрением понимается предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона, в случае отсутствия прямого, абсолютного определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя [5, С. 51]. Наиболее полным и актуальным, на наш взгляд, является следующее понятие судебного усмотрения — деятельность судьи по осуществлению предоставленных ему полномочий в соответствии с его личными убеждениями, при наличии выбора из нескольких легитимных вариантов в пределах, установленных нормой права, направленную на преодоление коллизий и пробелов в регулировании, имеющую результатом формирования законного, правового и мотивированного решения [6, С. 8]. В соответствии с точкой зрения О.А. Папковой, судебное усмотрение это урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [7, С. 34–34].

Рассматривая указанную правовую категорию на практике, необходимо обратить внимание на нормы Кодекса об административных правонарушениях, в частности на ч. 1 ст. 14.13 КоАП РФ. В санкции указан-

ной статьи в качестве наказания для гражданина предусмотрена вариативность в виде штрафа от четырех до пяти тысяч рублей. Выбор между указанными пределами принадлежит суду, который осуществляет привлечение гражданина к административной ответственности, что и является реализацией института судебного усмотрения.

Говоря о соотношении указанных категорий, необходимо отметить, что свобода воли, как правоприменительное усмотрение, так и судебное усмотрение базируются на началах диспозитивности. Каждое из указанных явлений предполагают некую свободу выбора, альтернативу, что закреплено в статусе субъекта.

Свобода воли, правоприменительное и судебное усмотрение являются оценочными категориями, то есть, варианты и возможная модель поведения в той или иной ситуации зависят от оценки индивида. Выбирая в той или иной ситуации наиболее приемлемый вариант поведения, индивид осуществляет оценку объективных обстоятельств, фактов, на что влияет ряд внутренних и внешних факторов. Профессор Карташев В.Н. выделяет в качестве одного из элементов детерминации юридических явлений, к которым относится свобода воли — факторы, которые раскрывают специфику, разнообразие детерминирующих обстоятельств. К их числу относятся — природные, социальные и внутренние [8, С. 5].

Отсюда вытекает еще одна общая черта, исследуемые категории тесно связаны с личными качествами индивида. От личных качеств индивида, таких как, например, уровень правовой культуры, степень образования, следование нормам морали и прочих зависят альтернативные варианты поведения, формирующегося при проявлении свободы воли, правоприменительного и судебного усмотрения.

Кроме внутренних качеств индивида на вариативность поведения влияют также и внешние факторы. Так, на формирование вариантов поведения влияют такие факторы как уровень экономического развития общества, качество политической системы, общественные интересы, состояние законодательства и правовая ситуация.

Однако несмотря на то, что исследуемые явления, хоть и имеют большое количество общих черт, они не тождественны.

Так, категория свободы воли является более широким понятием по отношению к правоприменительному и судебному усмотрению. Правоприменительное усмотрение, как и судебное усмотрение в данном случае, являются вариантами проявления свободы воли в правоприменительной деятельности. Правоприменительное

усмотрение представляет собой реализацию свободы воли в процессе правоприменения, в рамках которой конкретное должностное лицо органа государственной власти избирает в рамках предоставленных ему альтернатив наиболее приемлемый для себя вариант поведения. Судебное усмотрение в свою очередь представляется как реализация свободы воли в рамках судебного процесса, в рамках которого конкретный судья избирает наиболее приемлемый для себя вариант поведения. Таким образом, при соотношении двух указанных явлений можно сделать вывод о том, что правоприменительное усмотрение является более широким понятием по отношению к судебному усмотрению, поскольку судебное усмотрение на фоне правоприменительного выделяется специальным субъектом — судом.

Еще одним значимым различием является нормативное закрепление правоприменительного и судебного усмотрения и отсутствие такового у свободы воли. Правоприменительное усмотрение нашло свое закрепление в нормативных актах, так в Кодексе об административных правонарушениях во многих статьях особенной части закреплена альтернативная санкция в случае нарушения диспозиции статьи, например, альтернатива между применением к лицу, совершившему административное правонарушение наказания в виде предупреждения, наложения штрафа или лишения спе-

циального права. Судебное усмотрение напрямую не регламентируется нормативными актами, однако при телеологическом толковании процессуальных норм, можно сделать вывод о том, что процессуальное законодательство декларирует, подразумевает институт судебного усмотрения. Например, в статье 67 Гражданского процессуального кодекса и статье 71 Арбитражного процессуального кодекса регламентируется порядок оценки представленных сторонами доказательств, именно в оценке доказательств в большей мере проявляется сущность судебного усмотрения.

В отличие от двух других явлений, категория свободы воли лишена нормативного закрепления. Свобода воли оказывает прямое влияние на поведение людей, в связи с чем в нормативном закреплении не нуждается.

Подводя итог, необходимо отметить, что несмотря на наличие схожих черт, свобода воли является более широким понятием по сравнению с правоприменительным и судебным усмотрением. Правоприменительное и судебное усмотрение являются проявлением и реализацией свободы в процессе правоприменения и в судебном процессе. Тем не менее правоприменительное и судебное усмотрение не могут существовать в отрыве от категории свободы воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еникеев А.А., Станишевский А.И. Свобода воли в философии и юриспруденции: анализ, сравнение, проблематика // А.А. Еникеев / Философия права. — 2018. — № 2(85). — С. 92–99.
2. Городнова О.Н. Свобода воли и ее роль в уголовно-правовом соучастии // О.Н. Городнова / Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 191–197.
3. Сенякин И.Н. Судебное усмотрение в частном праве. / Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ) / Подмосковский В.Д., Сенякин И.Н., Степин А.Б. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. с. 240.
4. Минникес И.А. Элементы индивидуального правового регулирования в административном праве (теоретические аспекты) / И.А. Минникес // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 1. — С. 491–494.
5. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К.И. Комиссаров // Советское государство и право. — М., 1969. — № 4 (апрель). — С. 49–56.
6. Третьякова Т.Н. Понятие судебного усмотрения / Т.Н. Третьякова, Д.Т. Караманукян // International Journal of Professional Science. — 2020. — № 2. — С. 5–8.
7. Папкина О.А. Судебное доказывание и усмотрение суда в гражданском процессе // О.А. Папкина / Государство и право. — М.: Наука, — 2000. — № 2. — С. 30–35.
8. Карташов В.Н. Механизм детерминации правовой системы общества / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. — 2015. — № 14(14). — С. 3–18.

© Лавшук Максим Александрович (max555_95@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Наумов Вячеслав Викторович

к.ю.н., Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
crilaw@yandex.ru

ON THE QUESTION OF CRIMINAL-LEGAL SUPPORT FOR ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

V. Naumov

Summary. This work is devoted to the study of the features of criminal law provision of environmental safety and well-being in the Russian Federation and in the People's Republic of China. It is based not only on the provisions of domestic criminal legislation providing for liability for environmental offenses, the relevant explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, but also on the Criminal Code of the People's Republic of China, official interpretations of the content and procedure for the application of criminal law norms in the field of environmental protection in China.; published materials of the judicial and investigative practice of China and the Russian Federation, monographic studies.

Keywords: environmental crimes in China, environmental well-being, environmental safety, characteristics of the elements of the crime, comparative legal analysis.

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию особенностей уголовно-правового обеспечения экологической безопасности и благополучия в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике. Основывается не только на положениях отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за экологические деликты, соответствующих разъяснениях Верховного Суда РФ, но и на УК КНР, официальных толкованиях содержания и порядка применения уголовно-правовых норм в области защиты окружающей среды в Китае; опубликованных материалах судебно-следственной практики Китая и РФ, монографических исследованиях.

Ключевые слова: экологические преступления в КНР, экологическое благополучие, экологическая безопасность, характеристика признаков состава преступления, сравнительно-правовой анализ.

Введение

Одной из важнейших сфер безопасности человеческого общества является экологическое благополучие. Общий тренд переустройства мира — создание новой мировой глобальности, в которой экологической безопасности отводится особая роль, определяет приоритеты социально-экономического развития сильного и успешного государства [11, с. 132–135]. Россия — страна-участница «Группы двадцати» (G20), БРИКС, ШОС, входящая в список промышленно развитых стран мира, занимает первое место в мире по запасам природных ресурсов (более 75 трлн в долларовом эквиваленте). К сожалению, подобное изобилие природных богатств на долгие годы определило направления внешнеэкономической деятельности — добыча и экспорт сырьевых товаров (топливно-энергетические товары, металлы, продукты химической промышленности, древесина и др.). Поэтому защита одного из ключевых конституционных прав — права на экологическое благополучие (см. статью 42 Основного закона РФ) —

один из приоритетов в области современного отечественного правоприменения.

Основные результаты

Критериями эффективности системы национальной безопасности России является не только состояние защищенности фундаментальных интересов, благ и ценностей от внутренних и внешних угроз, но и успешное социально-экономическое развитие государства с учетом национальных интересов и укрепления стратегического партнерства с государствами-соседями. При этом найти баланс между экономикой и экологией всегда очень трудно. Защищенность экологических отношений в современном мире — это «маяк стабильности» в сфере обеспечения международной безопасности, в том числе в части сохранения, воспроизводства и распределения важнейших природных ресурсов как отдельных государств, так и целых регионов нашей планеты.

К сожалению, с течением времени в мире накопилось огромное количество экологических проблем,

многие из которых приобрели статус «нерешенных». Так, к глобальным проблемам «первого» поколения (загрязнению атмосферы и водных ресурсов, эрозии почв, накоплению промышленных и бытовых отходов¹ и др.) добавились проблемы «второго» и даже «третьего» поколений (сокращение биоразнообразия животного и растительного мира², необратимые климатические изменения — углеродный след, загрязнение мирового океана, критическое истощение невозобновляемых ресурсов, глобальные техногенные катастрофы, например, на АЭС «Фукусима» и т.д.).

При этом особую озабоченность мирового сообщества вызывают негативные изменения состояния окружающей среды в результате именно антропогенной деятельности — осознанных и зачастую противоправных действий именно людей. В подобных случаях требуется юридическая, а нередко и уголовно-правовая оценка содеянного. Seriously обострились проблемы в сфере экологии и в Российской Федерации. Как справедливо отмечено Верховным Судом РФ, гарантированное статьей 42 Конституции страны право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим деликтом, а также реализация положений, предусмотренных ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36, ст. 58 Основного закона, обеспечивается в том числе путем правильного применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. При этом применение мер уголовно-правового характера является крайним средством реагирования на общественно опасное поведение субъектов, посягающих на наиболее важные и охраняемые компоненты природной среды и/или экологическую безопасность в целом [3].

Существующая отечественная законодательная база не в полной мере соответствует современным реалиям. Это касается и норм главы 26 Особенной части УК России, которые, на наш взгляд, требуют тщательной ревизии и совершенствования. При этом системные улучшения в сфере уголовно-правовой охраны окружающей среды не будут в полной мере эффективны без учета общего экономического контекста. В частности, неоптимальная налоговая система, подавляющая средний класс, ведет к «искусственному вырождению рынка» [8]

¹ По данным Генеральной Прокуратуры РФ выявлено более 181 тыс. бесхозных построек и прилегающих к ним территорий, которые превратились в несанкционированные свалки промышленных и бытовых отходов. Указанные территории фактически выведены из экономического оборота.

² Ежегодно с лица земли бесследно исчезают от 300 до 500 видов животных и растений. При этом из 8 миллионов видов растений и животных (включая 5,5 миллионов видов насекомых) около 1 миллиона могут исчезнуть с лица Земли в ближайшее десятилетие.

и блокированию здоровой конкуренции, что в конечном счете создает питательную среду для экологических правонарушений в погоне за сиюминутной прибылью в ущерб долгосрочной экологической устойчивости.

Правоприменительная практика в данной сфере также весьма противоречива. Правоприменители сталкиваются с трудностями при квалификации преступлений данного вида и отграничений их от смежных преступных деяний и иных правонарушений. Следует отметить, что распространенность экологических преступлений и правонарушений имеет свои особенности. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доля дел об экологических преступлениях (глава 26, ст. 246–262 УК РФ) в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, составила в 2020 г. 1,3 %, в 2021 году — 1,3 %, в 2022 г. — 1,1 %, в 2023 — 1,2 %, в 2024 — 1,2 %. На первый взгляд, статистика экологической преступности в России не позволяет говорить о каком бы то ни было доминирующем их положении в структуре преступности — за последние десять лет выявлено более 136 тысяч экологических преступлений, более 81 тысячи человек привлечены к уголовной ответственности [11, с. 132–135]. Наблюдается существенный рост подобных деяний по отдельным позициям — ст. 256, 258, 260 УК России. Из всех статей, представленных в главе 26 УК России, на практике активно применяются всего 4 (статьи 256, 258, 258, 260 УК РФ) — около 22 % от всех составов экологических преступлений. При этом статьи 260 и 256 отечественного уголовного закона составляют более 88 % всей правоприменительной практики. Подобные «обнадеживающие» статистические данные, к сожалению, не отражают реального положения дел о состоянии окружающей среды и ее охране.

Существующая реальность такова, что уголовных дел по экологическим преступлениям достаточно мало, а правонарушений и преступлений в рассматриваемой достаточно много. Возникают обоснованные вопросы:

- является ли действующее отечественное законодательство в сфере защиты экологии достаточно эффективным и совершенным?
- достаточно ли эффективно мотивирована деятельность правоприменительных органов в сфере природопользования и др.?

Само государство достаточно продолжительное время даже не включало в число первоочередных задач охрану окружающей среды и рациональное природопользование. Однако в последние несколько лет положение дел начинает меняться — государство принимает отдельные уверенные шаги в укреплении экологической безопасности. Так, утверждены и начали реализовываться Государственная программа «Охрана окружающей среды»; План действий по реализации Основ государственной политики в области экологиче-

ского развития РФ на период до 2030 года; Стратегия пространственного развития на период до 2030 года (с прогнозом до 2036 года) и ряд других важных документов, которые обосновано охарактеризовали текущее состояние окружающей среды как крайне неблагоприятное³. Безусловно, подобные нормативные правовые акты крайне важны, поскольку экосфера (совокупность всех свойств планеты, создающих условия для развития биологических систем) жизненно необходима не только тем, кто живет на планете сейчас, но и последующим поколениям — нашим потомкам.

Не обошли стороной Россию и такие мировые тенденции, как рост промышленного производства, нерациональное, избыточное потребление, накопление и складирование отходов, увеличение количества несанкционированных свалок⁴, в том числе в Арктической зоне, сокращение площадей сельскохозяйственных угодий, фактическое выведение их из оборота [9]. Крайне неблагоприятным является положение дел на водных объектах, качество вод ухудшается вследствие сбросов и некачественной очистки сточных вод. Увеличение рисков заболеваемости и смертности обусловлено использованием воды, которая не соответствует санитарно-гигиеническим нормативам. Существенный вред окружающей среде причиняют ежегодные лесные пожары (площади лесов в России, пройденные огнем, исчисляются миллионами гектаров), систематические разливы нефтепродуктов в районах добычи, транспортировки и хранения углеводородов. К числу потенциальных угроз окружающей среде относятся и существенный износ сетей коммуникаций, нефтегазопроводов, гидротехнических и иных сооружений. Это далеко не исчерпывающий перечень «неразрешимых» угроз в экологической сфере, которым предстоит обеспечить эффективное противодействие, поскольку деградация окружающей среды — основная причина ухудшения здоровья населения и сокращения продолжительности жизни. Полагаем, что именно поэтому в следующее десятилетие в рамках реализации национального проекта «Экологическое благополучие» приоритетами станут следующие целевые установки: циркулярная (циклическая) модель

³ Отметим, что некоторые документы, которые носят в большей степени «манифестный» характер (— авт.), например, — Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года, формально считаются реализованными.

⁴ На сегодняшний день в России накопилось более 100 млрд тонн опасных отходов, угрожающих здоровью и жизни более чем 17 млн человек. При этом, ежегодно в нашей стране образуется более 70 млн тонн отходов с приростом около 3%, при общем уровне переработки не более 7 %. Китайская Народная Республика ежегодно производит более 250 млн тонн отходов (до 2013 года Китай также и активно импортировал отходы из других стран) при общем уровне переработки около 50 % отходов и планомерном сокращении их производства.

экономики⁵; сокращение вдовое выбросов опасных загрязняющих веществ (повышения индекса качества атмосферного воздуха) и сточных вод (в том числе на Байкальской природной территории (БПТ); ликвидация опасных объектов; утилизация не менее половины опасных отходов I и II классов; сохранение естественного состояния территорий, уникальных природных объектов, лесов и биологического разнообразия, в том числе их воспроизводство; создание инфраструктурной базы туризма. Следует с уверенностью утверждать, что речь идет не только о ликвидации уже накопленного вреда окружающей среде (устранение «негативного отложенного эффекта»), но и реализации комплекса мероприятий по постоянному снижению негативного воздействия на экологию.

На этом фоне огромный интерес представляет деятельность, проводимая китайскими властями в области рационального потребления ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Достижения Китайской Народной Республики в области охраны природы заставляют более широко взглянуть на возможности государства определить сферу экологии как важнейшую с точки зрения ее защиты и не только с позиций уголовной политики, но всего множества действующих отраслевых нормативно-правовых актов.

На основании отчета Верховного народного суда КНР в период с 2018 по 2023 годы суды первой инстанции рассмотрели около 1,47 млн. дел в сфере защиты окружающей среды и природных ресурсов (увеличение на 76,7 % по сравнению с предыдущими пятью годами) [7]. За рассматриваемый период было завершено расследование в общей сложности 65 тыс. уголовных дел с привлечением виновных к уголовной ответственности за загрязнение воздуха, воды и почвы; фальсификацию данных по охране окружающей среды; нанесение вреда находящимся под угрозой исчезновения видам диких животных; незаконную рубку леса; незаконную добычу полезных ископаемых и морского песка (увеличение на 55,7 % по сравнению с предыдущими пятью годами).

Отметим, что еще десять лет назад экологическая ситуация в КНР вызвала множество вопросов. Стремительный рост и урбанизация экономики существенно увеличили экологическую нагрузку на окружающую среду: концентрация твердых частиц в разы превышала рекомендации Всемирной организации здравоохранения, проблемы со здоровьем населения, потери рабочей силы в результате неблагоприятной экологической обстановки, ежегодно стоили Китаю потери около 6,5 % ВВП. В нашей стране ежегодный ущерб измеряется де-

⁵ Целевые показатели: стопроцентная сортировка отходов, сокращение доли захоронения твердых отходов до 50% от их общего количества и использование до ¼ отходов в производстве в качестве вторсырья.

сятками млрд. рублей. При этом экологические деликты относятся к высоколатентным, а расчет реальной величины экономических потерь в силу объективных причин представляется затруднительным. Подобные обстоятельства прямо указывают на экологические правонарушения как на один из факторов сдерживания устойчивого социально-экономического развития страны.

Позитивные преобразования в экологической сфере не были бы возможны без системной модернизации законодательства «Поднебесной». Например, в результате конституционно-правовой реформы в марте 2018 года в Конституции КНР была закреплена концепция «экологической цивилизации» и определены основы ее построения посредством права — ревизия и переработка законодательства в области защиты окружающей среды (например, развитие новой системной теории о составе преступления в уголовном праве Китая), повышение уровня экологической культуры и осведомленности (например, реализация концепции «изумрудные воды и зеленые горы — бесценное сокровище»), изменение способов товарного производства, потребления в стране и т.д. Реализацию комплексной государственной политики в сфере экологии курируют Министерство экологии и окружающей среды, Министерство природных ресурсов и Министерство общественной безопасности.

Китайская Народная Республика выступает одной из крупнейших стран-производителей и экспортеров товаров в мире. При этом за последние несколько лет состояние окружающей среды в стране кардинально изменилось в лучшую сторону. Например, активная деятельность государства в области поддержания рационального природопользования привела к существенному улучшению качества поверхностных вод, которые в настоящее время относят к I-III классам качества, что соответствует показателям качества воды в развитых странах. В 295 китайских городах окружного значения устранены «проблемные» водоемы, надежно обеспечена безопасность питьевого водоснабжения. Несмотря на совершенно ошеломляющий прирост ВВП КНР⁶ — существенное увеличение численности автотранспорта за последнее десятилетие (на 132 %) — качество атмосферного воздуха продолжает улучшаться. Средняя концентрация вредных веществ в воздухе большинства крупных городов снизилась на 56 %, а количество дней с сильным уровнем загрязнения воздуха сократилось на 87 %. Напомним, городом в КНР (например, уездный и окружной уровни) считается городская административная единица с населением, превышающим несколько миллионов человек, а в таких агломерациях как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу — десятки миллионов человек.

⁶ По итогам 2024 года среднегодовой рост ВВП КНР составил 5,0 %, а за последние 10 лет экономика страны выросла почти в два раза.

В настоящее время в Китае насчитывается почти 10 тысяч охраняемых природных территорий различных типов, их общая площадь составляет более 170 млн га. Некоторые из этих охраняемых природных территорий являются рукотворными, например, самый большой по площади в мире лес-заповедник — «Сайханьба». При этом за последние 20 лет более четверти всех лесных насаждений в мире появилось в именно в «Поднебесной». Расширяются не только ежегодные лесопосадки (до 6–8 млн га в год) и площади водно-болотных угодий, но и полностью прекращена коммерческая лесозаготовка, в частности, в северных районах Китая. Общая характеристика системы охраны окружающей среды в КНР свидетельствует о том, что около 90 % наземных экосистем и 74 % популяций особо охраняемых государством диких животных и растений находятся под эффективной защитой.

Интерес представляет и государственная политика Китая в области снижения потребления углеводородов и активного внедрения технологий в области возобновляемой энергетики⁷. Следует отметить, что в КНР с 2010 года поэтапно ужесточаются экологические стандарты, в том числе в энергетике; возрастает налоговая нагрузка на предприятия, где максимальный уровень нефте- и энергопотребления в целом; производится реорганизация нефтеперерабатывающих предприятий, использующих экологически «грязные» технологии. К 2030 году доля возобновляемых энергоресурсов (генерируемых ветровой и солнечной энергий, биогаза) должна достигнуть 1/3 от общего объема внутреннего рынка страны. При этом уже в 2021 году Китай занял первое место в мире по производству и реализации автомобилей на возобновляемых источниках энергии, опередив все страны Европы и Северную Америку⁸.

Необходимо отметить, что благодаря активной позиции КНР на международной арене, подписано и ратифицировано более 150 документов о сотрудничестве в области охраны окружающей среды более чем с 60 странами, а также международными организациями. Так, Китай присоединился более чем к 50 международным конвенциям и протоколам в области защиты окружающей среды [5].

Как отмечалось ранее, существенная роль в обеспечении правовой охраны экологических отношений

⁷ Так уже в 2021 году потребление угля в КНР сократилось до 56%, а доля «экологически чистых источников энергии» возросла до 25,5% от потребляемого объема и продолжает увеличиваться.

⁸ За 2024 год в Китае было продано 26,7 млн легковых автомобилей, сообщили в Китайской ассоциации легковых автомобилей (СРСА). Рост по сравнению с АППГ — 5,6%. На долю электромобилей и гибридов пришлось более 17 млн от общего объема продаж.

в КНР принадлежит нормам уголовного законодательства. В 2015 году в главу 6 Уголовного кодекса КНР (Преступления против порядка управления и общественного порядка) был включен специальный параграф 6 (ст. 338–346) — преступления против окружающей среды и природных ресурсов [11, с. 132–135]. Анализ представленных в нем норм свидетельствует о возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экологии не только физических, но и юридических лиц. Этому способствовала и активная позиция Верховного Народного Суда, Верховной Народной Прокуратуры КНР, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции, Министерства экологии и окружающей среды, которые весьма эффективно реализуют одну из приоритетных стратегических задач в области национальной безопасности, в том числе посредством формирования совместных разъяснений для единообразного применения правовых норм — разъяснения о применении уголовного закона в данной сфере; проведения комплексной судебной реформы — созданию специализированных экологических судов для квалифицированного разрешения судебных дел, связанных с охраной окружающей среды [13]. Более того, наши страны активно участвуют в деятельности международных конференций по экологической безопасности, а также коллективно в рамках различных организаций осуществляют выработку совместных соглашений в сфере экологической безопасности (в рамках БРИКС, ШОС, АТЭС и т.д.).

Безусловного внимания заслуживают не только непосредственные особенности китайского уголовного законодательства (например, архитектура уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления), но и соответствующие практики его применения:

- конститутивное значение разъяснительных актов (например, совместных толкований Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР и т.д.), содержание которых определяет обоснованность и предиктивность квалификации по соответствующим уголовно-правовым нормам, поскольку именно в них, а не в статьях уголовного закона раскрываются не только отдельные факультативные (место или способ совершения преступления⁹), но и обязательные признаки составов экологических преступлений (например, форма вины, характеризующаяся исключительно умыслом) [10, с. 345];
- специфика квалификации экологических престу-

плений (например, совершенных в соучастии — в составе группы лиц по предварительному сговору и др.¹⁰) и содержании понятийного аппарата (например, понятие объекта экологического преступления в КНР раскрывается не через привычную в нашем понимании совокупность общественных отношений, а через действующую систему государственных правил, регламентирующих защиту окружающей среды в «Поднебесной»);

- специфика назначения наказания виновному лицу, совершившему конкретное преступление с учетом положений о стратификации общественно опасных деяний в КНР (например, величина штрафа, который может назначаться в качестве дополнительного наказания китайским уголовным законом не определена, а целесообразность его назначения, размер санкции полностью переведены в плоскость судебного усмотрения);
- специфика освобождения виновного от уголовного наказания за совершение экологических преступлений (толкования порядка применения норм содержат, по сути, самостоятельный «специальный вид» освобождения от уголовного наказания на стадии судебного рассмотрения уголовного дела) и т.д.

Важность подобного исследования обусловлена и тем, что Китайская Народная Республика и Российская Федерация имеют общую государственную границу протяженностью более 4200 км (включая 650,3 км сухопутной, 3489,0 км речной и 70,0 км озёрной). С четырьмя северными провинциями Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, Гирин¹¹) граничат: Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский и Приморский края. Все эти регионы отличаются уникальной природой, и наши страны должны быть заинтересованы в совместной деятельности по сохранению и воспроизводству биоразнообразия в экологической сфере, что не представляется возможным без эффективного режима правовой защиты. При этом, широкое распространения получили факты совершения экологических преступлений на территории России гражданами Китая. О проблеме роста числа экологических преступлений именно в приграничных районах России свидетельствуют и статистические показатели — так около 40% всех экологических преступлений совершаются на территориях Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, граничащих с КНР. Однако до настоящего времени не реализуется каких-либо комплекс-

⁹ В данном случае речь может идти о составах экологических преступлений, предусмотренных ст. 338, 339 и др. УК Китая. При этом российский уголовный закон всегда интегрирует «факультативные» признаки непосредственно в конструкцию самой уголовно-правовой нормы.

¹⁰ В уголовном праве Китая соучастие в преступлении входит в состав института обстоятельств, отягчающих наказание, и не является квалифицирующим признаком состава преступления, как это принято в отечественной уголовно-правовой доктрине.

¹¹ В указанных провинциях КНР проживает более 105 млн. человек.

ных нормативных правовых актов в сфере противодействия экологической преступности и природоохранной деятельности между Россией и Китаем.

На сегодняшний день в научном мире отсутствует единство мнений относительно тенденций уголовной политики в части охраны экологии в России. Большинство криминалистов полагают, что государство усиливает охрану экологической безопасности, может ужесточить наказания за преступления в этой сфере и применить исчерпывающие меры не только к недопущению существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны, но и к его возмещению в полном объеме, в случае причинения. Существуют и иные взгляды ученых, которые убеждены, что экологической сфере в самые ближайшие годы может быть нанесен серьезный, непоправимый ущерб не только в связи с бурным развитием новых технологий, но и в связи с геополитической нестабильностью в мире.

Полагаем, что изучение примера КНР в сфере охраны экологической безопасности позволит выработать и в нашей стране более эффективные охранительные меры. Это в полной мере касается и необходимости совершенствования норм российского уголовного законодательства, которые не в полной мере соответствуют высоте решаемой государством задачи в области обеспечения экологического благополучия населения.

В современных реалиях защита окружающей среды трудоемка, значительно осложняется тем фактом, что вред экологии наносится не только внутри страны (в результате агрессивной промышленной деятельности крупных компаний; деятельности преступных организаций, осуществляющих незаконное изъятие, контрабанду природных ресурсов и т.п.), но и на международном уровне [12, с. 592–593]. Следует принимать во внимание не только геополитические факторы, но и изменения, происходящие в структуре и интенсивности социально-экономических связей с КНР, которые также вызывают интерес к уголовно-правовым нормам этого государства, отличающимся наиболее широким видовым спектром экологических преступлений¹². На данные обстоятельства, а также на необходимость комплексного исследования законодательства и правопримени-

тельной практики «... нашего самого что ни на есть естественного партнера, союзника, соседа ...» — КНР, было акцентировано внимание руководством нашей страны по результатам проведенного ежегодного Восточного экономического форума (ВЭФ–2023) [6]. При этом на полях Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ–2024) в рамках предложенных Президентом РФ ключевых интегральных изменений экономики было справедливо определено, что мощное и долгосрочное экономическое развитие страны невозможно без обеспечения ее экологического благополучия, а также изменения качества окружающей среды для здоровой и активной жизни населения.

Заключение

Экологическая проблематика продолжает оставаться настоящей «болевым точкой», угрозой национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, поскольку эффективное природопользование может и должно учитывать интересы не только нынешнего, но и будущих поколений.

В современных геополитических реалиях углубление и обогащение новыми знаниями отечественной уголовно-правовой доктрины не представляется возможным без исследования законодательства, а также передового опыта его применения ведущими зарубежными странами и, в первую очередь, Китайской Народной Республикой, достигшей существенного прогресса, в том числе в сфере обеспечения экологического благополучия. Несомненно, подобные изыскания будут способствовать дальнейшему развитию уголовно-правовой теории обеих стран. А самое важное заключается в том, что исследованные новеллы «социалистической правовой системы с китайской спецификой» могут и должны быть использованы не только для совершенствования отечественного Уголовного Кодекса (непосредственно конструкции правовых норм), но и практики его применения (например, в части повышения эффективности организационно-правовых мер, организации межведомственного взаимодействия и контроля за состоянием окружающей среды и т.д.), особенно в вопросах повышения эффективности уголовно-правовой охраны таких компонентов окружающей среды, как атмосферный воздух, поверхностные и подземные воды, источники питьевого водоснабжения, земля и недра.

¹² В 2024 году товарооборот между Россией и КНР превысил 244,8 млрд в долларовом эквиваленте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 (ред. от 01.09.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть III). ст. 2171.
2. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р (ред. от 27.05.2024) «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. ст. 7561.
3. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11 (ноябрь). 2022.
4. Толкование (разъяснения — авт.) Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды // «Фа»«Ши». № 29. 2016.
5. Дыхание Китая // Российская газета. Спецвыпуск № 254 (8902).
6. Захарова рассказала о нехватке специалистов по китайскому праву. Материалы информационного агентства «РИА Новости» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20230913/spetsialisty-1895992977.html> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Китай добился прогресса в борьбе с экологическими преступлениями. Материалы китайского информационного агентства «Синьхуа» [Электронный ресурс]. — URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-10/22/content_116765395.htm (дата обращения: 21.09.2025).
8. Манаширов Э.С. Теоретические рамки плановой экономики и налогообложения: анализ эффекта на средний класс и оптимизация налоговых схем // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 10. — С. 272–276. — EDN ZCNLQV.
9. Материалы по результатам совещания о развитии и декриминализации лесного комплекса. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 12.10.2025).
10. Наумов В.В. Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР) // Юридическая наука. № 6. 2025. С. 344–350.
11. Наумов В.В., Калининская Я.С. Особенности уголовной ответственности за незаконную охоту и истребление редких и находящихся на грани вымирания диких животных по УК КНР // Современное право. № 12. 2024. С. 132–135.
12. Наумов В.В., Щепотьев А.В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ // Вопросы российского и международного права. Том 15. № 2А. 2025. С. 592–602.
13. Синь Ма. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 3

© Наумов Вячеслав Викторович (crilaw@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DIGITALIZATION OF LABOR RELATIONS: THE NEED FOR LEGAL REGULATION UPDATE

N. Orekhova

Summary. The article examines the main directions of changes in the legal regulation of labor relations in the context of ongoing digitalization processes. It is noted that digitalization has affected virtually all aspects of labor relations, which has determined the need for the creation of a portal for monitoring the content of employment contracts and other documentation in a remote mode. The article also presents examples of judicial practice that demonstrate the existence of issues in the field of remote labor relations and the necessity of strengthening the legal framework for their regulation. The conclusion is made regarding the advisability of updating the legal framework concerning the process of concluding employment contracts in an online format, signed with an electronic signature, defining the legal status of electronic labor books, and establishing employer responsibilities for the timeliness and completeness of updating the digital database when preparing documentation in electronic form.

Keywords: digitalization, labor relations, employer, employee, judicial practice, issues, solutions.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления изменения правового регулирования трудовых отношений в контексте происходящих процессов цифровизации. Отмечено, что цифровизация затронула фактически все процессы трудовых отношений, определила необходимость создания портала, посредством которого производится мониторинг трудовых договоров и другой документации в дистанционном режиме. Также представлены примеры судебной практики, которые доказали наличие прецедентов в сфере дистанционных трудовых отношений и необходимости укрепления правовой базы по их законодательному регулированию. Сделан вывод, что целесообразно обновить правовую базу в отношении процесса заключения трудового договора в формате онлайн, подписываемого электронной подписью, определить правовой статус электронной трудовой книжки и расширить ответственность работодателей за несвоевременность и неполноту обновления цифровой базы при составлении документации в электронном виде.

Ключевые слова: цифровизации, трудовые отношения, работодатель, сотрудник, судебная практика, проблемы, пути решения.

В настоящее время Российская Федерация вступила в эпоху цифровых отношений, которые затронули фактически все отрасли экономики. Не обошли стороной цифровизацию и сферу трудовых отношений, которые находятся под регулированием государства [1]. При этом данная тенденция развивается в последние 10 лет, в контексте перехода страны на 4 промышленную революцию посредством информатизации всех областей жизнедеятельности.

В условиях функционирования Концепции Индустрии 5.0, которая объединяет потенциал искусственного интеллекта, человека и цифры, наблюдаются существенные трансформации в сфере труда под воздействием рекомендаций, выносимых Международной организации труда, и стремительного развития технологий.

При этом цифровизация затронула в сфере трудовых отношений несколько глобальных трендов:

1. регулирование нестандартных форм занятости, дистанционную или онлайн форму работы, работу по гибкому графику в условиях нестационарного рабочего места.

2. цифровизация оформления документов, отражающих условия трудовых взаимоотношений, возникающих между работодателем и работником. В частности — это цифровой формат электронных трудовых книжек, трудовых договоров, а также составление различной кадровой документации.
3. цифровизация трудоустройства безработных в условиях гибкого рынка, которая проводится службами занятости.

Все приведенные концепции реализуются согласно Стратегии правительства Российской Федерации по развитию информационного общества [2] и программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], согласно которой рынок труда должен учитывать требования цифровой экономики, а значит необходимо совершенствование нормативно-правовой документации, обеспечивающей регулирование трудовых отношений.

Данные вопросы активно обсуждаются в учёном обществе, в котором отмечается, что под воздействием цифровизации в последние годы модернизируются за-

конодательство, регламентирующие трудовые отношения в стране [4].

Так, начиная с 2019 г. Гражданский кодекс регулирует трудовые отношения в рамках цифровой экономики. Примером является статья 65.1 [5], которая определяет юридически значимыми сообщения для последствий лица, с момента доставки ему этого сообщения в части общения его с работодателем в условиях цифровых систем.

Кроме того, Минтруд разработал портал, который позволяет проверять содержание трудового договора на его соответствие нормы трудового законодательства [6]. При этом предусматривается возможность заключения дистанционных трудовых договоров через ГЭЦП электронный трудовой договор. В этой системе составляется текст трудового договора, который подписывается путём электронной подписи. Такой документ заверяют работники, имеющие доступ к документам этой системы, что обеспечивает определённую защиту прав и интересов как работника, так и работодателя.

Предоставляются Минтрудом и электронные услуги по проверке трудового договора на платформе «Работа в России», давая возможность оценивать законодательную состоятельность трудового договора, и, при наличии нарушения, сотрудник может обратиться в государственную трудовую инспекцию.

Таким образом, постепенно наблюдается адаптация действующего законодательства, регламентирующего трудовые взаимоотношения между работодателем и работником к цифровой действительности.

Рассматривая более подробно, стоит обратить внимание на статью 8.1 Трудового кодекса Российской Федерации [7], в которой определено новое понятие письменной формы документов, составляемой в электронной форме, которое предусматривает возможность использования электронной подписи. Кроме того, в документе представлена возможность использования электронного документооборота в оформлении трудовых взаимоотношений. Электронная подпись при этом классифицирована как простая усиленная неквалифицированная и квалифицированная.

Несмотря на формат заключения договора работодатель, согласно Трудового кодекса, должен ознакомить работника со всеми кадровыми документами под роспись, что также может производиться в электронном виде.

Отдельного рассмотрения требует вторая категория реализации трудовых взаимоотношений, которая представлена электронным документооборотом, а именно электронными трудовыми книжками.

Возможность фиксации трудовых отношений сотрудника и работодателя в электронном виде началась с декабря 2019 г., после чего в трудовой кодекс, а именно статью 66.1 вносились несколько раз изменения. Так, с 2020 г. в каждом случае работодатель обязан формировать информацию о трудовой деятельности и стаже в электронном виде. При этом необязательно использовать термин «электронная трудовая книжка», во многих она значится как система персонифицированного учёта.

В статье 66.1 ГК РФ уточняется, что посредством этой системы информация о работнике передается в пенсионные фонды, а также иные органы государственной власти, которые так или иначе задействованы в начислении пенсионного стажа сотруднику [8].

Таким образом, в настоящее время отсутствует законодательно установленный термин «электронная трудовая книжка», но, по сути, он представляет собой совокупность сведения о трудовой деятельности и стаже сотрудника, в том числе его переводах на постоянную работу, увольнениях, взысканиях и другой информации. Это файлы внутреннего обмена информации о сотрудниках, которые включают в себя информацию, согласно статье 66.1 Трудового кодекса. В их числе:

1. страховой номер индивидуального лицевого счёта сотрудника
2. фамилия, имя, отчество.
3. наименование работы и все сведения о работодателе
4. сведения о характере выполняем работы в периоде работы
5. информация о введении страхователем трудовой книжки.

Однако стоит отметить, что отсутствие обязанностей работодателя передавать информацию о всех награждениях и потерях работника является пробелом законодательства, поскольку не позволяет зачастую претендовать сотрудникам на более высокие должности.

Кроме того, работодатель обязан предоставлять информацию о работнике и его трудовой деятельности любым способом в период не позднее трёх рабочих дней со дня подачи заявления об увольнении или при прекращении трудового договора. При этом на работодателя возлагается материальная ответственность за незаконное лишение работника возможности трудиться [9].

Однако в настоящее время не урегулированным остается вопрос о предоставлении работодателем ошибочных данных. Если работник обнаружил неверную информацию о своей трудовой деятельности, представленную в ПФР посредством источников электронной связи, он должен обратиться с письменным заявлением сначала к работодателю, а тот должен выявленные ошибки устранить.

Однако сроки, в которые должны устраняться данные ошибки не прописаны. Поэтому статью также следует дополнить конкретизацией срока исправления ошибочной информации, передаваемой в ПФР, что позволит повысить качество статистического учёта и проведение проверочных мероприятий.

Очевидным пробелом законодательства является угроза возможности утечки персональных данных по трудовой деятельности сотрудников, поскольку в настоящее время электронной грамотностью обладают далеко не все сотрудники. Поэтому каждый работник должен иметь право выбора: оставлять себе бумажную трудовую книжку либо полностью переходить на электронную и уже самостоятельно решать для себя, каким образом он будет работодатель должен фиксировать его трудовые отношения.

В судебной практике в последние годы встречается множество спорных моментов, которые связаны с оформлением документов по трудовым отношениям в электронном виде. При этом единого мнения не выработано о допустимости использования электронных документов в кадровом делопроизводстве.

Так, примером является Решение № 2-625/2025 2-625/2025(2-7232/2024);~М-6669/2024 2-7232/2024 М-6669/2024 от 26 января 2025 г. по делу № 2-625/2025. В данном деле Истец, ФИО1, обратилась в суд с иском к АО «ТБанк» с просьбой установить факт трудовых отношений, взыскать компенсацию за неиспользованные дни отпуска и моральный вред. Она утверждала, что в период с указанной даты она работала в АО «ТБанк» в качестве менеджера по продажам банковских продуктов, выполняя свои обязанности дистанционно. Истец указала на регулярное обучение, контроль со стороны руководства, а также установленные рабочие часы и нормы по выполнению задач, что подтверждало наличие трудовых отношений [10].

Ответчик, АО «ТБанк», в своих возражениях отрицал наличие трудовых отношений, утверждая, что между сторонами был заключен договор возмездного оказания услуг, который был расторгнут.

Суд пришел к выводу, что наличие трудовых отношений между ФИО1 и АО «ТБанк» все же имело место. Суд отметил, что отсутствие оформленного трудового договора не исключает возможность признания отношений трудовыми, если работник выполнял свои обязанности, сотрудничая с работодателем. Было пояснено, что трудовой договор считается заключенным, если работник приступил к работе по поручению работодателя и под его контролем, что в данном случае и имело место.

Кроме того, именно на работодателя лежит обязанность доказывать отсутствие трудовых отношений. В связи с этим, было установлено наличие трудовых отношений между истцом и ответчиком и удовлетворены исковые требования ФИО1.

Рассмотренное решение показывает особенности трудовых отношений в дистанционном формате. При этом возникают вопросы, связанные с подписанием электронной подписи работниками. Так, зачастую работник подает иск против работодателя, настаивая на том, что он не подписывал документ электронной подписью либо подпись недействительна.

Примером является решение Кызылского городского суда Республики Тыва 11.10.2024 по делу № 2-5788/2024 [11] по иску о незаконном увольнении на основании якобы поддельных документов.

Согласно этого дела, менеджер банка был уволен в результате злоупотребления своими возможностями. Причина увольнения была обозначена согласно 81-й статье Трудового кодекса. При этом сотрудник пытался доказать, что документы, которые обуславливают возникновение его материальной ответственности и выполнение им правил трудового распорядка подделано, подпись получена обманным путём.

Однако работодатель предоставил все доказательства, что был использован сервис КЭДО, документ подписан усиленной неквалифицированной электронной подписью сотрудника, она соответствует действительности и является аналогом собственноручной подписи. Суд вынес решение в пользу банка.

Приведенные решения показывают, что работодатель при ведении цифровой документации трудовых отношений обязан обеспечить ей надежную защиту от возможных злоупотреблений со стороны работников. Электронная подпись, особенно усиленная, имеет юридическую силу и является доказательством в суде. Работников необходимо знакомить с последствиями использования электронной подписи.

Таким образом, решения судов являются прецедентами, которые формируют правоприменительную практику в сфере дистанционных трудовых отношений и подчеркивают необходимость соблюдения прав работников и работодателей в условиях цифровизации.

Однако законодательство нуждается в обновлении, поскольку имеющаяся судебная практика показывает много пробелов, которые снижают эффективность правового регулирования. Необходимо обновить правовую

базу в отношении процесса заключения трудового договора в формате онлайн, подписываемого электронной подписью. Кроме того, следует определить правовой статус электронной трудовой книжки.

Также целесообразно установить ответственность работодателей за своевременность и полноту обновления цифровой базы при составлении документации в электронном виде, и разработать стандарт по ведению электронного документооборота кадровой документа-

ции, в отношении фактов всех трудовых отношений с сотрудниками.

Все это будет содействовать созданию максимально комфортных условий для всех участников трудовых отношений в контексте развития технологического прогресса и цифровизации основных процессов, обеспечит защиту прав и интересов, как работников, так и работодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орехов С.Ю. Пространственная динамика развития зеленых зон города Калининграда // Тенденции и перспективы развития естественно-научных исследований в современных условиях: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию юбилею естественно-географического факультета, Карачаевск, 15 декабря 2023 года. — Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2023. — С. 159–167.
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»// <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-28072017-n-1632-r-ob-utverzhenii/>
4. Пучкова В.В. Правовое регулирование трудовых отношений в условиях формирования и развития цифровизации: проблемы и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-trudovyh-otnosheniy-v-usloviyah-formirovaniya-i-razvitiya-tsifrovizatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 22.09.2025).
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
6. Сагандыков М.С. Государственная политика в сфере правового регулирования труда в условиях цифровизации экономики// Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 1. — 2023. — С. 22–39.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
8. Трудовое право России: учебник / А. В. Гребенщиков, Н. И. Дивеева, Е. Н. Доброхотова и др.; под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова, В. А. Сафонова. — Москва: Проспект, 2021. — 672 с
9. Рыбаков М.С. Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности: основные тенденции развития законодательства. Молодой ученый. — 2023. — № 1 (148). — С.188–194
10. Решение № 2-625/2025 2-625/2025(2-7232/2024;)-М-6669/2024 2-7232/2024 М-6669/2024 от 26 января 2025 г. по делу № 2-625/2025// <https://sudact.ru/regular/doc/L5tLnJKpkV5m/>
11. Решение Кызылского городского суда Республики Тыва 11.10.2024 по делу № 2-5788/2024// <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kyzylskii-gorodskoi-sud-respublika-tyva/>

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВЛЕНИЕ СТАДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ИНДИИ

COMPARISON OF THE STAGES OF COMMITTING A CRIME IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND INDIA

**M. Rusyaeva
O. Barshova**

Summary. The article provides a comparative analysis of Russian and Indian legislation in terms of regulating the stages of committing a crime. The comparative legal method allows the authors to identify the features, advantages and disadvantages of each system. In identifying the phases of crimes, it is observed that the Indian criminal code and Russian criminal law share several characteristics. In both countries, the legislation adheres to a similar approach to defining the stages of a crime, highlighting preparation, attempt, and completed crime. However, there are nuances in determining what is considered preparation and attempt. The study found that in Russian criminal legislation, the institute of stages of committing crimes is developed more deeply and in more detail. But the Indian penal code places more emphasis on the analysis of the intention of the offender, while circumstances that prevented the completion of the crime are not taken into account.

Keywords: crime, stages of crime, intent, preparation for crime, attempted crime, completed crime, foreign criminal law.

Русяева Мария Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции
Средне-Волжский институт (Саранск)
marijaru@mail.ru

Баршова Оксана Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент,
Всероссийский государственный университет юстиции
Средне-Волжский институт (Саранск)
oxanabarshova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ российского и индийского законодательства в части регулирования стадий совершения преступления. Сравнительно-правовой метод позволяет авторам выявить особенности, преимущества и недостатки каждой из систем. Отмечается, что российское уголовное законодательство и индийский уголовный кодекс в отношении определения стадий преступлений имеют ряд общих черт. Так, в обеих странах законодательство придерживается схожего подхода к определению стадий преступления, выделяя подготовку, покушение и завершенное преступление. Однако, есть нюансы, в определении того, что считать подготовкой и покушением. В ходе исследования установлено, что в российском уголовном законодательстве институт стадий совершения преступлений проработан глубже и подробнее. Тем не менее, в уголовном кодексе Индии больше внимание уделяется анализу намерения преступника, при этом обстоятельства помешавшие завершить преступления во внимание не берутся.

Ключевые слова: преступление, стадии совершения преступления, намерение, приготовление к преступлению, покушение на преступление, оконченное преступление, зарубежное уголовное право.

В уголовном законодательстве существует большое количество понятий и терминов, которые используются участниками процесса при выполнении процессуальных действий. В уголовном праве ключевое значение имеет понятие преступления. Уголовный кодекс РФ в статье 14 устанавливает, что преступление «социально опасный поступок, совершенный по вине, запрещенный УК под угрозой наказания». Однако, может получиться так, что действие не доведено до завершения, или же, наоборот, начальное намерение так и не переросло в реальный поступок. В таком случае законодатель предусмотрел такое понятие как стадии преступления.

В настоящей статье анализируются этапы преступления, как они представлены в УК России и Индии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования борьбы

с преступностью в странах БРИКС, а также важностью изучения опыта друг друга для повышения эффективности уголовного правосудия.

Предметом исследования выступают нормы российского и зарубежного уголовного законодательства.

Объектом исследования являются стадии совершения преступления, как они представлены в УК России и Индии.

Повышенное внимание юристов к научным и прикладным исследованиям стадий преступления обусловлено множеством сложных и актуальных проблем, затрагивающих теорию уголовного права, нормативно-правовую базу и практику правоприменения.

Этапы преступлений исследуются с различных ракурсов: в диссертации Тедеева, К.Т. данный вопрос рас-

сматривается через призму уголовно-правового института неоконченного преступления [8], Майстренко Г.А. в своей статье указывает на несовершенство уголовного закона в отношении стадий совершения преступления [4], Именчукова И.Ю. акцентирует свое внимание на сущности понятия добровольного отказа от совершения преступления, его признаках и отличиях от деятельного раскаяния [3]. Также есть работы, посвященные сравнительному анализу российского и зарубежного опыта в отношении определений стадий преступления: так, например, Метлова, Л.А. исследует уголовное законодательство таких стран как ФРГ, Франции, Японии и КНР [5], Агасиев Э.Г. рассматривает УК США, КНР, Азербайджана, Таджикистана, Голландии [1]. Все вышеперечисленные работы показывают несомненный интерес к данной проблеме, в том числе и в русле сопоставительного анализа норм права зарубежных стран.

Этапы совершения преступления — это стадии, через которые преступление проходит в своем развитии от начала до конца. Иными словами, человек, приступая к реализации своего преступного замысла, сначала выполняет подготовительные действия и затем, если ему удастся довести задуманное до конца, возникают социально опасные последствия. В случаях, когда развитие преступления прерывается на одном из этапов до его полного завершения, такая ситуация определяется как незавершенная преступная деятельность. В науке уголовного права под стадиями совершения умышленного преступления принято понимать этапы осуществления умышленной преступной деятельности, различающиеся между собой по степени реализации объективной и субъективной сторон преступления [2, с. 85].

Законодатель в ст. ст. 29, 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) закрепляет три юридически значимых стадии совершения умышленного преступления: 1) приготовление к преступлению (ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 30); 2) покушение на преступление (ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 30); 3) оконченное преступление (ч. 1 ст. 29)[9].

Первые две стадии совершения преступления относятся к категории неоконченных, характеризующихся незавершенным исполнением противоправного деяния. Ключевое разграничение между оконченным и неоконченным преступлением базируется на двух взаимосвязанных критериях: объективном, отражающем незавершенность внешних действий или акта, и субъективном, представляющем неполное завершение противоправного замысла вследствие причин, не зависящих от воли правонарушителя. Концепция неоконченного преступления охватывает как этап предварительной подготовки, включающий действия для создания условий совершения преступления, так и частичное осуществление самого деяния, формирующего объективные признаки состава конкретного преступления, сопровождаемое

отсутствием наступления предполагаемого преступного результата. При этом стоит отметить, что разграничение стадий преступления целесообразно проводить лишь при наличии умысла, поскольку неосторожные действия до наступления последствий рассматриваются как нейтральные с точки зрения уголовного права.

Начальный этап любого преступления представляет собой подготовительный процесс, включающий создание условий, необходимых для его реализации. Он включает в себя приобретение орудий преступления, поиск сообщников, организацию преступной группировки, разработку детального плана действий, анализ возможных способов совершения преступления, наблюдение за будущими жертвами и другие меры.

После создания необходимых условий субъект переходит ко второму этапу, а именно, непосредственно к исполнению. Он совершает действия (бездействие), которые входят в объективные аспекты соответствующих составов преступления [3, с.170]. На данном этапе могут возникнуть обстоятельства, которые способны помешать реализации злого умысла в полном объеме. В отличие от стадии подготовки, где лицо исключительно формирует условия для совершения преступления, покушение уже подразумевает непосредственные действия, направленные на реализацию задуманного преступного деяния. Этот момент характеризуется переходом от создания предпосылок к активным попыткам воплотить свои преступные намерения в жизнь.

Последней стадией является завершение, то есть поведение лица содержит все признаки преступления, указанные в положениях Особенной части уголовного закона Российской Федерации [3, с.169]. Разница между покушением и преступлением заключается в том, что на этапе покушения отсутствуют уголовно значимые последствия, которые являются обязательными компонентами состава преступления. Деяние либо не доведено до конца, либо не выполнены все элементы, составляющие объективную сторону преступления.

Резюмируя вышесказанное следует отметить, что в УК РФ даются четкие определения всех трех стадий преступления, достаточно полно раскрывающих сущность понятий «оконченное преступление», «покушение» и «приготовление к преступлению».

Уголовное законодательство Индии основывается на англосаксонском праве, обладающим казуистичным и прецедентным характером. Современный уголовный кодекс Индии, по сути, заменен на три новых закона, которые вступили в силу 1 июля 2024 года: «Бхаратия Нагарик Суракша Санхита» (Bharatiya Nagarik Suraksha Sanhita), «Бхаратия Ньяя Санхита» (Bharatiya Nyaya Sanhita) и «Бхаратия Сакшья Адхиниям» (Bharatiya

Sakshya Adhinyam). Эти законы призваны заменить старый Уголовный кодекс Индии 1860 года.

Bharatiya Nagarik Suraksha Sanhita (BNSS):

Этот закон заменил Уголовно-процессуальный кодекс 1973 года и регулирует вопросы уголовного судопроизводства.

Bharatiya Nyaya Sanhita (BNS):

Этот закон заменил Уголовный кодекс Индии 1860 года, определяет преступления и устанавливает наказания.

Bharatiya Sakshya Adhinyam (BSA):

Этот закон регулирует вопросы доказательств в уголовном судопроизводстве [7].

Первой стадией нередко называют «mens rea». Уголовное право, лежащее в основе справедливого и честного общества, действует по принципу соразмерности, когда наказание соответствует тяжести преступления. Однако оценка тяжести преступления зависит не только от самого деяния, но и от психического состояния вовлеченного лица. Именно здесь латинская максима «actus non facit reum nisi mens sit rea» становится ключевой, означая, что «само деяние не делает человека виновным, если его разум не виновен». Этот основной принцип, известный как mens rea, составляет суть справедливой системы уголовного правосудия. Он гарантирует, что наказание не просто диктуется совершенным деянием, но также учитывает психическое состояние ответственного лица. То есть, важно, было ли намерение на совершение преступления. Намерение — это первая стадия совершения преступления. Уголовный кодекс Индии, так же, как и России, не принимает во внимание намерение, не сопровождаемое каким-либо действием. Очевидная причина не преследовать обвиняемого на этой стадии заключается в том, что обвинению очень сложно доказать виновность человека. На этой стадии человек принял решение фактически осуществить или выполнить свои преступные планы. Есть намерение причинить вред, но еще не предпринято никаких действий, которые бы демонстрировали намерение. Кроме того, нет способа доказать намерение, потому что невозможно прочитать человеческие мысли. Таким образом, это не считается преступлением. Например, намерение убить кого-либо само по себе не является преступлением. Однако это является неотъемлемым компонентом преступления, потому что без намерения причинить вред не может быть преступления. В юридической литературе Индии данный этап выделяется в отдельный.

Вторая стадия преступления — подготовка. Хотя данная стадия и не признается преступлением в Общем пра-

ве (Common law), однако в BNS есть несколько статей, которые криминализируют акт подготовки. Так, например, предусмотрена ст. 149: Сбор оружия с намерением вести войну против правительства Индии; ст. 310(4): Подготовка к совершению грабежей; ст. 310(5): Простое собрание с целью совершения грабежей; ст. 179, 180, 181 и 182: Изготовление, продажа или хранение инструментов для подделки монет или марок; и т. д.

Под подготовкой в BSA понимаются любые действия, связанные с намерением совершить преступление. Например, А судят за убийство В с помощью яда. Тот факт, что перед смертью В А раздобыл яд, аналогичный тому, который был введен В, имеет значение как доказательство подготовки. В дальнейшем эти действия нередко служат доказательством при определении вины в деле.

Покушение, критический этап в развитии преступления, означает действие преступника в целях реализации преступного намерения. Оно устраняет разрыв между намерением и завершенным преступлением. В Bharatiya Nyaya Sanhita, хотя и не содержится конкретной дефиниции «покушения», однако есть ст. 62 BNS устанавливающая наказание за попытку совершить преступления.

«Тот, кто пытается совершить преступление, наказуемое настоящей Санхитой пожизненным заключением или тюремным заключением, или спровоцировать совершение такого преступления, и при такой попытке совершает какие-либо действия, направленные на совершение преступления, должен быть наказан тюремным заключением любого вида, предусмотренного за преступление, на срок, который может составлять половину пожизненного заключения или, в зависимости от обстоятельств, половину самого длительного срока тюремного заключения, предусмотренного за это преступление, или штрафом, предусмотренным за преступление, или обоими» [10]. Исходя из вышесказанного следует, что наказуемым считаются только попытки совершить наиболее тяжкие преступления.

Чтобы наиболее четко разграничить понятие попытки и подготовки обратимся к судебной практике. В деле Гурбачан Сингх против штата Пенджаб обвиняемый был пойман при попытке проникнуть в жилище. При нем были найдены орудия для взлома. Суд постановил, что это являлось покушением, акцентируя внимание на действия обвиняемого, выходящие за рамки элементарной подготовки. Напротив, в деле Штат Западная Бенгалия против С. Н. Банерджи, где подсудимый выразил желание убить кого-то, при этом не сделав никаких конкретных шагов, это было сочтено подготовкой, а не покушением [10].

Таким образом, покушение как стадия преступления занимает важное место в индийском уголовном

праве. Раздел 62 BNS, судебные решения и прецедентное право дают четкие указания, что можно считать попыткой совершения преступления и какое наказание за него предусмотрено. Такой подход гарантирует, что лица с тщательно разработанным преступным умыслом и предпринимающие конкретные действия для его осуществления, будут привлечены к ответственности, что, в свою очередь, способствует общественной безопасности и сдерживает преступность.

Последний этап преступления — завершение преступления. Данному этапу дано достаточно размытое определение: «Если обвиняемый преуспеет в своей попытке, он совершит преступление и будет виновен в нем. Если он потерпит неудачу, ему будет предъявлено обвинение только в покушении. Если преступление будет завершено, преступник будет предан суду и наказан в соответствии с конкретными положениями, предусмотренными в Уголовном кодексе Индии» [10].

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы: отечественное уголовное законодательство довольно детально описывает каждую из стадий совершения преступления, однако, в отличие от уголовного кодекса Индии не выделяет «намерение» в отдель-

ный признак. Этап подготовки в Уголовном праве РФ описан подробнее, тогда как в Уголовном кодексе Индии он представлен отдельными статьями, касающимися лишь наиболее тяжких преступлений. Отечественный законодатель дает четкое указание, что именно считать покушением, а именно «покушением на совершение преступления считается умышленное действие (бездействие) лица, непосредственно направленное на совершение преступления». При этом учитывается факт незавершенности, в связи с независимыми от преступника обстоятельствами. В определении «покушения» уголовного кодекса Индии строчка об обстоятельствах, повлиявших на незаконченность преступления отсутствует. Однако, подчеркивается важность «намерения» и действия ведущие к осуществлению преступного замысла. Под окончанием преступления подразумеваются действия лица, содержащее все признаки преступления, закрепленные в Уголовном кодексе. Существенных расхождений по этой стадии преступления нет. Таким образом, сравнительно-правовой анализ показал схожесть подходов к определению стадий преступления и их дефиниций. Однако, в российском уголовном праве дается более детальное описание каждой из стадий без такой сильной привязки как в Индии к отдельным статьям уголовного кодекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агасиев Э.Г. К вопросу о криминализации приговорительных действий в уголовном законодательстве зарубежных стран (компаративистский анализ) // Пенитенциарная наука. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminalizatsii-prigotovitelnyh-deystviy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran-komparativistskiy-analiz> (дата обращения: 19.06.2025).
2. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография. — 4-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М., 2018. — 431 с.
3. Именчукова, И.Ю. Стадии совершения преступления в современном уголовном праве Российской Федерации / И.Ю. Именчукова // Теория права и межгосударственных отношений. — 2021. — Т. 2, № 7(19). — С. 166–171. — EDN NEHRQW.
4. Майстренко Г.А. Стадии совершения преступления: научные концепции и правовое регулирование // Образование и право. — 2020. — №10. — С. 300.
5. Метлова, Л.А. Стадии совершения преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран / Л.А. Метлова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2018. — № 2. — С. 29–32. — EDN FGHIQA.
6. Николаев К.Д. Понятие, признаки, виды и значение стадий совершения умышленного преступления // Сибирское юридическое обозрение. 2015. №3 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-vidy-i-znachenie-stadiy-sovsheniya-umyshlennogo-prestupleniya> (дата обращения: 19.06.2025).
7. Симов Д.С. Новый уголовный кодекс Индии (Bharatiya Nyaya (Second) Sanhita Bill 2023 (BNS2)): терминологический анализ и особенности перевода // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (101). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/novyy-ugolovnyj-kodeks-indii-bharatiya-nyaya-second-sanhita-bill-2023-bns2-terminologicheskij-analiz-i-osobennosti-perevoda.html> (Дата обращения: 20.06.2025)
8. Тедеев, К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тедеев Кахабер Тамазович, 2005. — 180 с. — EDN RKXHHW.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (в ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Stages of Crime in Criminal Laws — Mens Rea -Preparation-Attempt//Taxmann Laws of India. URL: <https://www.taxmann.com/post/blog/stages-of-crime-in-criminal-laws>

© Русыева Мария Михайловна (marijaru@mail.ru); Баршова Оксана Анатольевна (oxanabarshova@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

NORMAL DEVELOPMENT OF MINORS AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

**N. Uvarova
O. Zorina**

Summary. The article considers the issue of determining the object of a crime against minors under Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author justifies the conclusion that the main object of criminal legal protection of minors from criminal encroachments is public relations to ensure the normal development of minors. The article analyzes the multifaceted nature of development and the criterion of «normality,» as well as the strategically important importance of the normal development of minors from the point of view of the sustainable existence of the state.

Keywords: Minor, normal development, object of criminal law protection, physical development, spiritual and moral development.

Уварова Наталья Владимировна

Кандидат юридических наук,
Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И.Ф. Шилова (Хабаровск)
skorra@mail.ru

Зорина Олеся Романовна

Адъюнкт, Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И.Ф. Шилова (Хабаровск)
zorina.o.r@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения объекта преступления против несовершеннолетних, предусмотренных главой 20 Уголовного кодекса РФ. Автор обосновывает вывод о том, что основным объектом уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от преступных посягательств выступают общественные отношения по обеспечению нормального развития несовершеннолетних. В статье проанализирована многогранная природа развития и критерия «нормальности», а также подчеркнута стратегически важное значение нормального развития несовершеннолетних с точки зрения устойчивого существования государства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, нормальное развитие, объект уголовно-правовой охраны, физическое развитие, духовно-нравственное развитие.

Каждое государство, заинтересованное в долгосрочном и стабильном существовании, уделяет особое внимание стратегически важным группам населения. Одной из таких групп являются молодежь — как важнейший ресурс национальной безопасности и социально-экономического развития страны. Именно молодое поколение имеет определяющее значение в демографической, инновационной, экономической и культурной устойчивости государства.

В.Ф. Белов отмечал: «все, что представляет угрозу для несовершеннолетних, представляет угрозу для будущего всего общества» [1, с. 52–53].

Учитывая долгосрочные государственные цели, важным является правильное формирование личности и воспитание подрастающего поколения, так как именно в юном (несовершеннолетнем) возрасте происходит первичная социализация личности, формирование и развитие основных физиологических, нравственных, эмоциональных, когнитивных и социальных компонентов человека.

Несовершеннолетнее лицо как социально уязвимая группа требует повышенного внимания со стороны об-

щества и государства. Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения [2].

Российская Федерация признает детство важным этапом развития человека и исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [3]. Одним из факторов негативного влияния на развитие ребенка в настоящее время является совершение преступлений в отношении детей.

Преступления против семьи и несовершеннолетних расположены в первом разделе особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что свидетельствует о высоко охраняемом положении объектов главы 20 УК РФ. Принимая во внимание данный факт и санкции, предусмотренные за совершение такого рода преступлений, не вызывает сомнений, что преступления, предусмотренные главой 20 УК РФ, обладают высокой степенью общественной опасности.

Опираясь на значимость охраны детства в долгосрочной государственной перспективе, основным объектом защиты от преступных деяний, предусмотренных главой 20 УК РФ выступают — общественные отношения по охране интересов нормального развития несовершеннолетних.

Понятие «нормальное развитие несовершеннолетних» является собирательными и аккумулирует имеющиеся точки зрения в исследованиях в данной области научных интересов. Так, Н.И. Трофимов полагал, что объектом рассматриваемых преступлений является нормальное духовное и физическое развитие несовершеннолетних [4, с. 40]; А.Г. Кибальник и И.Г. Соломенко отмечали, что объектом преступлений против семьи и несовершеннолетних принято считать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности [5, с. 228; 6. С. 123]; Г.Л. Касторский определяет в качестве объекта защиты — социализацию подростка [7, с. 123]; ряд авторов относит к объекту преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, общественные отношения, обеспечивающие как нормальное физическое, нравственное и социальное развитие несовершеннолетнего, реализацию его личных прав, так и законных интересов семьи [8, с. 43].

В Конвенции о правах ребенка упоминаются также отличные от ранее обозначенных виды функционального развития несовершеннолетнего, например, гармоничное, здоровое, психологическое, социальное развитие.

Многообразие точек зрения в доктринальной литературе и нормативных источниках содержательно объекта защиты от преступных посягательств против семьи и несовершеннолетних сводится именно к ранее обозначенному понятию — «нормальное развитие несовершеннолетних», которое, по нашему мнению, является наиболее полным и объединяющим.

Согласно толкового словаря Ожегова, развитием признается — процесс закономерного перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему [9, с. 634].

Развитие по своей природе является многогранным понятием, включающим множество классификаций и видов по различным основаниям. В контексте качественного направленного процесса применительно к несовершеннолетнему возрасту в первую очередь интересуют такие группы развития, как физическое и духовно-нравственное, умственное.

Физическое развитие — это совокупность морфологических и функциональных свойств организма, которые определяют запас физических сил и работоспособность человека на определенном этапе жизни [10, с. 9].

Оценка физического развития человека происходит при помощи сбора данных путем измерений человека (антропометрические данные), которые в свою очередь делятся на три основные группы:

- соматометрические показатели (измерение длины тела в различных положениях, масса тела, окружность головы, грудной клетки, конечностей и т.д.);
- соматоскопические показатели (оценка строения тела и общего самочувствия по внешним признакам, например, состояние наружных покровов, степень ожирения, степень развития мускулатуры и т.д.);
- физиометрические показатели (изучение функций организма, например, жизненная емкость легких, частота сердечных сокращений, ручная и становая сила и т.д.).

Важнейшей составляющей физического развития является психомоторное развитие, под которым понимается процесс формирования и совершенствования у человека взаимосвязи между психикой и двигательной активностью. Оно отражает уровень сформированной двигательной активности, координации, моторики в связи с развитием нервной системы и познавательных функций.

Духовно-нравственное, умственное развитие человека является сложной для оценки категорией, так как является объектом изучения многих сфер общественных отношений, в каждой из которых определение приобретает отличительные признаки.

Духовно-нравственное воспитание — возвращение человека, учитывающее все три сферы бытия его личности (духовную, душевную, физическую). Определяемое, как помощь в питании всех составляющих сторон личности, воспитание предполагает воздействие социально-культурными особенностями на телесную, душевную и духовную сферу бытия человека [11, с. 7].

Умственное (интеллектуальное) развитие — процесс формирования и совершенствования познавательных способностей личности, когнитивных навыков, необходимых для освоения социального опыта.

Несмотря на отдельное рассмотрение друга от друга физического и духовного воспитания, важным остается их взаимосвязанное накопление и применение.

Как отмечал, П.А. Путилов: «Интеллектуально развитый человек, должен иметь свою нравственную сущность. Как он использует полученные знания, во вред или на благо людям, в этом уже проявляется его нравственные качества» [12, с. 54].

Одним из самых сложных и ключевых определений в качестве объекта преступлений против несовершеннолетних является критерий «нормальности» развития несовершеннолетних. Важным является тот факт, что данная дефиниция применяется не относительно какой-либо одной из сторон развития (физического, духовно-нравственного и т.д.), а сразу к совокупности всех форм развития несовершеннолетнего. Так как преступные посяательства, воздействующие на несовершеннолетних, не нарушают только одну или несколько форм развития ребенка, происходит комплексное отрицательное изменение развития несовершеннолетнего, которое в результате становится отклоняющимся относительно критерия «нормальности». Важным дополнением является обращение внимание на возвратный период несовершеннолетнего, которому применена или была

угроза применения преступного воздействия, нарушающего его нормальное развитие, так как для каждого возрастного периода с точки зрения педагогики, медицины, психологии имеются свои критерии определения соответствия норме развития.

С учетом рассмотренных положений, считаем, что объектом уголовно-правовой защиты преступлений против несовершеннолетних выступают общественные отношения по обеспечению нормального развития несовершеннолетних, под которым понимается процесс формирования совокупности физических и духовных качеств человека, необходимых для социальной адаптации личности в соответствии с возрастными критериями и установленными общепризнанными стандартами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних: В аспектах de lege lata и de lege ferenda. М.: Юрид.бюро КонсультЮрСервис. 2002. 79 с.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения 23.09.2025).
3. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», 22.05.2023, № 21, Ст. 3696.
4. Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. Наук. — Иркутск, 1979. — 422 с.
5. Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. Лекции по уголовному праву. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. 524 с.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Ревина. — М.: Юрит.лит., 2000. 813 с.
7. Касторский Г.Л. предупреждение преступлений посредством воздействия на семью (По материалам Санкт-Петербургского региона): дис. ... канд. юрид. наук. — СПб, 1995. 176 с.
8. Баринов, С.В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» / С.В. Баринов. — Москва: ЮрЭксПрактик, 2024. 200 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — 9-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. 847 с.
10. Пашин А.А. Мониторинг физического развития, физической и функциональной подготовленности учащейся молодежи: учеб. пособие / ред. А.А. Пашин, Н.В. Анисимов, О.Н. Опарина. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. 142 с.
11. Кузьмина Н.А. Модель реализации духовно-нравственного воспитания в дошкольном образовательном учреждении. — Смоленск: Свиток, 2020. 240 с.
12. Путилов П.А. нормальное развитие несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны. Дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 1999. 184 с.

© Уварова Наталья Владимировна (skorra@mail.ru); Зорина Олеся Романовна (zorina.o.r@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МРІА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Чжао Жуньфэн

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Москва
runfengzhao1864@gmail.com

MPIA AS A TOOL TO ENSURE THE STABILITY OF INTERNATIONAL TRADE LAW IN AN ERA OF ECONOMIC UNCERTAINTY

Zhao Runfeng

Summary. The article analyzes the role of the Multilateral Temporary Appellate Arbitration System (MPIA), established in 2020, as a key tool for ensuring the stability of international trade law in a crisis of the Appellate Body (AO) of the World Trade Organization (WTO). The crisis that began in 2019 due to the US blocking the appointment of new arbitrators has paralyzed AO, threatening the multilateral trading system (MTS) and increasing economic uncertainty. Based on WTO regulations, scientific publications, and case analysis (DS611, DS591), the institutional features of the MPIA are considered, including its functioning based on article 25 of the DSU, inclusivity, and a pool of 10 arbitrators. The effectiveness of the MPIA in maintaining a two-stage dispute resolution system, ensuring binding decisions and preventing the escalation of trade conflicts is assessed. Particular attention is paid to the limitations of MPIA, such as the lack of participation of large economies (USA, India), the temporary nature of the system and the dependence on the cooperation of the parties. The importance of MPIA is emphasized in the context of geopolitical and economic challenges, including protectionism and the growth of regional trade agreements. For Russia, participation in the MPIA is seen as a strategic opportunity to protect interests in the face of sanctions and global trade challenges. MPIA's success is related to its ability to attract new participants and adapt to the dynamics of global trade, which makes it not only a technical but also a political tool for maintaining the stability of MTS.

Keywords: MPIA, WTO, appellate body, dispute settlement, multilateral trading system, economic uncertainty, international trade law.

Аннотация. Статья анализирует роль Многосторонней временной апелляционной арбитражной системы (МРІА), созданной в 2020 году, как ключевого инструмента обеспечения стабильности международного торгового права в условиях кризиса Апелляционного органа (АО) Всемирной торговой организации (ВТО). Кризис, начавшийся в 2019 году из-за блокировки США назначения новых арбитров, парализовал АО, угрожая многосторонней торговой системе (МТС) и усиливая экономическую неопределенность. На основе нормативных документов ВТО, научных публикаций и анализа кейсов (DS611, DS591) рассматриваются институциональные особенности МРІА, включая ее функционирование на основе статьи 25 ДСУ, инклюзивность и пул из 10 арбитров. Оценивается эффективность МРІА в сохранении двухступенчатой системы урегулирования споров, обеспечении обязательности решений и предотвращении эскалации торговых конфликтов. Особое внимание уделяется ограничениям МРІА, таким как отсутствие участия крупных экономик (США, Индия), временный характер системы и зависимость от сотрудничества сторон. Подчеркивается значимость МРІА в условиях геополитических и экономических вызовов, включая протекционизм и рост региональных торговых соглашений. Для России участие в МРІА рассматривается как стратегическая возможность защиты интересов в условиях санкций и глобальных торговых вызовов. Успех МРІА связан с ее способностью привлекать новых участников и адаптироваться к динамике мировой торговли, что делает ее не только техническим, но и политическим инструментом сохранения стабильности МТС.

Ключевые слова: МРІА, ВТО, апелляционный орган, урегулирование споров, многосторонняя торговая система, экономическая неопределенность, международное торговое право.

Введение

Всемирная торговая организация (ВТО) на протяжении десятилетий выступает ключевым институтом, обеспечивающим стабильность и предсказуемость международной торговли. Однако с 2019 года система урегулирования споров ВТО столкнулась с серьезным кризисом из-за блокировки Соединенными Штатами назначения новых членов Апелляционного органа (АО), что привело к его фактической нефункциональности. Этот кризис угрожает основам многосторонней торго-

вой системы (МТС), снижая доверие к международным торговым правилам и усиливая экономическую неопределенность. В ответ на эту проблему в 2020 году была создана Многосторонняя временная апелляционная арбитражная система (МРІА), которая стала альтернативным механизмом для разрешения торговых споров между странами-участницами. МРІА представляет собой уникальный инструмент, призванный сохранить двухступенчатую систему урегулирования споров, включая независимую апелляционную стадию, в условиях паралича Апелляционного органа.

Материалы и методы исследований

Для изучения роли MPIA в обеспечении стабильности международного торгового права использовались нормативные документы ВТО, включая Положение об урегулировании споров (DSU) и уведомления стран-участниц MPIA. Анализировались структура и процедуры MPIA, описанные на сайте ВТО и в публикациях. Исследованы работы Калачигина Г.М. о кризисе АО и сравнительный анализ институциональных и изолированных арбитражей Демирчяна В.В. и Новиковой Т.В. Оценены кейсы применения MPIA, включая спор ЕС и Китая (DS611) Применены системный подход для анализа влияния MPIA на МТС и контент-анализ новостей для выявления тенденций. Геополитические факторы и позиции США и России рассмотрены на основе работ Загавшили В.С.

Результаты и обсуждения

Кризис Апелляционного органа ВТО, начавшийся в декабре 2019 года, стал результатом последовательной блокировки США назначения новых арбитров, что привело к отсутствию кворума и параличу органа. Основные претензии США к АО связаны с перерасширением полномочий органа, созданием прецедентов, не предусмотренных соглашениями ВТО, и процедурными проблемами, такими как несвоевременное рассмотрение дел [1]. Этот кризис подорвал доверие к системе урегулирования споров, позволив странам злоупотреблять ситуацией путем подачи апелляций «в никуда», что фактически замораживает споры [4, с. 238–242]. Такое поведение особенно заметно в делах, где страны, не входящие в MPIA, используют апелляции для затягивания процесса, что усиливает неопределенность в торговых отношениях и подрывает предсказуемость МТС. В ответ на это 47 стран ВТО, включая ЕС, Китай, Канаду и Австралию, учредили MPIA в апреле 2020 года, чтобы обеспечить продолжение двухступенчатого процесса урегулирования споров [5]. К октябрю 2025 года к MPIA присоединились 57 стран, что составляет 57,6 % мировой торговли, включая такие страны, как Великобритания, Малайзия и Парагвай [1]. Это расширение демонстрирует растущую поддержку MPIA как жизнеспособного инструмента, хотя отсутствие ключевых игроков, таких как США, ограничивает ее глобальное влияние [2, с. 46].

MPIA функционирует на основе статьи 25 DSU, которая позволяет использовать арбитраж как альтернативный механизм разрешения споров. Система воспроизводит ключевые аспекты апелляционного процесса ВТО, включая независимость и беспристрастность арбитров, но вводит улучшения в эффективности процедур [7]. Например, MPIA предусматривает создание пула из 10 постоянных арбитров, что ускоряет процесс рассмотрения дел [5]. Этот пул, обновленный в мае 2025 года, включает высококвалифицированных специалистов, та-

ких как Пенелопа Райдинг и Клаудия Ороско, что повышает доверие к качеству арбитражных решений. Важной особенностью MPIA является ее инклюзивность: любая страна-член ВТО может присоединиться к соглашению, уведомив об этом Орган по разрешению споров (DSB). Это делает MPIA гибким инструментом, способным адаптироваться к меняющимся условиям глобальной торговли. Гибкость проявляется и в возможности сторон корректировать процедуры, как это было сделано в спорах DS524 и DS591, где сроки предоставления отчетов панели были оптимизированы для ускорения работы арбитров [1].

Практическое применение MPIA демонстрирует ее потенциал как стабилизирующего механизма. Например, в споре между ЕС и Китаем (DS611) стороны уведомили DSB о намерении использовать MPIA для апелляционного рассмотрения, выбрав арбитров из пула MPIA [7]. Другой пример — спор по антидемпинговым пошлинам Колумбии на замороженный картофель из Бельгии, Германии и Нидерландов (DS591), где процедуры MPIA были успешно применены. В этом случае арбитры рассмотрели вопросы, связанные со стандартом обзора по статье 17.6(ii) DSU, что вызвало дискуссии о возможной интерпретационной активности, однако решение было признано обязательным и соответствующим принципам ВТО. Эти случаи показывают, что MPIA способна эффективно заменять АО в условиях его нефункциональности, сохраняя обязательный характер решений и обеспечивая их исполнение в соответствии со статьями 21 и 22 DSU [1]. Кроме того, MPIA позволяет сторонам спора заранее согласовывать процедуры, что минимизирует риск процессуальных споров и повышает прозрачность [3, с. 292].

Однако MPIA имеет свои ограничения. Во-первых, она охватывает только страны-участницы, что исключает крупные экономики, такие как США и Индия, из ее юрисдикции. Это снижает универсальность механизма и создает риск фрагментации МТС. Например, споры с участием США, такие как DS583 (Турция — фармацевтические продукты), решались через отдельные арбитражные соглашения по статье 25 DSU, но без полного соответствия принципам MPIA, что подчеркивает ограничения системы. Во-вторых, MPIA является временным решением, и ее существование зависит от восстановления АО. Как отметил тогдашний комиссар по торговле ЕС Фил Хоган, MPIA — это «временная мера» для преодоления паралича АО, и страны-участницы продолжают работать над его реформированием [8]. Попытки реформирования, включая переговоры под руководством Дэвида Уокера, пока не привели к прорыву, и ожидания решения остаются сдержанными [4, с. 243]. В-третьих, эффективность MPIA зависит от сотрудничества сторон, что сближает ее с изолированным (*ad hoc*) арбитражем, где отсутствие взаимодействия может затруднить про-

цесс [9]. В отличие от институционального арбитража, где процедуры строго регламентированы, MPIA требует активного взаимодействия сторон, что может быть проблематичным в спорах с высоким уровнем политической напряженности [3, с. 295]. Несмотря на эти ограничения, MPIA способствует поддержанию доверия к правилам ВТО, предотвращая полный коллапс системы урегулирования споров.

В контексте экономической неопределенности, вызванной геополитическими конфликтами, протекционизмом и глобальными экономическими кризисами, MPIA играет ключевую роль в обеспечении стабильности. Она позволяет странам-участницам продолжать использовать обязательные процедуры разрешения споров, что снижает риск эскалации торговых войн. Например, Россия, как член ВТО, заинтересована в восстановлении работы АО для завершения громких споров, таких как дело об энергетических корректировках с ЕС [4, с. 250]. Однако участие России в MPIA могло бы стать альтернативным способом защиты ее интересов, особенно в условиях санкций и ограниченного доступа к традиционным механизмам ВТО [10]. Участие России в MPIA могло бы также усилить ее позицию в переговорах по новым торговым соглашениям, особенно в условиях роста региональных торговых блоков, таких как ЕАЭС [2, с. 45–47].

Геополитический контекст также подчеркивает значимость MPIA. Смещение баланса сил в мировом порядке и рост региональных торговых соглашений создают вызовы для многосторонней системы. MPIA, будучи плюрилатеральной инициативой, демонстрирует способность стран объединяться для решения глобальных проблем, несмотря на отсутствие консенсуса в ВТО. Это

делает MPIA не только техническим инструментом, но и политическим сигналом о приверженности правилам международной торговли. В условиях усиления протекционизма и торговых войн, таких как между США и Китаем, MPIA предоставляет странам-участницам возможность поддерживать стабильность торговых отношений, минимизируя зависимость от политически мотивированных решений крупных игроков [6, с. 19].

Выводы

Таким образом, многосторонняя временная апелляционная арбитражная система (MPIA) является важным инструментом для поддержания стабильности международного торгового права в условиях кризиса Апелляционного органа ВТО. Она обеспечивает сохранение двухступенчатой системы урегулирования споров, воспроизводя ключевые принципы независимости и беспристрастности, при этом повышая эффективность процедур. Практическое применение MPIA в таких делах, как DS611 и DS591, демонстрирует ее способность эффективно замещать АО, обеспечивая обязательность решений и их исполнение. Однако ограниченный охват странами-участницами и временный характер системы подчеркивают необходимость реформирования ВТО для восстановления полноценной работы АО. В эпоху экономической неопределенности MPIA играет стабилизирующую роль, предотвращая фрагментацию МТС и поддерживая доверие к международным торговым правилам. Для стран, таких как Россия, участие в MPIA может стать стратегическим шагом для защиты национальных интересов в условиях глобальных торговых вызовов. В перспективе успех MPIA будет зависеть от ее способности привлекать новых участников и адаптироваться к изменяющимся условиям мировой торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA). — URL: https://wtotlurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (дата обращения: 02.10.2025).
2. Загавшили В.С. Торговые войны и санкции в глобальной экономике: вызовы для России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №9.
3. Демирчян В.В., Новикова Т.В. Институциональные и изолированные международные коммерческие арбитражи: обзор практики и сравнительная характеристика // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2018. Т. 4 (70). №4.
4. Калачигин Г.М. Коллапс апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2021. №3.
5. Временная апелляция по спорам ВТО вступает в силу // *EU Reporter*. 2020. — URL: <https://ru.eureporter.co/frontpage/2020/05/01/interim-appeal-arrangement-for-wto-disputes-becomes-effective/> (дата обращения: 02.10.2025).
6. Боклан Д.С., Бахри А. Коллапс судебного и законодательного крыла ВТО: консенсус как настоящий слон в комнате? // *Global Trade and Customs Journal*. 2022. Т. 17 (2).
7. Baroncini E. «Saving the Right to Appeal at the WTO: The EU and the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement». *Federalismi*. it. 2020 No. 22.
8. Vidigal G. «Living Without the Appellate Body: Multilateral, Bilateral and Plurilateral Solutions to the WTO Dispute Settlement Crisis». *Journal of World Investment & Trade*. 2019 Vol. 20 P. 862–890.
9. Казимиров М.С. Всемирная торговая организация: есть ли перспектива прореформенного развития? / М.С. Казимиров // *Экономика. Право. Общество*. — 2024. — Т. 9, № 3(39). — С. 105–111. — DOI 10.21686/2411-118X-2024-3-105-111. — EDN IDDJNC.
10. Кириленко В.П., Мишалыченко Ю.В., Щепова А.Н. Международные правовые и экономические аспекты разрешения споров в рамках ВТО в условиях международной интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. №2 (36).

© Чжао Жуньфэн (runfengzhao1864@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КАК ПУБЛИЧНОГО ИНСТИТУТА

THE DIALECTICS OF PUBLIC CONTROL AS A PUBLIC INSTITUTION

**E. Shabalina
B. Kireev**

Summary. The article explores the dialectics of public control as a public institution. The authors consistently argue that the dialectics of public control as a public institution are determined by the basic principles of dialectics as a method of scientific knowledge of the surrounding world, and in our case, legal reality, emphasizing that public control is aimed at improving the quality of state control and supervision activities as a means of improving the functioning of the state apparatus. Additionally, the authors emphasize that the category of «public institution» is widely used, but there is a lack of a coherent and logical theoretical and legal framework for public institutions in the theory of state and law.

Keywords: public control, dialectics, public institution, principles of dialectics, connection, relationship, interaction, development, causality, expediency, and regularity.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Киреев Богдан Валерьевич

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
bog999-98@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется диалектика общественного контроля как публичного института. Последовательно обосновывается позиция авторов о том, что диалектика общественного контроля как публичного института определяется основными принципами диалектики как метода научного познания окружающего мира, а в нашем случае правовой реальности, подчеркивающего, что общественный контроль направлен на усиление качества государственной контрольно-надзорной деятельности, как средство качественного улучшения функционирования государственного аппарата. Кроме того, авторы подчеркивают, что категория «публичный институт» используется повсеместно, однако в теории государства и права отсутствует стройная и логичная теоретико-правовая конструкция публичного института.

Ключевые слова: общественный контроль, диалектика, публичный институт, принципы диалектики, связь, отношение, взаимодействие, развитие, причинность, целесообразность, закономерность.

Общественный контроль как публичный институт имеет длительную историю существования в российском государстве. Диалектика общественного контроля как публичного института объективируется в основных принципах диалектики.

В теории учений о праве категория «институт права» рассматривается в блоке «система права». Однако категория «публичный институт» связывается с разделом государство, а именно с институтами публичной власти. Категория «публичный институт» используется повсеместно, однако в теории государства и права отсутствует стройная и логичная теоретико-правовая конструкция публичного института.

Категория «публичный институт» имеет в своём составе нормативный и институциональный компоненты. Нормативный компонент представлен совокупностью юридических норм, регулирующих определённый (в зависимости от функционального субъекта) предназначенный вид общественных отношений, т.е. относительно са-

мостоятельно функционирующую систему в публичном пространстве.

Институциональный компонент представлен особым субъектным составом: органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Учитывая изложенное, считаем, что категория «публичный институт» представляет собой комплексное государственно-правовое явление, имеющее в своём составе нормативный и институциональный компоненты, связанное с функционированием всего социума, отдельных социальных групп и индивидов (субъектов) в работе и реализации государственной политики.

Исходя из смысла общественного контроля, он осуществлялся гражданами непосредственно не связанными трудовыми функциями с государственным аппаратом, т.е. общественный контроль осуществляется параллельно с государственным контролем и сопутствует его работе. Законодательно общественный контроль

определяется как деятельность субъектов общественно-го контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [2].

Общественный контроль как публичный институт основывается на следующих принципах диалектики как способа научного познания окружающей действительности:

1. *Понятие связи и отношение.* Следует отметить, что существующая реальность общественного контроля проявляется в совокупности субъектов и объектов контрольной деятельности, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Так, например, в Конституциях СССР 1936 г. указывалось, что индивидуальное участие граждан в общественном контроле основывалась на конституционном определении принадлежности власти народу [3, 4], реализовывалось путем обсуждения вопросов, подлежащих общественному контролю, определялось статусом: нештатный инспектор, инструктор или член общественной организации. В современной действительности общественный контроль имеет возможность к существованию на основании Конституции РФ, в соответствии с которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [1], а детализацию получает в федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2]. Связь субъекта и объекта — это общее выражение зависимости между ними, отражение взаимообусловленности существования и развития, а отношение — это одна из форм всеобщей взаимосвязи [5, С. 154–155].
2. *Понятие взаимодействия.* Взаимодействие универсально и именно эта характеристика обеспечивает взаимную связь всех структурных уровней общественного контроля, обеспечивая в т.ч. материальное единство правового пространства. Гетерогенность взаимодействия обуславливает многообразие форм общественного контроля, при этом в профильном федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» присутствует дуальность восприятия форм общественного контроля: как принцип и как конкретная форма, имеющая свое специфическое содержание [2]. Взаимодействие с позиции общественного контроля всегда осуществляется в социальной среде, как определенной замкнутой об-

щественной системе (государстве), что позволяет оптимизировать процессы взаимодействия, используя различный исторический опыт с учетом политико-правовой реальности.

3. *Развитие.* Развитие как принцип познания общественного контроля как публичного института отражает необратимое, направленное и закономерное изменение объектов общественного контроля, завершающегося возникновением нового качества. Необратимое изменение общественного контроля предполагает, что в процессе развития невозможен возврат к уже пройденным состояниям. Историческим подтверждением данного положения является следующее обстоятельство: участие представителей общественности в составе отдельных коллегиальных органов государственной власти в качестве членов с правом решающего голоса. В качестве примера приведем Комиссию государственного контроля Совета Министров СССР, в нее входили представители всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и центрального комитета всесоюзного ленинского комсомола (ЦК ВЛКСМ) — по одному представителю [6]. Направленное изменение общественного контроля означает, что в процессе развития этого публичного института накапливаются однородные качественные изменения, определяемые типом взаимодействия объектов и субъектов контроля, обеспечивающие явление общественного контроля в правовом пространстве. Логическим завершением этого процесса становится выявление коллизий и пробелов, регламентирующих правоотношения общественного контроля. Закономерность изменения общественного контроля показывает, что в основе развития контроля как публичного института лежат события, проистекающие из самой сути общественного контроля, связанные с взаимодействием общественного контроля с другими правовыми явлениями. Отмеченные позиции приводят к появлению нового качества контроля, например к доступности информации об общественном контроле [2]. Следовательно, развитие общественного контроля выражается в его поступательном развитии, т.е. как процесс, приближающий государство к его правовому идеалу.
4. *Принцип причинности и объективная целесообразность.* Причина и следствие в общественном контроле возникают как симбиоз принципов всеобщей связи и развития. Причинность — это один из основных видов связи, в которой одно явление порождает другое (следствие). Новые качества общественного контроля имеют свою причину и следствие. В качестве примера приведем возложение на профсоюзы руководство государственным социальным страхованием, что повлекло

за собой ликвидацию Наркомата труда СССР — слить Народный комиссариат труда Союза ССР со всеми его местными органами, включая и органы социального страхования, с аппаратом Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов в центре и на местах, возложив на ВЦСПС выполнение обязанностей Народного комиссариата труда и его органов [7]. Таким образом, существенной характеристикой является непрерывность действия причинно-следственных связей.

5. *Принцип системности.* Системность в общественном контроле как публичном институте проявляется в коррелятивных, пространственных и функциональных связях. Системность ориентирована на стабильность и устойчивость, а также гармоничное соответствие в явлениях правовой действительности. Так, в СССР общественный контроль за деятельностью некоторых правоохранительных органов осуществлялся уполномоченными органами, в том числе комсомольскими и партийными, в состав которых зачастую входили в том числе сотрудники милиции, что приводило к таким результатам проверок, которые могли быть в некоторой степени необъективными [8].

Характер связи, существующей между элементами, определяет структуру общественного контроля, как совокупность связи элементов в составе системы, устанавливающей ее качественную специфику. Контроль — это не чрезвычайная мера, а неотъемлемая часть орга-

низаторской работы, составными элементами которой являлись выработка и принятие правильных решений, практическая организация дела, проверка исполнения решений [9, С. 7–10].

6. *Закон и закономерность.* При количественном изменении условий, в которых действует нормативное обеспечение общественного контроля эти условия сохраняются, но изменяется ситуация их действия. Чем больше условий применения правового регулятора, тем более общим он является. Примером является предмет регулирования, установленный в федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и там же установленная правовая основа общественного контроля [2].

Диалектика общественного контроля как публичного института определяется основными принципами диалектики как метода научного познания окружающего мира, а в нашем случае правовой реальности, подчеркивающего, что общественный контроль направлен на усиление качества государственной контрольно-надзорной деятельности, как средство качественного улучшения функционирования государственного аппарата, в рамках соблюдения режима законности и общественного порядка, через укрепление дисциплины и повседневный контроль за деятельностью всех звеньев аппарата управления и проверку исполнения решений и законов, путем повышения ответственности каждого работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4213.
3. Конституция (основной закон) 1936 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. — 1936. — 6 декабря. — № 283.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.
5. Спиркин А.Г. Основы философии: учеб. пособие для вузов. — Москва: Политиздат, 1988. — С. 592.
6. Об утверждении Положения о Комиссии государственного контроля Совета Министров СССР (Госконтроле СССР) и Структуры этой Комиссии: Постановление Совмина СССР от 16.10.1961 № 946 // СП СССР. — 1961. — № 16. — Ст. 128.
7. Об объединении Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов: Постановление ЦИК Совета Народных Комиссаров СССР и Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов от 23.06.1933.
8. Тарасова М.И., Смирнов И.С. История создания общественных наблюдательных комиссий // История и современное мировоззрение. — 2020. — Т. 2. — №3. — С. 71–78.
9. Государственный и общественный контроль в СССР [Текст] / Под ред. В.И. Туровцева. — Москва: Наука, 1970. — 332 с.

© Шабалина Евгения Ивановна (evish13@yandex.ru); Киреев Богдан Валерьевич (bog999-98@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

SOCIAL CULTURE: THEORETICAL UNDERSTANDING AND STRUCTURAL FEATURES

**V. Skopa
N. Serova
D. Pilipenko**

Summary. The theoretical conceptualization of social culture is a multi-level process of interpreting complex anthroposocial mechanisms of interaction. Social culture acts as a dynamic matrix where individual meanings and collective practices are intertwined, forming a unique sociocultural landscape. It is this landscape that represents a multifaceted, dynamic system of social connections that transforms and supports social interaction through a variety of mechanisms. This complex organism functions through subtle instruments: normative self-regulation, axiological synchronization and sign-symbolic dialogue, continuously reproducing and qualitatively enriching the forms of human interaction.

Keywords: culture, civilization, philosophy, social institutions, man.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Серова Наталья Степановна

кандидат философских наук,
Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)

Пилипенко Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)

Аннотация. Теоретическая концептуализация социальной культуры представляет собой многоуровневый процесс интерпретации сложных антропосоциальных механизмов взаимодействия. Социальная культура выступает динамической матрицей, где переплетаются индивидуальные смыслы и коллективные практики, формируя уникальный социокультурный ландшафт. Именно он представляет собой многогранную, динамичную систему общественных связей, которая посредством множества механизмов трансформирует и поддерживает социальную интеракцию. Этот сложный организм функционирует через тонкие инструменты: нормативную саморегуляцию, аксиологическую синхронизацию и знаково-символический диалог, непрерывно воспроизводя и качественно обогащая формы человеческого взаимодействия.

Ключевые слова: культура, цивилизация, философия, социальные институты, человек, социология.

Социальная культура представляет собой сложную и многогранную категорию, которая отражает процессы взаимодействия социальных групп, институтов и личностей в едином культурном пространстве. Социальную культуру можно представить как феномен общественной жизнедеятельности, которая проявляется в сложной, динамически развивающейся системе взаимосвязанных элементов, отражающих способы и результаты социального взаимодействия индивидов и групп [10].

Культурная проблематика неизменно находилась в эпицентре интеллектуальных дискуссий, являясь ключевым предметом рефлексии для мыслителей различных эпох и научных школ. Феномен культуры постоянно привлекал пристальное внимание исследователей, становясь своеобразным герменевтическим ключом к пониманию закономерностей человеческого развития. Крупнейшие философы, социологи, культурологи

и историки на протяжении столетий выстраивали собственные концептуальные модели, раскрывающие существенные характеристики культурных процессов. Каждая историческая эпоха формировала уникальный дискурс осмысления культурных трансформаций, отражающих специфику мировоззренческих парадигм конкретного временного периода.

Научный дискурс культуры постоянно эволюционирует, показывая сложную диалектику теоретических подходов и методологических стратегий познания культурных феноменов. Теоретическое осмысление сущности социальной культуры предполагает комплексный анализ ее онтологических характеристик, включающих, куда стоит отнести:

1. Аксиологический пласт. Он заключается в ценностных ориентациях; нормативных паттернах поведения и социально значимом смысле.

2. Институциональная структура. Она проявляется в формальных и неформальных социальных институтах; механизмах регуляции межсубъектных отношений и нормативно-правовых регламентах.
3. Коммуникативный контекст заключается в способах трансляции социального опыта; моделях интеракционного взаимодействия и символических системах коммуникации.

Методологический подход к исследованию социальной культуры предусматривает мультипарадигмальность и междисциплинарность научного познания, а также интеграцию социологических, антропологических, психологических и культурологических исследовательских стратегий.

Феномен культуры — ключевой элемент исследования социальной динамики в современных реалиях. Многогранное понятие, укорененное в латинской лингвистической традиции, берет свое начало от термина, «introduced» введенное легендарным римским государственным деятелем Марком Порцием Катонем Старшим. Изначально семантическое поле слова охватывало глубокие процессы трансформации: от бережного возделывания земли до тонкого окультуривания человеческого потенциала — воспитания, образования, личностного роста и духовного преображения [3]. Этимологический анализ демонстрирует, что культура — это не просто статичная категория, а живой конструкт, который постоянно эволюционирует, отражая интеллектуальные и ментальные изменения социума. Универсальность термина подтверждается его присутствием практически во всех мировых языках, что свидетельствует о фундаментальности культурного измерения человеческого существования [5].

При погружении в философскую сферу осмысления социальной культуры первостепенной задачей становится концептуальное обоснование сущности культуры. Многогранность и семантическая вариативность данного феномена обуславливают необходимость комплексного исследовательского подхода, который бы раскрывал динамику культурных трансформаций через призму эволюционных изменений социальных структур и институциональных форм. На протяжении веков философская мысль настойчиво исследовала феномен культуры. В доиндустриальную эпоху это понятие служило маркером интеллектуальной утонченности и противопоставлялось грубости первобытных форм существования, символизируя личностную зрелость и соответствие гуманистическим идеалам.

В эпоху Нового времени социальная культура как многогранный феномен общественной жизни представляла собой сложную систему взаимосвязанных элементов, отражающих трансформационные процес-

сы. В данном контексте особое значение приобретали институциональные практики, которые формировали уникальное социокультурное пространство. Ключевыми характеристиками социальной культуры являлись: динамичность социальных норм и ценностных ориентаций; усложнение коммуникативных моделей взаимодействия; децентрализация традиционных властных структур; интенсификация культурного обмена между различными социальными группами [4]. В целом структурные особенности социальной культуры Нового времени характеризуются принципиально новыми горизонтальными связями между индивидами и социальными группами, что принципиально трансформирует традиционные иерархичные модели взаимодействия.

Просветители XVIII столетия — Вольтер, Тюрго, Кондорсе интерпретировали культурно-исторический процесс преимущественно через призму эволюции человеческого интеллекта, рассматривая разум как магистральный вектор прогресса [1, 9]. Жан-Жак Руссо привнес диаметрально противоположный взгляд, подвергнув критике традиционное понимание культуры и цивилизации. Парадоксальным образом мыслитель доказывал, что истинно культурными являются общества, сохранившие патриархальную модель государственного устройства, далекую от урбанистических трансформаций [9].

Немецкие философы-классики — Иммануил Кант, Фридрих Шиллер и Георг Гегель радикально переосмыслили концепцию культуры, возведя ее в ранг трансцендентной сферы человеческого бытия [6, 7, 11]. Они интерпретировали культуру как уникальное пространство духовной самореализации, выходящее за рамки биологических инстинктов и социальных детерминант. Культура виделась им не просто механизмом адаптации, а способом глубинного самоопределения личности, где индивидум обретает подлинную свободу от детерминирующих внешних обстоятельств. Для этих мыслителей культура представлялась сложной системой, где человек преодолевает свою природную и социальную обусловленность, создавая самостоятельные духовные конструкты, недетерминированные жесткими внешними регламентациями [5].

Философская рефлексия культуры выступает ключевым инструментом постижения социальной динамики, раскрывая глубинные механизмы становления и трансформации общественных систем. Палитра культурфилософских подходов к интерпретации культуры — от космологических до циклических концепций формирует многомерную картину человеческого опыта. Каждая из этих перспектив высвечивает определенные грани социально-исторической реальности, демонстрируя культуру как сложно структурированный, многоуровневый феномен.

Важно подчеркнуть, что принципиальная полиморфность трактовок культуры не является недостатком, а отражает онтологическую сложность человеческого бытия. Множественность интерпретационных моделей выступают не препятствием, а методологическим преимуществом, позволяющим уловить тончайшие нюансы социокультурных трансформаций.

Так, в контексте космологической парадигмы культура предстает собой органичное продолжение природных процессов, где человек выступает квинтэссенцией эволюционного развития, наделенной уникальным потенциалом интеллектуальной рефлексии. Сквозь призму этого подхода культура раскрывается как изящный симбиоз природных закономерностей и социальной креативности. В данном контексте человек представляется как не внешний наблюдатель, а активный соучастник глобальных космических изменений, чей разум является тонким инструментом трансформации природной реальности. Генезис культурных форм детерминирован глубинными онтологическими принципами, что демонстрирует перманентное взаимодействие природных и социальных систем. Природа выступает источником креативного потенциала, а культура — способом этой уникальной реализации. Исходя из этого, мы приходим к пониманию того, что культура — это сложноорганизованный феномен, возникающий на грани естественных процессов и творческой деятельности человека, который выступает одновременно и творцом, и продуктом социальной реальности.

С точки зрения культурологических воззрений выдающихся мыслителей И.Г. Гердера и А. Швейцера, утверждающих примат гуманистических ценностей, был предложен уникальный методологический подход к исследованию культурного пространства [4]. Их концепция фокусируется на раскрытии глубинных механизмов человеческой коммуникации, трансформации государственных институтов, эволюции научного знания и художественного творчества через призму духовных идеалов милосердия и религиозного откровения.

Философский дискурс данной теории акцентирует внимание на взаимопроникновении гуманистических принципов в различные сферы социокультурной реальности, демонстрируя органичную взаимосвязь между индивидуальным и коллективным началами человеческого бытия. Авторы концепции рассматривают культуру как живой, динамичный организм, который постоянно развивается под влиянием духовно-нравственных императивов. Сущностная миссия культуры проявляется в формировании целостного пространства личностного роста, где каждый индивид получает уникальную возможность раскрытия своего внутреннего потенциала, трансформации духовных и морально-этических оснований своего существования.

В рассматриваемом контексте культура выступает тонким инструментом гармонизации человеческого опыта, создавая многоуровневую среду для интеллектуального, эмоционального и нравственного совершенствования. Она предоставляет индивиду не просто набор норм и правил, а целостную систему координат для самопознания, саморазвития и обретения глубинных смыслов человеческого бытия. Через призму культурных практик личность получает пространство для творческой самореализации, расширения горизонтов мировосприятия и формирования универсальных духовных ценностей, что принципиально трансформирует его экзистенциальную траекторию.

Концепция циклического развития культуры, представленная в теоретических изысканиях выдающихся мыслителей — Данилевского, Шпенглера и Тойнби, раскрывает альтернативный взгляд на историческую динамику человеческих сообществ [2, 8, 12]. Ключевой постулат этой парадигмы заключается в понимании культуры как живого организма, который проходит собственные уникальные стадии становления: от зарождения и расцвета до постепенной трансформации и угасания. Каждый культурно-исторический тип рассматривается как самобытная цивилизационная матрица, обладающая неповторимым генетическим кодом развития. Теория предполагает, что локальные цивилизации не являются линейным продолжением одна другой, а представляют собой самостоятельные системы со свойственными только им закономерностями эволюции, ментальными архетипами и траекториями социокультурной динамики [8]. Такой подход принципиально трансформирует традиционное понимание исторического процесса, представляя его не как универсальную магистраль прогресса, а как мозаику самодостаточных культурных миров.

Изменения в культурно-историческом плане развиваются как сложная многослойная динамическая система, где каждая стадия жизненного цикла представляет собой уникальную трансформационную модель. Траектория развития культурного типа подобна биологическому циклу: от начальной точки зарождения через фазу интенсивного роста и креативного расцвета до постепенной инволюции и трансформационных процессов угасания. Пространственная экспансия происходит в плоскости геополитических ландшафтов, где взаимодействуют синхронные и диахронные культурные импульсы. Фундаментальный каркас культурно-исторического типа формируется посредством чередования четырех взаимопроникающих субстанций: духовно-религиозная матрица; культурный код; политические институции; социально-экономические парадигмы. Каждая из этих субстанций выступает одновременно и драйвером, и индикатором цивилизационных трансформаций, создавая многомерную картину культурной эволюции.

Творческая и созидательная активность человека, в данной концепции, выступает ключевым механизмом трансформации социальной реальности, детерминируя ключевые направления эволюционного развития человеческих сообществ. Характер и интенсивность взаимодействия индивида с окружающей средой формируют уникальный цивилизационный ландшафт, где каждый тип деятельности выступает своеобразным генетическим кодом культурной парадигмы. Сама природа человеческой активности становится не просто инструментом преобразования мира, а глубинным отражением внутренних интенций, ценностных установок и коллективного бессознательного социума. Через призму доминирующих форм деятельности можно считать не только технологический уровень развития, но и ментальные матрицы конкретной цивилизации.

Несмотря на общий концептуальный фундамент исследования социокультурной динамики, теоретические конструкции Данилевского, Шпенглера и Тойнби демонстрировали принципиально различные методологические подходы к пониманию цивилизационного (культурно) развития. Николай Данилевский выдвинул революционную для своего времени концепцию, где славянская культурно-историческая общность позиционировалась как особый цивилизационный тип с центром в Российской империи [2]. Этот подход радикально отличался от евроцентристских воззрений, презентуя самобытную модель культурно-исторического процесса, где российская цивилизация рассматривалась как уникальный самодостаточный феномен с потенциалом глобальной культурной трансформации. Принципиальная новизна позиции Данилевского заключалась в утверждении плюралистичности цивилизационного развития, где каждый культурный тип имеет право на самостоятельную траекторию эволюции, а не жестко детерминирован западноевропейскими стандартами.

В диаметрально противоположной плоскости от концепции Данилевского располагалась теоретическая позиция О. Шпенглера, который последовательно развивал парадигму европейского культурного превосходства [12]. Шпенглер рассматривал европейскую цивилизацию как магистральный вектор социокультурного развития, где западноевропейские ценности и институты презентуются универсальной матрицей глобального прогресса. На его взгляд, социальный опыт Европы является эталонным и имеет потенциал тотального трансфор-

мационного влияния на другие культурные системы [12]. Принципиальная методологическая установка немецкого мыслителя фокусировалась на идее культурной гегемонии Европы, где западная модель рассматривается как наивысшая форма цивилизационной организации.

Взгляд А. Д. Тойнби на культурно-цивилизационное развитие отличался от пессимистичной концепции О. Шпенглера более оптимистичным подходом. Если Шпенглер видел европейский путь как уникальный и недостижимый для других культур, то Тойнби полагал, что каждая цивилизация способна самостоятельно пройти путь трансформации и прогресса [8]. Каждая культурная система, по мнению ученого, несет в себе уникальный опыт, который обогащает глобальное человеческое сообщество. Этот опыт формирует универсальные ориентиры развития, основанные на фундаментальных ценностях, выработанных столетиями человеческой истории. К числу таких непреходящих ценностей относятся жизнь, справедливость и безопасность — базовые принципы, которые объединяют различные цивилизационные модели.

В целом, философское осмысление культуры представляет собой сложную и многогранную область исследований с богатым спектром теоретических воззрений. Представленные нами концепции демонстрируют различные методологические стратегии постижения сущности культурных процессов. Космологический подход позволяет раскрыть глубинные истоки культуры, рассматривая ее в контексте универсальных законов мироздания. Культурологическая перспектива фокусирует внимание на динамике общественного развития, где культура выступает индикатором социальных трансформаций и прогрессивных изменений. Циклический подход особенно ценен тем, что раскрывает сложную диалектику взаимовлияния социальных и культурных систем, демонстрируя их взаимопроникновение и взаимообусловленность. Каждая из представленных концепций вносит уникальный вклад в понимание сложной природы культурных феноменов.

Таким образом, социальная культура выступает сложной, но организованной системой, обеспечивающей воспроизводство и развитие социальных взаимодействий через механизмы нормативной регуляции, ценностной координации и символической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. — 351 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. — 451 с.
3. Зомбарт В. Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека. 2005. СПб., «ВЛАДИМИР ДАЛЬ». — 639 с.
4. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005. — 474 с.
5. Ионов И.Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций: От античности до конца XIX века. СПб., 2002. — 333 с.
6. Кант И. Критика способности суждения. М.: АСТ, 2021. — 292 с.
7. Маслова В.А. Концепция эстетического воспитания Фридриха Шиллера // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 6. — С. 126–129.
8. Пятилетова Л.В., Зорихина Е.М. Культурологическая концепция А. Тойнби: новые грани прочтения // Концепт. 2013. № 12. — С. 52–59.
9. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. — 336 с.
10. Философский энциклопедический словарь. М. 1983 — 492 с.
11. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании. М.: Директ-Медиа, 2007. — 200 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Минск: Попурри, 1998. Т. 1. Образ и действительность. — 688 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru); Серова Наталья Степановна; Пилипенко Дмитрий Сергеевич
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ И УСЛУГ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ

Чжан Чжици

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
naiguanuyu@gmail.com

DIGITALIZATION OF THE PRODUCTION OF GOODS AND SERVICES AND THE TRANSFORMATION OF HUMAN CAPITAL: THE CASE OF RUSSIA AND CHINA

Zhang Zhiqi

Summary. This article examines issues related to the digitization of services and the transformation of human capital, their characteristics in Russia and China. The aim of the study is to analyze examples from Russia and China in the context of transforming human capital under digitalization. The author emphasizes the importance of the ongoing digitization processes in society and their impact on the socio-economic sphere of life. The main problems encountered on the path of digitizing services and transforming human capital are studied. The concept of "digital transformation of human capital" is defined. An analysis is conducted of the composition and structure of specialists employed in the field of digital services in various types of enterprises. The main in-demand disciplines on the market for digital services in China are examined. The main results that can be achieved on the basis of transforming human capital in enterprises and organizations under digitalization are considered, and the main socio-economic outcomes of activity are also studied.

Keywords: digitalization of services, transformation, human capital, Russia, China.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с цифровизацией процесса производства товаров и услуг и трансформацией человеческого капитала, их особенностями в России и Китае. Целью исследования является анализ примеров России и Китая в контексте трансформации человеческого капитала в условиях цифровизации. Автор подчеркивает важность процессов цифровизации, происходящих в обществе и влияющих на социально-экономическую сферу жизни. Изучены основные проблемы, возникающие на пути цифровизации услуг и трансформации человеческого капитала. Определено понятие «цифровая трансформация человеческого капитала». Проведен анализ состава и структуры специалистов, занятых в сфере цифровых услуг на предприятиях различного типа. Изучены основные востребованные специальности на рынке цифровых услуг в Китае. Рассмотрены основные результаты, которые возможно достичь на основе трансформации человеческого капитала на предприятиях и организациях в условиях цифровизации, а также изучены основные социально-экономические результаты деятельности.

Ключевые слова: цифровизация услуг, трансформация, человеческий капитал, Россия, Китай.

Введение

В условиях цифровизации экономики происходят процессы трансформации в различных областях народного хозяйства. Так, происходят существенные изменения в организационной структуре управления предприятиями, что ставит новые задачи перед работниками и менеджерами [1, с. 955]. Следует отметить, что традиционные модели управления персоналом уже не могут в полной степени удовлетворить потребности современных предприятий. Следовательно, необходимы новые подходы к накоплению человеческого капитала и к системе его управления в современных условиях.

Россия и Китай являются мировыми лидерами в области развития и внедрения цифровых услуг и технологий, благодаря чему страны смогли получить высокие

конкурентные преимущества на международном рынке. Россия и Китай наглядным образом демонстрируют использование инновационных подходов, механизмов, моделей в области цифровизации [5, с. 58]. Именно поэтому важно исследовать накопленные знания и опыт двух великих держав в сфере цифровизации и трансформации человеческого капитала с целью дальнейшего повышения эффективности и устойчивости социально-экономического развития России и Китая. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Следует отметить, что многие российские и китайские предприятия и организации, осознавая важность и необходимость процессов цифровизации производства товаров и услуг и трансформации человеческого капитала, сталкиваются с рядом проблем [8, с. 143].

Основными причинами их возникновения являются: неготовность персонала предприятий к цифровым изменениям, что, зачастую, связано со страхом, боязнью перемен; отсутствие четкой стратегии трансформации человеческого капитала в организации, что вызывает проблемы в структуре управления трудовыми ресурсами; неподготовленность персонала и отсутствие у него необходимых знаний в области цифровизации; высокие финансовые затраты на обучение работников; возможные риски и потери, связанные с цифровой безопасностью и её обеспечением и т.д. [10, с. 96].

Вопросами изучения цифровизации услуг и трансформации человеческого капитала на примере предприятий России и Китая занимались многие ученые, среди которых можно отметить труды Андрищенко Г.И. [1], Грибков А.А. [4], Ван Гаомин [2], Ван Хунди [3], Мэй Сюэ [8], Жун На [6], Ли Цзинтао [7], Сунь Байху [10], Дин Яньпин [5], Мэн Л. [9] и многих других.

Материалы и методы

Основными методами для проведения данного исследования явились: сравнительный анализ примеров цифровой трансформации человеческого капитала в России и Китае, статистический анализ данных о занятости IT-специалистов и востребованных цифровых профессиях, а также методы логического моделирования для разработки рекомендаций по оптимизации HR-процессов на российско-китайских предприятиях в условиях цифровизации.

Результаты и обсуждение

Под цифровой трансформацией человеческого капитала следует понимать процесс совершенствования трудовых ресурсов на предприятии или организации на основе использования цифровых инструментов и технологий эффективного управления работниками, способствующих формированию у них цифровых знаний, опыта и навыков в процессе осуществления трудовой деятельности, повышению уровня цифровой грамотности и формированию профессиональных компетенций [3, с.88].

Количество специалистов в области цифровых услуг в России достигло высокого уровня, однако, потребность в них увеличивается с каждым годом [4, с.101]. Количество IT-специалистов занятых или обслуживающих предприятия различных отраслей и сфер народного хозяйства в России за 2024 год представлена на Рис. 1.

Таким образом, можно увидеть, что наибольшее количество IT-специалистов за исследуемый период времени занято работой на предприятиях среднего бизнеса, на втором месте находятся малые предприятия. Это объясняется потребностью самих предприятий в данных специалистах, а также спросом на рабочие места со стороны специалистов.

В Китае самыми распространенными специальностями в области предоставления цифровых услуг в 2024 году являлись следующие:

- 1) специалисты в области разработки искусственного интеллекта (50 %);

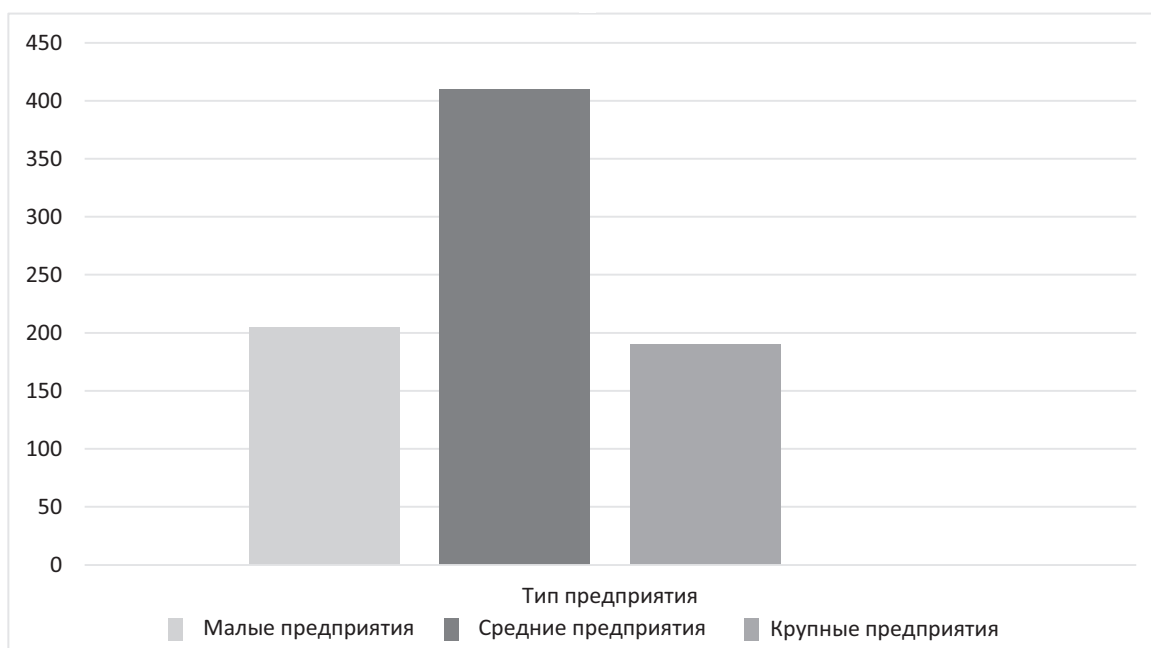

Рис. 1. Количество IT-кадров занятых или обслуживающих предприятия различных отраслей и сфер народного хозяйства в России за 2024 год, тыс. чел. [8, с.143]

Рис. 2. Популярные специальности в области предоставления цифровых услуг в 2024 году в Китае [5, с. 58]

- 2) специалисты по кибербезопасности (15 %);
- 3) инженеры облачных вычислений (15 %);
- 4) разработчики мобильных приложений (10%);
- 5) аналитики данных и специалисты по Big Data (10 %).

Данные анализа представлены на Рис. 2.

Можно увидеть, что наиболее популярной специальностью в Китае в 2024 году была специальность, связанная с разработкой искусственного интеллекта. На втором месте находятся специалисты по кибербезопасности и инженеры облачных вычислений. На третьем месте разработчики мобильных приложений и аналитики данных и специалисты по Big Data.

Развитие российских и китайских предприятий в условиях цифровизации потребовало от них преобразования существующих подходов к управлению человеческими ресурсами в соответствии с новыми стратегическими целями и задачами деятельности [2, с.100]. Это позволило повысить эффективность их деятельности, добиться повышения качества выполняемой работы, усилить вовлеченность кадров в процесс осуществления производственно-хозяйственной деятельности и повысить производительность труда в целом [7, с.93].

Трансформация человеческого капитала в условиях цифровизации предполагает достижение предприятиями России и Китая следующих основных результатов:

- 1) изменение традиционных подходов к осуществлению управления человеческими ресурсами на предприятии (использование цифровых инструментов и технологий способствует упрощению деятельности, повышению ее эффективности в целом);

- 2) оптимизация бизнес-моделей и изменение потребности в кадрах (в условиях стремительной цифровизации происходит трансформация бизнес-моделей, а также возрастает потребность в квалифицированных человеческих ресурсах, обладающих цифровыми знаниями, опытом и навыками работы, что автоматически повышает ценность человеческого капитала);
- 3) формирование новых моделей управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации (разработка новых моделей управления кадрами на предприятиях и организациях позволяет открыть новые возможности для осуществления производственно-хозяйственной деятельности, обучения персонала, раскрытия его талантов и новых возможностей);
- 4) изменение ценностных установок и поведения персонала на предприятии в новых условиях работы (появление цифровых технологий способствует полной трансформации человеческого капитала, что проявляется в изменениях индивидуальных потребностей работников, ожидаемых социальных эффектах, а также эмоциональных запросах) и т.д. [9, с.923].

Достижение указанных выше результатов возможно при взаимодействии современного менеджмента и социологии, поэтому важно рассмотреть влияние процесса цифровизации услуг и трансформации человеческого капитала с точки зрения этих направлений исследований.

Так, с точки зрения менеджмента трансформация человеческого капитала в условиях цифровизации способствует достижению следующих результатов:

- 1) повышение эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятий и организаций (получение высокой экономической выгоды при наименьших затратах);
- 2) повышение качества и скорости принятия организационно-управленческих решений на предприятии и организации;
- 3) сокращение основных видов расходов, связанных с осуществлением текущей деятельности;
- 4) повышение уровня экономической безопасности на предприятии и организации;
- 5) увеличение производительности труда на предприятии и организации и т.д. [6, с.111].

С точки зрения социологии трансформация человеческого капитала в условиях цифровизации способствует достижению следующих результатов:

- 1) повышение уровня развития корпоративной культуры;
- 2) проявление и раскрытие талантов, а также творческих способностей работников;
- 3) возможность продвижения по карьерной лестнице и повышение социального статуса в обществе;
- 4) формирование новой модели поведения работника на предприятии и трудовой этики;
- 5) создание условий для удовлетворенности работников от осуществления трудовой деятельности;
- 6) создание условий для развития системы непрерывного цифрового образования и т.д.

Исходя из поставленной цели исследования, важно было бы также коротко рассмотреть примеры успешных компаний из России и Китая в сфере трансформации человеческих ресурсов в условиях цифровизации (Таблица 1). Результаты сравнительного анализа позволяют обратить внимание на те аспекты цифровизации, на которые сделали акцент некоторые успешные российские и китайские компании в сфере трансформации человеческих ресурсов.

В целом примеры предприятий России и Китая показывают их нацеленность, прежде всего, на улучшение условий труда работников, экономию времени и затрат, получение прибыли, повышение производительности труда и его эффективности.

На основе анализа опыта российских и китайских предприятий можно было бы также предложить перечень рекомендаций по трансформации человеческого капитала в условиях цифровизации. Данные рекомендации в кратком виде представлены на Рис. 3.

Цифровое планирование человеческих ресурсов на предприятии в условиях цифровизации играет важную роль, поскольку позволяет обеспечить эффективный набор и распределение кадров, а также обеспечить эффективную организационную структуру управления

Таблица 1.

Примеры компаний из России и Китая в сфере трансформации человеческих ресурсов в условиях цифровизации [составлено на основе: 2, с. 100–102]

Примеры кейсов в России	Примеры кейсов в Китае
АО «Россети» разработала и внедрила в свою деятельность «фабрики данных», которые позволили оптимизировать производственный процесс, повысить ее эффективность, а персонал получил широкую возможность доступа к использованию банка данных, что также облегчило его работу.	«Ping An Insurance Group» — данная кампания предложила на рынке кейс по формированию «фабрики данных», которая повысила эффективность обработки данных и принятия решений, а также создала возможность разработки аналитических моделей.
ОАО «Российские железные дороги» активно внедрило кейс по формированию и развитию корпоративной культуры, в которой основными ключевыми аспектами деятельности стали: активное обучение работников, формирование командной работы с целью разработки инновационных цифровых проектов и решений.	Nanjing Kangni Mechanical & Electrical Co Ltd — компания сформировала стратегию цифровой трансформации, выделив 19 бизнес-сценариев в 5 основных областях и 8 моделей ценности, включая полный жизненный цикл качества.
ПАО «Россети» разработала кейс в основе которого лежала разработка мобильного приложения, которое позволило повысить производительность электромонтажных работ за счет эффективного распределения объема заданий и активного информационного обмена между всеми участниками.	Компания «Бейка», работающая на рынке в сфере недвижимости разработала кейс на основе использования искусственного интеллекта, что позволило всем участникам снизить затраты живого труда и получать наибольшую прибыль.

с четким распределением обязанностей и ответственности. С этой целью менеджментом предприятий могут быть построены сетевые прогнозные модели, графики или тренды.

Цифровой рекрутинг и распределение персонала позволяет эффективно подобрать кадры для предприятия, а также выявить талантливых специалистов на рынке труда. Следует отметить, что в условиях цифровизации многие российские и китайские кампании стали активно использовать цифровые платформы, различные инструменты цифровизации (искусственный интеллект, блокчейн, цифровые двойники и другие) с целью распространения информации о вакансиях, поиска сотрудников через различные приложения и социальные сети, а также активно использовать цифровые технологии для обучения персонала.

Оптимизация кадровой системы и обучение персонала позволяют повысить эффективность деятель-

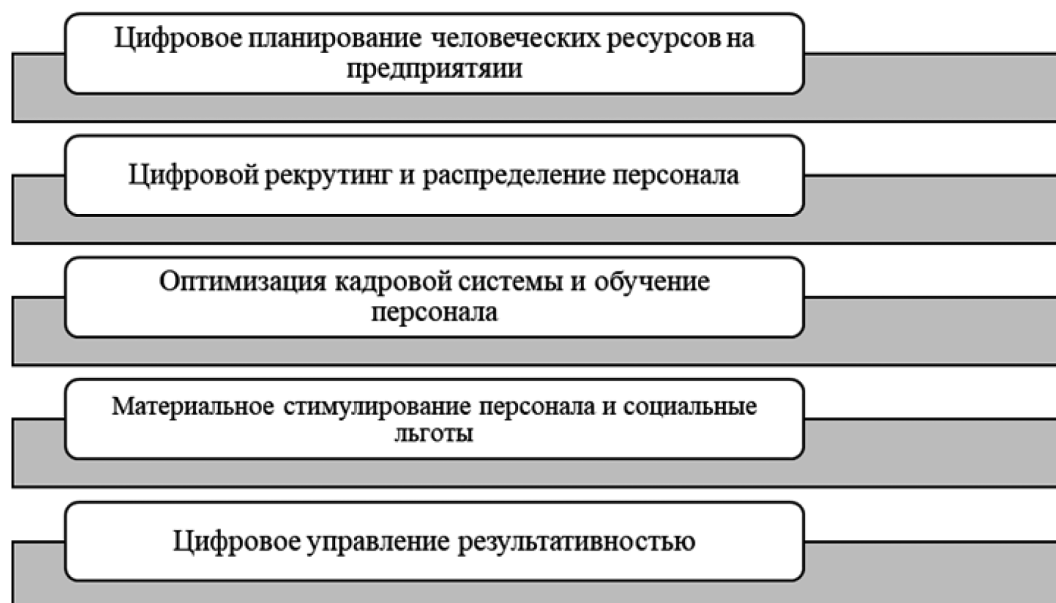

Рис. 3. Рекомендации по трансформации человеческого капитала в условиях цифровизации на примере российско-китайских предприятий

[Разработано автором]

ности на предприятии и организации. Так, с помощью цифровизации услуг стало возможным сократить большой объем работы кадровой службы и сократить время на поиск сотрудников. Так, например, основную часть работы по поиску сотрудников взяли на себя чат-боты, а также виртуальные помощники, которые проводят опросы, осуществляют информационную поддержку и консультирование по вопросам найма и дальнейшей работы. Обучение персонала в условиях цифровизации открыло широкие возможности для повышения квалификации сотрудников организации, получения новых знаний, опыта работы в различных областях и сферах деятельности.

Цифровое управление результативностью — это ключевая функция HR-менеджмента, напрямую связанная с достижением организационных целей и реализацией стратегии. Система управления результативностью должна опираться на цифровые инструменты, транс-

формируясь в сторону упрощенности, оперативности и интеллектуализации, чтобы стать «двигателем» организационных преобразований и «ускорителем» внутреннего роста сотрудников.

Заключение

Можно сделать вывод, что процессы цифровизации способствуют трансформации человеческого капитала и его преобразованию в современных условиях. Россия и Китай стали мировыми лидерами в области использования цифровых технологий и услуг, которые нашли свое широкое применение в производственно-хозяйственной деятельности различных предприятий и организаций. Однако, подходы и механизмы использования цифровых технологий и предоставления услуг отличаются друг от друга, это объясняется особенностями государственной политики и направлений внедрения цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко Г.И. Анализ факторов, определяющих качество человеческого капитала в условиях цифровизации экономики // Креативная экономика. — 2023. — № 3. — С. 955–970.
2. Ван Гаомин. Исследование и построение управления человеческими ресурсами предприятий в условиях цифровой трансформации // Стратегические новые отрасли Китая. — 2022. — № 14. — С. 100–102.
3. Ван Хунди. Пути инновации в управлении человеческими ресурсами: в условиях цифровой трансформации // Богатая жизнь. — 2024. — № 11. — С. 88–90.
4. Грибков А.А. Роль человеческого капитала в концепции цифровой экономики // Молодой ученый. — 2023. — № 14 (461). — С. 101–103.
5. Дин Яньпин. Пути инновации в управлении человеческими ресурсами предприятий в условиях цифровой трансформации // Модернизация торговли. — 2024. — № 2. — С. 58–60.
6. Жун На. Стратегии цифровой трансформации HR-управления в условиях облачных вычислений // Модернизация торговли. — 2023. — № 5. — С. 111–113.

7. Ли Цзинтао. Цифровая трансформация HR-управления предприятий в условиях новой эпохи // Исследования экономики и социального развития. — 2022. — № 32. — С. 93–96.
8. Мэй Сюэ. Обсуждение путей инновации в управлении человеческими ресурсами предприятий в условиях цифровой трансформации. Современные коммерческие исследования. — 2024. — № 3. — С. 143–145.
9. Мэн Л. Сравнительный анализ моделей развития цифровой экономики в Китае и России // Вопросы инновационной экономики. — 2024. — № 3. — С. 923–942.
10. Сунь Байху. Противодействие вызовам цифровой трансформации управления человеческими ресурсами предприятий // Богатая жизнь. — 2024. — № 5. — С. 96–98.
11. Miller T., Kraidy M.M. Global Media Studies. Cambridge. Malden: Polity Press, — 2016. — 247 p.
12. Fossen F.M., Sorgner A. Digitalization of work and entry into entrepreneurship // Journal of Business Research. — 2021. — p. 548–563.
13. Hendriarto P. Understanding of the role of digitalization to business model and innovation: economics and business review studies // Linguistics and Culture Review. — 2021. — p. 160–173.
14. Zeng H., Ran H., Zhou Q., Jin Y., Cheng Xu. The financial effect of firm digitalization: Evidence from China // Technological Forecasting. — 2022. p. — 121–951.

© Чжан Чжици (naiguanyu@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Barshova O. — Candidate of History, docent, All-Russian State University of Justice, Middle-Volga Branch (Saransk)

Belyanina I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO "Moscow International University"

Bodunov P. — graduate student, Cherepovets State University

Dakhnovich K. — Postgraduate student, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology K.I. Skryabin

Danilenkova T. — Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University"

Dolganova N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO "Moscow International University"

Eshmatov Sh. — Assistant, Tajik State University of Commerce, Khujand, Republic of Tajikistan

Fedotova G. — Doctor of Economics, associate Professor, Leading Researcher, Federal Research Center of the RAS (Moscow)

Gazizullin R. — Doctor of Law, PhD in Economics, Kazan (Volga Region) Federal University

Grigorieva O. — Doctor of Sciences in Law, Professor, MGIMO University

Isupova E. — PhD in Economics, associate professor, Novosibirsk State University

Kheychieva B. — PhD in Economics, assistant professor, KalmSU (Elista)

Kireev B. — graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Kishkinova O. — Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology

Klimin V. — Doctor of Medicine, Doctor of Economics, President of the National Interregional Association of Medical Tourism (Moscow)

Kobzar-Frolova M. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

OUR AUTHORS

Kostyleva N. — postgraduate student, Far Eastern Federal University

Kukushin N. — Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI)

Lavshuk M. — Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnoyarsk State Agrarian University»

Lazarev E. — Leading specialist, Department of Quality and Safety of Medical Activities, Separate Structural Unit «Russian Gerontological Research and Clinical Centre», Pirogov Russian National Research Medical University (Ministry of Health of Russia) (Moscow)

Liu Zining — graduate student, Peoples Friendship University of Russia, Moscow

Maltseva Yu. — Ph. D., UrFU (Yekaterinburg)

Naumov V. — PhD in Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

Nikulshin A. — Applicant, MGIMO University

Niu Yahui — Lomonosov Moscow State University

Oleynik N. — PhD (Economics), Associate Professor, North-West Institute of Management — Branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (Saint-Petersburg)

Orekhova N. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

Pilipenko D. — Postgraduate Student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Polzikova E. — PhD, Associate Professor Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism (Krasnodar, Russia)

Rusyaeva M. — Candidate of Philological Sciences, docent, All-Russian State University of Justice, Middle-Volga Branch (Saransk)

Serova N. — Candidate of Philosophical Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Shabalina E. — Candidate of Law, Associate Professor, Autonomous non-profit organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Shpyrnya O. — PhD, Associate Professor Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism (Krasnodar, Russia)

Sinelnikov M. — graduate student, Cherepovets State University

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sternik S. — Doctor of economic sciences, Professor, Leading Researcher of Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Sychev D. — postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Uvarova N. — Candidate of Law, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov (Khabarovsk)

Verezubova N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology

Wu Kuikui — Postgraduate Student, Novosibirsk State University

Yakovleva O. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology

Zadneprovskaya E. — Candidate of Economics, Associate Professor Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism (Krasnodar, Russia)

Zhang Zhiqi — Postgraduate student, Saint Petersburg State University

Zhao Runfeng — Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Zhao Zelin — PhD in History, Senior Lecturer, Peoples Friendship University of Russia, Moscow

Zhestkov I. — candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Zorina O. — Post-graduated student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov (Khabarovsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).